

Л. А. ЧЕШКОВА

ДОРОГИ НЕ КОНЧАЮТСЯ

Л. А. ЧЕШКОВА

ДОРОГИ НЕ КОНЧАЮТСЯ

МОСКВА, «ПРОСВЕЩЕНИЕ», 1982

Рецензенты:

кандидат географических наук, доцент В. Я. Ром;
учитель географии школы № 23 г. Москвы Я. Б. Галкин.

Чешкова Л. А.

Ч—57 Дороги не кончаются...: Пособие для учащихся. — М.:
Просвещение, 1982.—112 с.

Необъятны просторы нашей Родины. В разных уголках ее идет гигантское строительство, возникают новые города, рукотворные моря и реки, появляются промышленные комплексы... С каждым годом могущественнее и краше становится наша страна.

Автор книги — журналист по профессии — на основе личных впечатлений рассказывает в географическом аспекте об освоении Приангарья, Севера, Прииртышья и других территорий.

Ч 4306020900—665
103(03)—82—222—82

ББК 65.9(2)04
33С5

От автора

Все начинается с дороги... Старое, как мир, житейское правило, и однажды читатель, который пока еще сидит за партой, тоже вспомнит его. В кармане у него будет лежать комсомольская путевка, и дорога на большую стройку станет его важным самостоятельным шагом в жизнь. Будет ли это БАМ, или нефтяные промыслы Тюмени, или Нечерноземье — не адрес важен, важно начать прокладывать свою взрослую трудовую колею как человеку думающему, готовому к сознательной созидательной жизни.

Мне посчастливилось, работая в журнале «Вокруг света», немало поездить по стране. Кончалась одна дорога, начиналась новая — и все равно не хватило бы жизни, чтобы увидеть все сегодняшние стройки. Может быть, поэтому меня тянуло в края, географически непохожие, отдаленные друг от друга, — Белоруссию и Дальний Восток, Мангышлак и Норильск, Архангельск и Прииртышье... И повсюду вырастают новые города и поселки, промышленные объекты и сельскохозяйственные комплексы. Я ощутила размах освоения наших земель, увидела, как меняется географическая карта Родины.

Недавно еще не было на ней морей, что возникли теперь в таежной Сибири, не было городов автостроителей Тольятти на Волге и Набережные Челны на Каме, Аркалыка в Казахстане, Синегорья на Колыме, где возводят Колымскую гидростанцию, не было Каракумского канала — рукотворной реки, прорезавшей горячие пески среднеазиатских пустынь, не было железных и автомобильных дорог на топкой, болотистой Тюменской земле... В местах, где разворачиваются большие стройки, особенно остро ощущаешь те поправки в географию, которые вносит человек, и всю сложность возникающих при этом проблем.

Освоение новых территорий тесно смыкается с вопросами рационального использования природных ресурсов, охраны окружающей среды и памятников культуры. Сегодня человек должен предвидеть, как отзовется на природе целого региона крупномасштабная стройка. Он стремится к тому, чтобы вместе с ростом новых городов и промышленных узлов реки оставались чистыми, чистым был бы воздух и леса стояли зелеными. И то прекрасное, что было создано в прошлом, не исчезло бы бесследно под натиском стройки, а стало бы памятником народной культуры, бережно охраняемым. Так — через созданное сегодня, через сохраненную природу, через памятники культуры — протягивается крепкая нить-связь из прошлого в настоящее и дальше — в будущее.

Недаром сейчас, когда прокладывается трехтысячекилометровая магистраль века — БАМ, десятки институтов ведут сложный комплекс исследований по освоению зоны будущей трассы.

На БАМе родилось движение «Я — хозяин стройки»: комсомольцы, приехавшие со всех концов страны, поняли, что природа тех мест, по которым пройдет магистраль, уникальна, но легко ранима и долг строителей — сберечь ее.

В нашей стране защита природы и памятников культуры дело не только увлеченных одиночек, отдельных хозяйств. Сегодня это — конституционная обязанность каждого гражданина СССР, всего государства. В Конституции СССР, в статьях 67 и 68, четко зафиксировано, что граждане СССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства, заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей.

В книге рассказывается о путевых впечатлениях автора, побывавшего на многих крупнейших строительных площадках страны. Конечно, путевые очерки — не хозяйственный отчет. В них много личного, пережитого, увиденного собственными глазами. И все же в основе каждого очерка — документальность, правда жизни, самоотверженный труд советских людей.

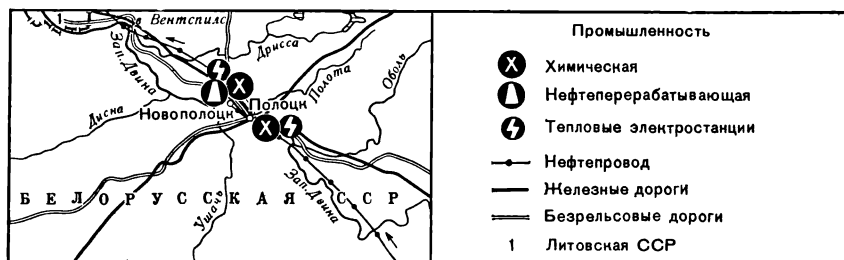
География очерков подобрана так, что они охватывают всю страну — с запада на восток и севера на юг, практически все природные зоны СССР.

Автор видит свою задачу в том, чтобы юный читатель почувствовал ни с чем не сравнимую масштабность грандиозных преобразований, совершающихся на огромной территории страны, почувствовал потребность внести свою лепту в общенародное дело. Особенно это важно для молодежи. Ведь в решениях XXVI съезда КПСС четко определены главнейшие стройки одиннадцатой пятилетки, а среди них и те, о которых пойдет речь в книге. Огромную роль в освоении новых районов партия отводит молодежи, комсомолу: немало важнейших строек объявлено всесоюзными ударными комсомольскими.

Конечно, многие из строек, на которых побывал автор и о которых рассказывается в книге, за последние годы неузнаваемо изменились: время движется вперед так стремительно... Не увидеть уже в прежних берегах красавицу Ангору, давно прошел большой бетон Саяно-Шушенской ГЭС, другим стал Новополоцк — молодой город Белоруссии... Но каждая крупная стройка — это дорога в будущее, и по ней шагать молодым.

Дороги, ведущие в будущее, не кончаются.

На полоцкой земле

...Еще в Москве кто-то из провожающих написал на пыльном стекле вагона: «Полоцк Спас XII», и всю дорогу плыли перед глазами крупные буквы, перечеркивая присыпанные снегом поля, блеклое зимнее небо, оголенные березовые перелески. Поезд нес нас к берегам Западной Двины, туда, где рядом со старинным Полоцком поднялся город химиков — Новополоцк. Одиннадцать веков разделяло эти города-соседи...

Поезд пришел в Полоцк ночью. Прямая, освещенная фонарями улица ввела в город, по-ночному тихий, пустынный и незнакомый.

Утром под окнами гостиницы раздалось цоканье копыт. Этот полузабытый звук — цок, цок, и тихое серое мягкое утро в окно, и крик птиц... Город звал на улицу. Я вышла — и невольно приостановилась у гостиничных колонн: не приснилось ли мне это цоканье? Заполненные, забрызганные талым снегом, мчались автобусы. Поток людей двигался по улице. Люди торопились; кажется, в этот деловой час мало кто чувствовал весеннюю мягкость воздуха. Постепенно поток редел, растекался по переулкам. Последние остатки его исчезли в проходной завода стекловолокна.

Я осталась наедине с Полоцком. По тихим переулкам спускаюсь в замерзшей реке. На набережной, возле одноэтажного домика, старик чистит двор. Он медленно бросает лопатой влажный тяжелый снег.

— Как пройти к центру, отец?

— Держи на Софийку, не потеряешься, — черным заскорузлым пальцем он ткнул вдоль улицы и снова взялся за лопату.

Софийка... Как по-свойски прозвучало имя Софийского собора, третьей на Руси Софии после киевской и новгородской. Впрочем, когда живешь бок о бок с историей, она перестает быть только историей. Я почувствовала это и на спокойных, сонных улочках, прилегающих к центральной площади.

...Крутой, словно притихший под тяжестью снега и времени, вал Ивана Грозного. Все, что осталось от Нижнего замка, ко-

торый был отстроен по приказу Грозного в годы Ливонской войны. Здесь, за земляным валом, несли службу, охраняли город стрельцы, который они еще так недавно штурмовали, сжигая и разрушая рубленые башни и крепостные стены. Теперь под самым валом бежали ледяные дорожки стадиона, стояли трибуны, чернела негустая роща, из которой хорошо виден Красный мост через Полоту, приток Западной Двины. Красный мост... Его отбивали у французов дружины Петербургского ополчения в 1812 году. Тот мост, конечно, не уцелел. И теперешний, что был построен после этой войны, разбирали по бревнышку: его заменяли современным, сохранив лишь древнее название.

Как красят эту древнюю пядь Полоцкой земли старые имена! Бывшая Стрелецкая ведет на береговой холм, к Софии, откуда пошел Полоцк. Верхний замок, выстроенный на холме, стал ядром города, его кремлем. Вокруг него, на холмистых берегах Полоты и Западной Двины, ставили бревенчатые избы посадские люди. Имя свое город получил от реки Полоты, а название реки, вероятно, пошло от основы «пал» — «болото». Напротив Софии, на левом южном берегу, раскинулось Задвинье. Сейчас туман скрыл реку, берег — и только крыши многоэтажных домов, глава высокого кургана Бессмертия и верхушки деревьев словно парят под его белесой пеленой.

Справа, огибая «софийский» холм, течет Полота. Сейчас она подо льдом. Легкий мост над вспученными льдами — и вот оно, Заполотье. Деревянные домики в одну улицу, срубы для родников на берегу, лодки, перевернутые ржавыми днищами кверху. Слышен скрип полозьев да хруст льда — рыбаки бьют пешней лунки. Влево от холма берег Западной Двины просматривается так же далеко. Набережная, спокойная и тихая, с невысокими домами, пологими спусками к воде; краснокирпичное здание бывшей кирки, серый массив Богоявленского собора и рядом — желтое двухэтажное здание Братской школы. Все краски пригашены туманным утром, и эта неброскость города, приглушенная тональность делает его загадочно емким: он помнит многое, но не сразу поделится с тобой пережитым.

Белые стены Софии, ее витиеватые башенки и зеленые главы долго провожали меня, когда я уезжала из Полоцка. Умели все-таки древние градостроители выбирать места для поселений. Издалека видели полочане неприятеля, холмы и река защищали город. Двина, надежная водная дорога, несла городу жизнь. Он стоял на древнем торговом пути «из варяг в греки»; торговые пути связывали Полоцк с Киевом и Смоленском. Город жил ремеслом, торговлей, искусством своих зодчих.

Иной ландшафт оказался удобным Новополоцку, городу, который родился в наше время. Но река нужна ему по-прежнему. Автобус идет по шоссе, проложенному вдоль Двины. Спокойная, почти безразличная спина водителя говорит без слов, как знакома ему эта дорога: ровный асфальт, ровная земля; то

мелькнет черный ельник, то засветлеют березки, и снова поля, поля, скрытые уже вечерним сумраком. Вдруг шофер обернулся и крикнул в открытую дверь кабины: «Приехали!». Крикнул весело — то ли от того, что близок был конец пути, то ли радостно ему стало от огней на том, другом берегу. Автобус вбежал на мост. Светящийся пунктир моста соединял темный правый берег реки с левым, где широкой и длинной лентой горел огнями Новополоцк...

Утром лента огней превратилась в главную магистраль города, вытянувшегося в струнку вдоль реки. Кругом лежали снежные поля, и близкий темный лес подступал порой к самым домам. На улицах преобладали скупые геометрически четкие линии и формы современного города — вертикали домов, широкие витрины, бетон, кирпич, стекло и пластик, а сразу за домами зеленела льдом Двина, и ее крутой берег, уже свободный от снега, парил под солнцем. Человек жил в городе, но он не расставался и с природой.

Город был так задуман. Возник он мгновенно — что для истории одно-два десятилетия? И не таил в себе еще вековых тайн. Он всем своим обликом говорил, что был нужен, необходим и потому возник сразу как город — не поселение, не посад, не острог, не торжище — а город, который неудержимо будет расти и дальше. Это чувствовалось по деловому движению машин, по стрелам кранов над еще не достроенными домами, по людям на автобусном пятачке, наконец, по обилию молодых лиц на улицах, по той уверенности и занятости, которые ощущались в разговорах людей.

Пусть недолга история у Новополоцка, но она уже есть. Не чугунные мортиры или каменные львы, а ковш экскаватора стоял у входа в музей, в маленький домик на окраине города. Это бывшее общежитие строителей, первый дом Новополоцка.

...Лето 1958 года. Первый отряд строителей разбил палаточный городок у деревни Слободы. Болота, лес, жара. Разбитые первые дороги. Сколоченная из досок столовая. Краны, склонившиеся над болотистым полем. На стенах музея — фотоэкспозиции. Лица на фотографиях веселые. Так настойчиво веселы бывают люди, когда ощущают, что делают нужное и очень серьезное дело. А Нефтьестрой был ударной комсомольской...

...Зима 62-го года. В Новополоцк пришли первые эшелоны с нефтью. Вот частичка ее — в бутылке, запечатанной сургучом, — темная, густая, из самых глубин земли. Человек склонен хранить то малое, с чего начинается в его жизни большое.

...Зима 63-го года. Нефтеперерабатывающий завод дал первый белорусский бензин.

...Зима 68-го года. На химическом комбинате, который начали строить в 1964 году, получена первая продукция — гранулированный полиэтилен. Это ценнейшее сырье для многих предприятий. Едва ли найдется сегодня хоть одна отрасль промыш-

ленности, которая могла бы обойтись без полиэтиленовых труб, пленок, посуды, деталей.

Но история Новополоцка, конечно, не кончилась ни 68-м годом, ни позднее, когда я бродила по комнаткам музея, с благодарностью думая о тех людях, которые собрали здесь эти бесценные фотографии и документы. Теперь музей, наверное, разросся (появился в городе, например, памятник первой палатке). И уверена, сохранил память о каждом новом шаге двух новополоцких гигантов — нефтеперерабатывающего завода имени XXV съезда КПСС и производственного объединения «Полимир» имени 50-летия БССР. Уже много лет непрерывным потоком идет по нефтепроводу «Дружба» нефть в город на Западной Двине, чтобы здесь, в Белоруссии, развивались новые отрасли промышленности. Переросло Белорусское Приозерье свою традиционную характеристику, и не назовешь его теперь только краем озер, болот, льна и пеньки...

Снова автобус, и лесная дорога, и огни. Море огней в нескольких километрах от города. Это и есть промышленная зона. Глаз не может охватить разом всю ее: на бывшем пустыре и болотистых поймах высятся корпуса цехов, опоры линии электропередачи, бегут подъездные пути и трубопроводы. Светятся красные пояса труб и ленты широких окон, пунктир огней очерчивает похожие на трапеции нефтеперерабатывающие установки, бело-синий свет сварки вспыхивает в переплетах арматуры...

Мне захотелось в какую-то минуту стать архитектором и завершить эту световую панораму: обозначить въезд и дорогу, подчеркнуть цветом центральную площадь, очертить строительную площадку, чтобы веселее работалось людям, чтобы ощути-мое стали размах и мощь этого промышленного комплекса.

Благодаря ему родился Новополоцк. Это он дает силы городу: заставляет возводить новые микрорайоны, открывать политехнический институт, профессионально-технические училища, новые школы и библиотеки, строить бассейны и спортлагеря у тихих лесных озер.

Я попала на такое озеро однажды в воскресенье. Меж заснеженных сосен скользили лыжники, в черном квадрате проруби виднелись головы «моржей». На полянке, перед деревянным домиком, стояла снежная баба, и с носа ее капали крупные капли: грело по-весеннему. Возле этой бабы, на припеке, мы вели неторопливый разговор о том, о сем. Я уже успела узнать, что все мои собеседники приехали издалека, и уже здесь стали кто строителем, кто химиком, кто аппаратчиком. Вдруг один парнишка, рыжий как солнышко, бойкий в разговоре, спросил:

— Если б я раньше здесь жил, кем бы был, а?

Встарь «всякого ремесла люди» населяли полоцкие посады: золотари-ювелиры, кушнеры-меховщики, кожемяки, кузнецы, пивовары... Почтением пользовались в городе купцы. Они везли из Полоцка меха и золу, смолу и деготь, лен, пеньку, хмель и

воск. В городе была топильная печь. Воск перетапливали, клеймили. Однажды полоцкий купец привез в Ригу пол-лашта (около 1000 килограммов) воска — так говорят дошедшие до нас сведения.

После Новополоцка острее ощущаешь старину Полоцка, его близость в прошлом к земле, бесхитростному труду, ремеслу. За каждым памятником яснее видится время, его породившее.

Творение зодчего Иоанна — Спасо-Ефросиньевская церковь — создано в XII веке. Церковь небольшая. Стены ее как бы расчленены круглыми полуколоннами. Простой орнамент на барабане. Луковица венчает постройку. Есть в этом памятнике, даже сильно измененном за восемь веков, цельность простоты, суровость. Церковь находится под охраной государства. В городе положено начало сохранению и реставрации памятников культуры прошлого: в 1967 году в Полоцке был создан историко-археологический заповедник, куда входят Верхний и Нижний замки, вал Ивана Грозного и, конечно, Софийский собор.

Кропотливый поиск, исследовательская работа сотрудников заповедника и краеведческого музея помогут восстановить многие страницы истории Полоцкой земли: открыть имена безвестных зодчих и славных полоцких мастеров, найти новые документы о личностях известных и почитаемых, таких, как Франциск Скорина, Симеон Полоцкий, архитектор Иоанн и других.

Многие из них жили в Полоцке, и город помнит о них. Улица Скорины, мемориальная доска на здании Братской школы при Богоявленском соборе, где преподавал Симеон Полоцкий, философ, писатель, чьи страстные речи «противо свирепых мучителей» и торжественные оды в честь русских войск никого не оставляли равнодушными. Типография имени Скорины: с этим именем связано начало белорусского книгопечатания. В 1517 году в Праге Скорина создал свою первую типографию и напечатал в ней 19 книг библии. С тех пор и до конца жизни, какие бы книги ни издавал Скорина, он всегда переводил их на белорусский язык.

История, воплощенная в Полоцке, думала я, бродя по старинным улочкам города, сомкнулась с новейшей историей — с социальной, технической, архитектурной характеристикой нашего времени, которую несет в себе Новополоцк. Нельзя не использовать то духовное богатство, те немногие оставшиеся от прошлого реалии, которые дошли до нас, пройдя через века опустошительных войн и пожаров.

Не пощадила Полоцка и последняя война.

...В Задвинье, на берегу реки, насыпан курган Бессмертия. Горит Вечный огонь, и свет его словно растворяется в туманном воздухе. Заснеженные аллеи идут от кургана к реке. Тихо. Торжественно. И горестно. Мысли невольно обращаются к тем страшным годам фашистской оккупации, когда погибли тысячи мирных полочан, когда улицы лежали в развалинах и почти все

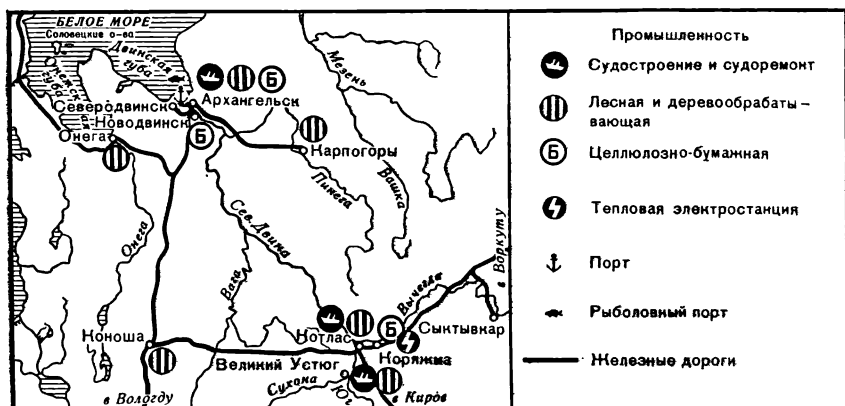
дома были сожжены, разрушены. Полоцк был — Полоцка не было. И все-таки он боролся. Многих мужественных людей знает Полотчина. И партизан, чьи избушки около села Малое Ситно и в Шапернинских лесах сохранены и оберегаемы сегодня, и подпольщицу Лилию Костецкую, и ту горстку гвардейцев, что 3 июля 1944 года под ливневым огнем захватила и разминировала мост через Двину и держала искореженный снарядами берег, чтобы на следующий день наша армия могла освободить Полоцк. «Все они в неравном бою погибли смертью храбрых, но не отступили ни на шаг». Это о гвардейцах. Это о многих освободителях города, в память которых воздвигнут курган Бессмертия и обелиск на центральной площади города.

В Новополоцке, в просторном дворе одной из школ стоит памятник: на высоком постаменте — голова девушки в смелом, даже дерзком повороте. Лилия Костецкая выполняла самые опасные задания. Когда гестаповцы выследили ее и попытались схватить, она бросилась под лед Двины. Сколько фотографий героини пересмотрел скульптор, чтобы найти характерную позу, движение! Сколько труда вложили школьники, разбивая цветник вокруг памятника...

Город, который вырос на белорусской земле, не может не помнить о войне, даже если родился после нее. И эта память не сотрется годами, хотя многое изменится здесь со временем. Сумеет ли Полоцк в динамичном движении жизни сохранить очарование старинного города? Ведь он живет, развивается, и естественно его стремление к новизне. Сумеет ли Новополоцк быть всегда молодым, всегда современным? Сумеют ли эти города-соседи обогатить друг друга благодаря столетиям, лежащим между ними?

Проблема эта для Полоцкой земли сегодня чрезвычайно актуальна. Все мы знаем, что XXVI съезд КПСС наметил новые рубежи хозяйственного и культурного развития Белоруссии. А перед полочанами поставлена задача: «Ввести в действие новые мощности в новополоцком производственном объединении «Полимир». Нарастивая промышленный потенциал района, полочане не забывают, не должны забывать об украшении родной земли, сохранении и улучшении ее природных богатств, восстановлении славных страниц истории. Ведь совсем недавно, в 1978 году, в Белоруссии принят Закон об охране и использовании памятников истории и культуры. И нет сомнения, что будущее поколения полочан, так же как наши современники, будут ощущать, что прошлое живет в сегодняшнем дне, что в нем — корни нашего настоящего,

На реке белая ночь

Мысль о путешествии по Северной Двине жила во мне много лет. С тех самых пор, когда отец привез из своей деревни вышитое руками его матери полотенце. Белое, холщевое, с красными огромными петухами. Оно лежало годами, напоминая, что где-то под Великим Устюгом есть дом, близкий тебе...

На Севере меня интересовало то, что испокон веков привлекало сюда человека: море, река, лес. То, что наложило неизгладимый отпечаток на характер северянина и до сих пор продолжает оставаться стержнем жизни всего края. Мне хотелось увидеть масштабы освоения этой земли в наши дни и почувствовать проблемы, порожденные этой масштабностью. И вот мечта о путешествии близка к осуществлению: летом 1973 года наш катер стоял у причала архангельского порта.

Город в устье реки — сосредоточие многих, если не всех, особенностей жизни ее берегов. Потому, пока катер готовили к плаванию, я не жалела времени и ног, бродя по центру и окрестностям Архангельска. Но первая встреча особенно четко отложилась в памяти.

...Подчиняясь пока еще не понятному, но ясно ощущаемому ритму движения улицы, я вышла к реке. Ветер разогнал хмарь, по небу бежали высокие облака. Вода слепила холодной синевой, корабли — неправдоподобной белизной. Тяжелые, почти черные фермы моста повисли над рекой. Ярko зеленел низкий противоположный берег. Люди шли по набережной навстречу холодному двинскому ветру, распахнув плащи, подставляя лица нежарким лучам солнца. Им был привычен этот ветер, и запах речной прохлады, и шум набегающей на песок волны: Двина, как и близкое Белое море, живет приливами и отливами.

Набережная тянется на много километров. Пройдешь по ней — и жизнь города откроется без подсказки провожатого.

Бронзовый Ломоносов работы Мартоса — перед зданием Лесотехнического института. Как не похожа эта парадная скульптура на шубинский портрет своенравного холмогорского мужика, ставшего великим ученым...

Белоснежное здание морского и речного вокзала. Голос диспетчера слушаешь, как музыку: так заманчивы и поэтичны северные названия — Кандалакша, Соловки, Мезень, Летняя Золотица, Летний Наволок, Красноборск...

Зеленый купол и приземистые стены бывшего Гостиного двора, самого старого (XVII век) здания в городе. Теперь здесь типография, редакции газет, а раньше под его массивные своды сходились архангелогородцы, чтобы продать повыгоднее пеньку, соленую рыбу и «мягкую рухлядь» — товары, привезенные порой с островов Груманта (Шпицбергена) и Матки (Новой Земли)...

Вечный огонь бьется под ветром у развернутого каменного знамени. Бронзовые фигуры солдата, матроса и женщины-воина стоят в почетном карауле у памятника героям-северянам, погибшим в Великой Отечественной войне.

Рисунок города уловить нетрудно: река — как бы главная его магистраль, остальные улицы идут параллельно, повторяя ее линию или перпендикулярно, выходя лучами на набережную. Река притягивает город как магнит, и это объяснимо — он был заложен (в 1584 году по указанию Грозного), чтобы, как писал архангелогородский историк Василий Крестинин, «заведенные на Двине Российские с Англичанами и Голландцами торги посредством мореплавания» вести. И строился «по росписи и чертежу».

Необычайная растянутость города вдоль реки говорит о том времени, когда люди обживали лишь высокую, сухую и близкую к воде береговую полосу мыса Пур-Наволок и не хотели отступать вглубь, на болотистые, топкие земли. Потому и было до наших дней мнение, что Архангельск — это собственно одна улица. Мнение было справедливым, как и эпитет, накрепко приросший к городу, — «деревянный».

...Пружинят под ногами дощатые тротуары, зеленеет трава по обочинам. Деревянные мостки ведут во дворы — там, под тополями, сложены аккуратные поленницы, сохнут перевернутые лодки. Избы по-северному высокие, на подклетьях, обшитые досками, с крылечками и ажурными наличниками. Иногда среди серых изб мелькнет двухэтажный особнячок — с резными балконами, замысловатыми башенками и флюгером. Сонным покоем дышит улица, пахнет дождем, листьями.

По соседству с многоэтажными жилыми домами и белокаменными административными зданиями поднимается новый город; он — это ощущаешь физически — наступает на деревянные улочки, теснит и рушит их. Город-порт, крупный центр лесной промышленности и науки, Архангельск давно вырос из

одежды, сшитой в прошлом веке, и теперь кроит себе новую — из бетона, кирпича, стекла. Но строить на болотах и торфах недешево, и потому дома растут в высоту. Город многоэтажный, компактный, современный — таким, наверное, увидят Архангельск те, кто приедет сюда в 1984 году, когда будет отмечаться его 400-летие. Но удастся ли архитекторам сохранить своеобразие города-порта? Не исчезнет ли бесследно его деревянное прошлое, а вместе с ним и память о тех временах, когда от причалов Архангельска уходили в историю экспедиции Русанова и Седова?

«Море, хотя и горе, а без него вдвое», — говорили когда-то поморы.

...Синяя, солнечная Северная Двина заполняет окно, подобно картине. Медленно проплывают, исчезая за «рамой», теплоходы, лесовозы, катера, лихтеры. Мелькают сигнальные флаги. Картина эта — как беззвучный, успокаивающий фон в комнате, взрывающейся телефонными звонками и голосами, прорывающимися в эфир.

Ответы дежурного портнадзора точны и немногословны.

— Следуйте Маймакским рукавом. Плотов нет, суда могут встретиться.

— Следуйте на погрузку в Бакарицу. Следуйте в Бакарицу.

Большинство судов, приписанных к архангельскому морскому порту, — лесовозы. Они везут лес с Двины, Онеги, Мезени, Печоры во многие страны мира, а сотни иностранных судов, что приходят за беломорским лесом, швартуются у причалов порта. В северном морском пароходстве я видела сводку дислокации судов на один день. Мелькали названия портов почти всех континентов мира... Таковую сводку электронно-вычислительная машина дает каждый день, и по ней, как и по фонограмме голосов, которую я слушала в диспетчерской, можно представить масштаб работы старинного порта России.

Стены диспетчерской увешаны картами двинской дельты. Разветвленное устье, многими рукавами спускающееся к морю (из них только некоторые судоходны), хитрое кружево островов, тонкие нити бесчисленных протоков. Нелегко судам найти здесь дорогу, потому провожают их в море и встречают лоцманы, по-старинному «вожи». Их называли так еще в петровские времена.

С одним из архангельских вожей я прошла всю дельту Двины.

...«Беломорсклес» стоял неподалеку от причалов лесопильно-деревобработывающего комбината имени В. И. Ленина. Ветер доносил запахи дерева, воды и машинного масла. С палубы «Беломорсклеса» было видно, как кран подхватывает пакеты досок, перетянутых металлическими обручами, и опускает в трюм лесовоза «Колымалес». Всего несколько человек следили

за погрузкой. Огромное чрево лесовоза, в которое, как детские кубики, один к другому, ложились пакеты, ритмичность и кажущаяся издалека легкость погрузки — все это говорило о том, насколько экономичнее перевозка пакетами, чем россыпью.

А по реке идут и идут караваны плотов. Широкие, длинные, подталкиваемые с двух сторон буксирами. Между этими, словно нехотя плывущими бревнами и аккуратными пакетами, что наполняли трюм лесовоза, лежит целый мир. Он врезался в городской пейзаж куполами складов, трубами комбинатов, причалами лесного порта.

«Беломорсклес» направили на погрузку в Цигломень, один из районов порта. Широкая Двина сразу показалась узкой, когда я увидела, как почти посредине реки, прямо по воде... идет человек! Глянула в бинокль — он шел по длинной, едва выступающей из воды песчаной отмели. Лоцман, разглядывая его, что-то тихо мурлыкал себе под нос.

Идем к чистой воде. Лоцман, не выпуская из рук бинокля, безостановочно вышагивает по рубке, время от времени сообщая капитану:

— Баржа идет. Лево немного. Лево.

— Лево на борт, — передает команду капитан.

Капитан и лоцман понимали друг друга с полуслова, и это понимание и дружелюбие объяснялось не долгим знакомством, а тем, что оба хорошо знали свое дело и сейчас делали его вместе.

Мы уже подходили к Цигломени, когда капитан тихо сказал лоцману:

— Ветерок отжимный, течение на отлив.

— Да, — отозвался лоцман, — право помалу.

Чтобы встать у причальной стенки, надо было пройти почти слаломный участок между красными вежами. Только там глубина была достаточной для лесовоза. Молодое лицо капитана стало строгим и твердым; на лице лоцмана заметны были только узкие светлые глаза и крепко сжатый рот...

Нелегкая швартовка окончена. Вместе с лоцманом мы добрались на катере до Красной пристани, а потом на газике до зеленых тихих улиц Соломбалы. Здесь в 1693 году была заложена Петром I корабельная верфь, здесь же была прорыта Соломбалка — «испытательная канава» для небольших судов. Теперь на судоремонтном заводе «Красная кузница» ремонтируют буксиры и океанские транспорты, а вот деревянный домик Лоцманской Вахты порта сохранился словно с петровских времен.

Не успел в домике затихнуть скрип деревянной лестницы под грузными шагами лоцмана, как раздался голос диспетчера:

— Выручай, друг! Бери катер и поезжай встречать «Нордвик». Сможешь?

Лоцман еще фуражку положить не успел. Но «вожи» наперечет — все заняты.

— Ну? Ехать так ехать. Бывают...

Мы идем в Двинскую губу, навстречу морю. Долго тянутся по берегам запани, склады, краны, лесозаводы. Потом берега, все столь же низкие, зеленеют, Маймакский рукав становится шире, кажется, вот-вот исчезнет гребенка леса, но кромка берега не кончается, а ширь уже морская...

Лоцман сейчас приветлив и разговорчив:

— Летом у нас не работа, отдых, — рассказывает он. — А вот в полярную ночь — ветра, туманы, темнота. Где вода, где берег — не поймешь. Глубины неровные. Много транспорта, лес, сплотки. Всякое бывает. Реку знаю с детства, вырос на ней. Капитанил. И вот сколько лет, как лоцманом хожу — а каждый раз с ней как впервые встречаюсь...

Солнце высветило белую башенку маяка на острове Мудьюг, и этот резкий свет словно отрезал землю от уходящих к горизонту волн. Над серым простором воды, гонимые холодным ветром, мчались облака. Никогда прежде я не видела такой феерии: розово-перламутровые, подпаленные уже вечерним солнцем, они окаймляли небосвод, а в вышине клубились синие, густо-синие, фиолетовые, почти черные...

Лоцман молчит, и я ощущаю, что он уже снова волнуется в ожидании работы. «Нордвик» встретили в море.

Капитан нашего катера при свете ночного солнца листает лоцию Северной Двины. Итак, до Котласа, по Большой Северной Двине, более 600 километров; протоки, острова, мели — голубого цвета на страницах лоции едва ли не меньше, чем светло-песочного.

Близится полночь. Солнце стоит у горизонта и заливает белым сумеречным светом реку и город. Различим каждый лист на березах, каждая гроздь цветущей рябины, каждая половица деревянного тротуара. Не сразу привыкаешь к летним архангельским ночам. Нет естественной границы, отделяющей день ото дня — обновляющей темноты ночи. Но возникает и долго не оставляет человека чувство непривычного возбуждения. День не имеет ни конца, ни начала...

Скользит яхта, и отчетливо слышен скрип ее мачты. Высокое небо, светлый разлив Двины, уходящей в светлые морские дали, — наверное, в такие ночи родилось имя Белого моря. Вот — второй раз за сутки — поднялась ферма моста, и пошли большие суда. Не спит река в белую ночь.

Наш катер отошел от причала. Проплывает набережная: телыышка, похожая на мачту корабля, купол Гостиного двора, бронзовый Петр среди темной сейчас листвы... В этот час рассеянного света город, без красок и теней, казался таинственным.

Над песчаными берегами вырастают зеленые холмы. Когда выглянуло солнце и облака привычно закружились над водой,

мы пристали к берегу и поднялись к музею-заповеднику Малые Корелы.

Деревянное кружево ворот, рубленые башенки, навесы, отделанные резьбой...

Мы шли по пружинящим мосткам, по скользкой желтой шепе, устлавшей дорогу, к высокой колокольне. Она стояла на зеленом холме, или по-северному — угоре. Ее простой и четкий силуэт — восьмигранный сруб — восьмерик, ярус звона, шатровая крыша — казался черным на фоне белесого неба. Я потрогала рукой темные шершавые бревна. Как удалось мастерам XVI века сложить из них колокольню, поражающую легкостью и совершенством? Как удалось сегодняшним художникам, с иным видением, с иным восприятием воссоздать мысль автора, дух его времени? А впрочем... Кто может сказать — что есть талант? Можно только понять, откуда у людей этого лесного края такое обостренное чувство дерева, его пластики и красоты...

Колокольню привезли в музей-заповедник из деревни Кулига-Дракованово. Из других деревень Архангельской области доставили сюда мельницы и курную избу, амбары и баню, избы и часовни. Разбирали по бревнышку, пронумеровывали и перевозили. Амбары с Пинеги, к примеру, доставили вертолетом.

С высокого угора хорошо видны серые воды извилистой Корелки, сочная зелень лугов и темная полоса леса на одном ее берегу, а на другом — ветряная мельница. За мельницей тянется деревня, длинная, в одну улицу, а за избами просматривается Двина и черточки труб Архангельского целлюлозно-бумажного комбината.

Открывшаяся панорама показалась мне символичной. В ней как бы сошлись причина и следствие. Трубы комбината, в обобщенном, конечно, смысле, сама наша динамичная жизнь, быстро меняют облик северных деревень. Пройдет время — и на их месте возникнут поселки, построенные современными индустриальными методами. Но нельзя, чтобы пропал бесследно опыт и культура ушедших поколений! И потому самых больших похвал достойно то, что люди собирают лучшее из зодчества прошлого на безопасных музейных «островках».

Склон на территории музейного «острова» был усеян невысокими столбиками. Они напоминали срубленный лесок. Каждый столбик — под своим номером. Это опытный полигон Центрального научно-исследовательского института механической обработки древесины. Здесь изучали возможности консервации древесины. Дерево пропитывали различными антисептиками и следили, как оно будет вести себя в естественных условиях, под дождем и ветром.

Все это необходимо реставраторам, чтобы сохранить каждую деталь, которую еще можно сохранить. Ведь это так важно для воспроизведения духа минувших времен...

Порыв ветра принес смолистый запах стружек: неподалеку, за деревьями, виднелся большой сруб. Плотные стены сложены из темных (старых) и светлых бревен. Узорчатая кладка крыши, плоский, как пенал, дымоход. В избе много света — он исходил от свежих бревен. Редкая картина открылась передо мной: я увидела, как восстанавливают по бревнышку северную избу.

Придет время, думала я, и оживут Малые Корелы. Здесь будут проводиться ярмарки, игрища, фольклорные праздники. Эх, взглянуть бы на Малые Корелы в эти дни! Увидеть, как запестрят они сарафанами-штофниками, душегреями, цветастыми платками, кокошниками, расшитыми северным речным жемчугом. Замелькают на столах самовары, туеса с брусникой и грибами, глиняные тарелки с расстегаями, сметанниками, шаньгами. Зазвучит милая северная речь, и в каждом слове будет отчетливо слышаться доброе круглое «о»...

Все культуры Архангельской области найдут свое отражение в музее. Выростут на угорах онежские и каргопольские избы, поморская деревня вытянется вдоль берега Корелки, будут целые улицы с берегов Двины, Мезени, Пинеги. Здесь, в музее, люди сегодняшнего и завтрашнего дня будут открывать для себя поэзию народного творчества.

Узенькая тропка кружила нас по заповеднику. Она вела росными дугами, болотистыми низинами, заросшими кувшинками, через сосновые боры. И вдруг среди деревьев открывались то часовенка с высоким крыльцом, то древнерусская деревянная мостовая, бегущая по глубокой ложбине меж холмов. И словно не было в те минуты туч комарья и морозящего дождя...

Скоро Пинега: мы проплыли уже около сотни километров. На этом притоке Двины, в нескольких километрах от устья его, находится Усть-Пинежский рейд. Здесь «связывают» плоты, уходящие к Архангельску.

С высокого берега Пинеги открывается вид на реку: поперечная запань перекрывает, как бы стягивает оба берега. По одну сторону ее вверх по течению, до самого горизонта — мертвый завал бревен. Реки, живой бегущей воды, не видно, и от этого становится не по себе: знаешь, что она там, под бревнами, лишенная солища и воздуха. Несколько крупных лесозаготовительных предприятий расположено на Пинеге, и в короткие сроки, пока не спала вода, они торопятся сплавить древесину в глубоководное низовье. Вот здесь, на подходе к рейду, она и стоит до осени, пока не разберут весь завал.

По другую сторону запани — рейд. Это словно город на воде: длинные улицы, переулки, мостики, домики. Пахнет мокрым деревом, солнцем, водой — густая, темная, зажатая деревянными тротуарами, она стремится, как всегда, к устью. Есть что-то завораживающее, геометрически ритмичное в четких рядах

сеток, похожих на дорожки в бассейне, в слаженных взмахх людей баграми, в направленном движении бревен к сплотовым машинам.

Много добрых слов можно сказать о людях, работающих на рейде: вспомнить, как спасали они древесину в бурно полноводные весны, как осваивали новую для рейда технику. И освоили. Но стоит поговорить и о реке...

Из весны в весну, много лет идет и идет по Пинеге, на протяжении семисот с лишним километров, моль — не связанная ни в плоты, ни в пучки древесина. «Трудно избежать молевого сплава, — сетовали работники Холмогорской сплавной конторы, — вот разве построят скоро железную дорогу Архангельск — Карпогоры, тогда разгрузят и Пинегу...»

Помнится, об этой дороге говорили мне и в Архангельском институте леса и лесохимии. Сотрудники лаборатории охраны и защиты леса напоминали как аксиому, что топляк отравляет воду, поглощает кислород, отчего исчезает рыба, и в первую очередь ценная — семга, сиг. Они приводили и другие цифры, более общего масштаба, из которых было ясно, что не только Пинега страдает от молевого сплава, но и Покшеньга, и Ежуга, и Вага, которая «давно стала деревянной».

Но в словах специалистов не чувствовалось безысходности. Они говорили о принятых Основах водного законодательства, которые стоят на защите рек, и о том, что постепенно, медленно, но верно приток за притоком освобождаются от непосильной нагрузки — на реках прекращается молевой сплав.

Моль — это не только медленная гибель реки, это и большие потери древесины. Между тем леса на юге области сильно вырублены, в среднем течении Двины вырубаются. На Онежском полуострове леса не богатые, малопродуктивные, на востоке области притундровая климатозащитная зона, где рубка запрещена. Через 20 — 25 лет эксплуатационные леса области могут быть сильно истощены.

— Если мы научимся повышать производительность наших лесов, то есть брать с гектара больше древесины за более короткий срок и рационально использовать ее, этого не произойдет, — утверждали сотрудники лаборатории охраны и защиты леса. — Да и новые леса подрастают: каждый год в области высаживают десятки тысяч гектаров.

Действительно, для сохранения лесов делается в области немало: работает авиалесоохрана, сберегая огромные массивы от пожаров, вводятся защитные полосы на берегах рек, выделяются заповедные леса и леса с особо строгим режимом пользования.

Сегодня самая короткая ночь в году. Вот уже высветилась прозрачная луна. Чем дальше мы продвигаемся к югу, тем ощутимее гаснут белые архангельские ночи. Завтра луна станет

красной, исчезнет алая полоса на западе, не меркнувшая в белые ночи у Белого моря, а там — гляди — появится и первая звезда, как предвестник скорого конца нашего пути.

Над серо-жемчужной водой поднимаются отвесные берега. Поверху растут сосны, внизу, на песчаной отмели, громоздятся каменные глыбы. Берега мерцают белым, голубым, розовым светом, расслаиваются — белая полоса переходит в нежно-голубую, серую, потом опять идет ярко-белая, а за ней розовая с красноватыми прожилками. Они тянутся вдоль реки на много километров, поднимаясь особенно высоко и отвесно у пристани Звоз, и постепенно сходя на нет, лишь бело-розовой каймой оттеняя воду.

Здесь, в карьерах, добывали гипсовый камень, и он уходил в Архангельск, Мурманск, Воркуту. Геологи подсчитали, что запасы этого месторождения измеряются миллионами тонн. Не исключено, что маленький поселок у карьеров со временем разрастется в город и будет яркими огнями встречать и провожать теплоходы...

На краю большой деревни Сельцо по-над самым берегом, особняком, стоит рубленая изба. С воды хорошо видно избу и дым костерка на пригорке. Можно даже разглядеть закопченный чайник над огнем. Словно зовет хозяин чаевничать проплывающий мимо люд...

Возле костра на чурбаке работает топором мужчина. Надвинутая на лоб кепка, пиджачок со следами машинного масла. Это бакенщик, бригадир бакенщиков, один из тех, кто несет «службу реки». (Еще в Архангельске, в речном пароходстве, я слышала о сложностях плавания по Северной Двине, где на каждые четыре километра один перекат, где ни днем, ни ночью не прекращается сплав леса, где далеко не весь водный путь может порадовать подходящими глубинами.)

Бакенщик оказался человеком разговорчивым.

— Белые ночи — легкое для нас времечко. Без наших огней плыть можно. Но, конечно, дело справно делаем: каждое утречко все три Селецких переката — Верхний, Средний и Нижний — обследуешь, глубину шестами промеришь и докладываешь в Котлас — так-то и так. Участок у нас извилистый, песка много, уровень воды на перекатах скачет от двух с половиной метров до метра шестидесяти. Когда глубина малая — опасно... Сразу вызываем земснаряд — выгребает песок, углубляет фарватер...

Бакенщик встал, руку козырьком к глазам приложил, на реку смотрит:

— Плот хорошо прошел, не задел бакена. А вот и ракета шумует... Я сейчас «Обстановочный журнал» принесу. Там вся наша работа в цифрах и буквах записана.

Он поднялся по тропинке к дому, не торопясь снял замок с дверей, и скоро я листала потрепанный журнал, не столько чи-

тая, сколько всматриваясь в неуверенные, как-то нехотя выведенные цифры и буквы. Чувствовалось, что писавшему легче держать в руках весло и топор, нежели перо. Длинными столбцами шли цифры уровня воды, которые передавали на этот пост с водопоста Абрамково, и цифры по каждому перекату на каждый день — глубина и ширина. Иногда встречались записи, вроде этой: «Произведено сплошное траление судового хода жестким тралом в два заезда на участке Селецкие перекаты на глубину 240 сантиметров, по ширине тралящей части. Препятствий нет». Эмоции в записях, естественно, отсутствовали. Я спросила:

— А бывало вам боязно на реке?

— Я в Сельцах при реке целый век состою. С 30-го года, как приехал с родины, с Воронежа, так и живу здесь. Уже внуки растут. Знаю реку и люблю ее, хотя не всегда она ласкова к нам бывает. Вот раньше, скажем. На каждый перекат было нас четверо бакенщиков. Лодка весельная, на бакенах и створах — керосиновые фонари. Каждый день зажги, погаси да еще проверь, чтобы ветер не задул. А осенние ветры злы, волны высокие, темнота... Гребешь и не знаешь, как к бакену пристать. Пристанешь, закроешь телом фитиль от ветра — зажжешь. И сейчас, конечно, осень ласковее не стала. Идешь на моторке к бакенам, прыгаешь на волнах, а сам думаешь: «Вдруг мотор откажет?» Страх так и кочет с тобой по осенней реке. У нас на участке — тринадцать бакенов и четыре пары береговых створов. Береговые огни мы не трогаем: там автоматы, сами зажигаются, сами гаснут. В бакенах — аккумуляторы. С первого июля, как ночи темнее станут, и до конца навигации, а там и по весне каждый день вечером подплываешь к бакенам, ставишь фонари, зажигаешь, а поутру снимаешь. Ветер навалыйный, плоты, баржи сбивают бакены, и нередко. Ночью обязательно в обход плывем, проверяем, все ли огни горят. Безопасна ли дорога через Селецкие перекаты? Так и работаем вчетвером на этом посту, на трех перекатах. По суткам каждый дежурит. Скоро катер дадут, один пост вместо пяти на 30 километров будет...

Бакенщик помолчал, потом добавил:

— А зимой, когда река встанет, делаю сани. Для совхоза. Хочешь посмотреть мастерскую? Моя изба на угоре стоит, каждый покажет...

Уж какой день поднимаемся мы по реке и не встретили пока ни одного города. Были пристани, большие и малые, были деревни, и в несколько домов, и растянувшиеся на километры, были красивые большие села и поселки — Верхняя Тойма и Краснороборск, в аллеях берез, в зелени парков, и это уже само по себе останавливало взгляд, потому что в северных деревнях, как правило, деревьев нет. В прошлом их рубили, а не сажали;

лес стоял вокруг, и с ним боролись, освобождая огнем и топором место под избы и пашни.

Первый на нашем пути город — Котлас. Крупный узел, где водные дороги пересекаются с железнодорожными путями, связывающими северные районы с центром страны. Мы вышли к нему, переживая момент расставания с Большой Северной Двиной. Перед самым Котласом река как бы разделилась на два рукава, потеряв сразу свою широту и размах. Один из рукавов — Вычегда.

В 30—40 километрах от Двины, вверх по Вычегде, в Коряжме, находится целлюлозно-бумажный комбинат. И воды, обработанные им, вплетаются в мощные струи Двины, несутся к устью. Вспомнился Архангельск, санэпидстанция, усталая улыбка санитарного врача. Именно к нему, в его тесный маленький кабинетик, сходятся данные с разных точек наблюдения, разбросанных по реке и имеющих одну задачу — следить за чистотой воды. Порой эти данные звучат как сигнал тревоги — и тогда кончается «комнатная» жизнь врача и следуют поездки, проверки, споры с производственниками, письма в министерства и даже в прокуратуру.

Помню слова санитарного врача о комбинате в Коряжме: «Он сбрасывает в Вычегду чистую воду». Я поверила в них, когда увидела в Коряжме сложную станцию биологической очистки — со своей лабораторией, машинными залами, системами отстойников, усреднителей, аэротенков и прудов-аэраторов, когда держала эту светлую, уже очищенную воду в своих ладонях. Миллионами рублей исчисляется стоимость такой очистительной системы, но это оправдывает себя, если смотреть дальше сегодняшнего дня, если хотеть видеть могучую Северную Двину всегда чистой.

Котлас покинули с радостью: уже отвыкли от жаркой путаницы улиц, одинаковости домов, несмолкаемого перестука составов на привокзальной площади. Идем по Малой Двине.

Когда катер ткнулся в пологий песчаный берег, тишина оглушила нас. Она оказалась полной, глубокой и легкой. И в этой тишине светил серп луны, плыли серые рваные облака, темнел низкий лес на том берегу... Но вот блеснула крылом, будто осколком зеркала, чайка. Раздался пересвист птиц, зазвенели комары, зашуршал песок — мы привыкли к тишине, и она исчезла.

Вот и Кузино, под самым Великим Устюгом. Добротные дома, обшитые тесом, зеленые палисадники, поленицы дров вместо заборов. А кругом — зеленые угоры, синь воды, свежесть близкого леса. Главной улицей выхожу к воротам механического завода. При нем-то и существует цех шемогодской резьбы. Название промысла пошло от названия деревень, которые славились когда-то резьбой по бересте.

Большая рубленая изба в семь окон. Из дальней комнаты доносится жужжание шлифовального станка, перестук молотков: там из брусков липы и березы делают шкатулки, обручи для зеркал. Терпкий запах дерева и бересты наполнял дом, вызывая в памяти картину жаркого летнего дня, когда пронизанные солнцем, полные соков березы пахнут особенно остро и пряно. Бересту, как говорят мастера, снимают в конце июня — начале июля, когда сок движется, бежит в теле дерева, и береста идет хорошо. Снимают ее специальным ножом с длинной ручкой; дерево не гибнет, но кора не восстанавливается. Потом бересту сушат, недолго и только в тени, на солнце она свертывается.

Стопа широких берестяных листов лежит в углу комнаты. Пожилая опытная мастерица работает в паре с молоденькой девушкой. Девушка берет лист бересты, снимает грязно-серые лохмотья первого слоя, под ним открывается другой — розово-желтый, нежный и эластичный. Так она очищает весь лист, вырезает по шаблону форму, которая украсит потом прямоугольные бока шкатулок или овал зеркала. Вырезает не механически, а стараясь избегать сучков, корявостей и даже подбирая рисунок из красновато-коричневых черточек. Мастерица зачищает форму мелкой шкуркой, освобождая от заусениц, — и вот уже береста, гладкая, шелковистая, розовая с одной стороны и маслянисто-желтая с другой, уходит к художникам.

Женщины работают спокойно и вдумчиво. Долго присматриваются к листу, разглаживают его сильными пальцами, любуются цветом. Это свойство работать сосредоточенно и с любовью я подмечала в северянах самых разных профессий; оно вызывало уважение и даже некоторое удивление перед тем, что они не теряют его и сегодня, когда так ускорился темп жизни.

...Художницы сидели за длинным столом, у каждой в руках — фанерная дощечка, на ней — заготовка из бересты. Инструмент нехитрый: линейка, циркуль, шило, которым наводят орнамент и делают «растычковые», то есть точечный рисунок, и ножик. Им вырезают рисунок, режут, как здесь говорят. Режут свободно, без заданности, кому что придет в голову. Орнамент в основном растительный, но каждая художница режет свои сказочные цветы, своим рисунком соединяет их. Чтобы не запутаться в сложном плетении линий, главное, как сказали художницы, — надо умело «вести корень». Помнится, красноборские мастера, показывая ладные, крепенькие туеса, говорили: «Мы что, мы туеса работаем, а вот в Кузино — там бересту режут, как кружева плетут...»

Мне вспомнились богатые залы архангельского краеведческого музея и подумалось, что многие ремесла, которыми славился в прошлом этот северный край, обретают сегодня — при том внимании, которым окружены ныне промыслы, — вторую жизнь.

Бегут навстречу пологие берега, уходящие синью холмов к горизонту. Снова уже стала река: за песчаным изгибом скрылся еще один из ее рукавов — Юг. Идем по Сухоне.

С неожиданной четкостью вспоминаю рассказ отца о том, как в 1924 году топал он из своей деревеньки (где-то здесь она, за этими угорами) через тайгу — в Великий Устюг. В кармане лежала комсомольская путевка на учебу в МГУ, за спиной — котомка, в которую мать положила пряженники — хлеб из пшеничной муки, прожаренный в масле. Пекли его дома лишь по большим праздникам... Первый раз в жизни отец плыл паромом. Сухона в тот год обмелела, и ему вместе с пассажирами не раз приходилось прыгать в воду и сталкивать пароход с мели. «У кого сапоги на ногах! Прыгай! — кричал капитан в жестяной рупор. — Толкай!» А в Москве, в общежитии на Балчуге, деревенский парнишка, выросший в тишине северных лесов и полей, долго не мог привыкнуть к громкому цоканью копыт по булыжной мостовой... Так случилось, что рассказ отца дополнил мне Великий Устюг. Другими воспоминаниями других людей.

Город открылся неожиданно и весь сразу. По деревянной лестнице мы поднялись на набережную и долго кружили по зеленым, жарким в тот день улицам. От двухэтажных крепких старинных домов веяло жизнью неторопливой, оседлой. Не спеша ехали по набережной велосипедисты. Женщины на мостках полоскали белье, на бетонных плитах загорали мальчишки. Буксир тащил по реке плот, у переправы стояли грузовики с сеном, углем, тюками. Казалось, устюжане живут только заботами своего уютного городка, и им несвойственно торопиться, мечтать о дорогах.

Однако именно из Великого Устюга, города, лежащего на самых сухопутных широтах, вышли такие землепроходцы и мореплаватели, как Михайло Неводчиков, участник экспедиции Беринга, Ерофей Хабаров, Семен Дежнев. Синяя лента Сухоны уходила к горизонту, и где-то там лежали земли, которые надо было открывать, с которыми можно было торговать. До сих пор река Сухона вызывает желание двигаться, плыть вместе с ней...

Великоустюжское речное училище стояло недалеко от набережной. Мы бродили по гулким, по-летнему пустынным коридорам, заглядывали в мастерские, лаборатории, рассматривали макеты кораблей. От директора узнали, что училище создано в 1920 году, и не перечить, сколько устюжан плавают капитанами по Северной Двине и другим рекам.

— Вот, почитайте, — директор протянул толстую тетрадь. — В юбилейный для училища год приезжали выпускники, записали свои воспоминания.

Я пролистала тетрадь, наткнулась на запись Шашкова Зосимы Алексеевича, прочитала — и незаметно для себя перенеслась

в двадцатые годы, когда после гражданской войны и интервенции Северный речной флот и его кадры создавались практически заново. Вот что писал Шашков:

«Первые курсанты днем работали в затоне по ручной околке каравана, а вечером учились. Стипендий не было, и каждый жил на свой заработок. Общежития тоже не было. Поэтому студенты приспособили под жилье щетинные склады бывшего купца Азова. Поставили печки-буржуйки, дрова приносили из затона.

Зимой училище отапливалось плохо, и зачастую приходилось заниматься в пальто и телогрейках. Но и в этих условиях тяга к знаниям была огромной. К нам на занятия часто приходили ветераны речного флота — просто так, послушать, что говорят преподаватели...

Теперь о себе. Мой отец всю жизнь работал, мечтал дать образование детям (сам он был бакенщиком), но до революции такой возможности не было. И когда после революции открылось училище, мы, четыре брата — Николай, Михаил, Савватий и я, работавшие на речном транспорте, поступили на судоводительское отделение. После окончания все плавали по Северной Двине.

Как питались учащиеся в то время? Теперь молодежь не поверит, что при училище не было столовой. Поэтому мы добывали, где могли, картошки или какого-нибудь зерна (крупы тогда почти не было). Эту картошку или толченое зерно варили в подвале щетинного склада. Помню, каким праздником был для нас день, когда при околке баржи мы нашли в ее трюме, под сланью, немного мерзлого зерна! Во все времена речники любили попить чаю. Мы тоже не были исключением. Но сахар тогда был большой редкостью, приходилось пить с сахарином, да и то не всегда.

Училище было тогда основным очагом культуры в районе. Синеблужники разъезжали на санях-розвальнях по всем окрестным селам. Помню, какую встречу нам, синеблужникам, устроили в Красавино на текстильной фабрике. Нужно сказать, что учебных пособий по спецпредметам тогда не было. Приходилось пользоваться только конспектами. Если еще прибавить, что не хватало карандашей и бумаги, можно представить, в каких условиях мы учились».

Так писал выпускник училища 1926 года, человек, ставший впоследствии министром речного флота.

— Бережем в назидание потомкам, — улыбнулся директор, беря у меня тетрадь.

Дневная жара разразилась грозой. Небо было черное, тяжелое. Но вдруг проблеснуло солнце, высветило часть города и фигуру Дежнева. Снова синей и звучной стала река. Казалось, что Дежнев сойдет сейчас с постамента, ступит на берег Сухоны и заплещут над кочами поднятые паруса...

Весна в этот год была ранняя, и Сухона обмелела раньше обычного. Волей-неволей наше путешествие должно было кончиться в Великом Устюге. В тот самый день, когда над горизонтом встала первая — за весь наш долгий путь — звезда.

Наш катер стоял на мокром песке, и трап его спускался на землю. Он напоминал большую бело-синюю рыбу, выброшенную на берег. Капитан, который сбил катер сам, от первого до последнего гвоздя, не мог смотреть, как тянут его трактором... Он ушел, сел на камень — спиной к своему детищу и, достав записную книжку, стал набрасывать чертеж нового катера.

А мне подумалось: что если повторить со временем путешествие по архангельской земле? Ведь все виденное — лишь штрихи к постоянно меняющемуся портрету края...

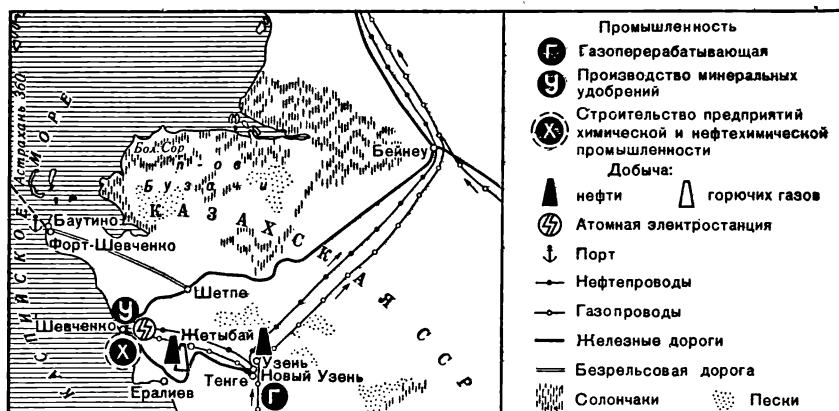
С тех пор, словно готовясь к новому плаванью, тщательно слежу за переменами, происходящими там. Портом круглогодичного действия стал Архангельск; а ведь еще недавно беломорские «ворота» в Арктику закрывались почти на четыре месяца. Сам город растет неудержимо. Растет и Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат. Построена железная дорога Архангельск — Карпогоры, о которой мне с надеждой говорили на Усть-Пинежском рейде.

В области осуществляется план комплексного использования природных ресурсов и охраны среды. На многих реках Архангельской области прекращен молевой сплав, чище стали воды, богаче рыбой. Работники «Беломорских узоров» возродили многие промыслы, которыми славился русский Север. Пополнился экспонатами музей в Малых Корелах. Уже не раз там, среди старинных изб, звучали народные песни.

Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», как и «Основы лесного законодательства Союза ССР и союзных республик», принятые в 1976 и 1977 годах, имеют непосредственное отношение к этим землям. И самое важное — осуществляется долговременная программа комплексного развития Нечерноземья, куда входит и Архангельская область. Основные положения этой программы были изложены в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР», принятом в 1974 году. XXVI съезд КПСС призвал продолжить осуществление этой комплексной программы. Широким фронтом идет мелиорация земель, осуществляются механизация и индустриализация сельскохозяйственного производства, строятся предприятия перерабатывающей промышленности, села преобразуются в благоустроенные поселки, прокладываются шоссейные дороги и линии электропередач...

Так в этом районе решается сегодня Продовольственная программа СССР, принятая майским (1982 года) Пленумом ЦК КПСС.

Синий цвет пустыни

«Отмечу лишь удивительную картину берегов у полуострова Мангышлак, где Азия подымается отвесным черным порогом из-за уральских пустынь. Порог отходит от моря и ровной стеной удаляется на восток, где из-за марева ничего не видно, кроме глины и солнца. За многие годы скитаний не видел я берегов столь мрачных и как бы угрожающих мореплавателям». Так писал капитан корвета лейтенант Жеребцов, один из героев повести Константина Паустовского «Кара-Бугаз».

Степь с высоты напоминает вытертую верблюжью шкуру: серо-желтая с бурыми пучками сухой травы. Иногда она приподнимается, как бы закручиваясь невысокими гребнями с белыми меловыми боками. И снова — плоская земля, изрезанная руслами высохших рек. Проплывают купола юрт среди желтых песков. За юртами виден низкий берег с окаменевшими следами прошлых прибоев. Режет глаза ослепительная синева моря...

Вертолет держит курс на север, на полуостров Бузачи. Туда летят: Бисен Абишев, начальник поисковой партии комплексной экспедиции «Мангышлакнефтегазразведка», буровой мастер Алексей Иванович Волочаев и совсем еще молодой геолог. В раскаленном вертолете стоит такой грохот, что разговаривать невозможно. Бисен Абишев — лицо его от белизны рубашки кажется темно-коричневым — что-то пишет в блокноте, вырывает листок и протягивает мне. Читаю: «Пролетаем над заливом Кочак. Скоро Бузачи».

...В январе 1974 года (за год до моего путешествия по Мангышлаку) на полуострове Бузачи ударил мощный фонтан нефти. Это было в какой-то мере неожиданным событием: Бузачи, осо-

бенно его центральная часть, считался малоперспективным районом. Но чутье подсказывало поисковикам, что уходить с полуострова нельзя. Не забывали они и легенду, живущую среди местных жителей. Говорили, что много лет назад здесь бурили на нефть иностранные специалисты; якобы они даже обнаружили нефть, просили концессию, но Советское государство не пошло на это. Тогда скважины заткнули кошками, а время смыло все следы экспедиции. Где их теперь искать, эти скважины? Расспрашивали стариков, даже возили их на полуостров, — может, вспомнят. Промышленный фонтан нефти ударил в Каражанбасе. Нефть была хорошего качества и залегала неглубоко. Это в корне меняло представление о нефтегазодоступности Северо-Бузачинского поднятия. На Бузачи была брошена техника, одна за другой возникали скважины...

Тень вертолета скользнула по плоским белым берегам залива, по густо-зеленой неподвижной воде. Поплыли озера, похожие на старые потускневшие зеркала. Они переходили, как бы переливались одно в другое.

Бисен Абишев снова протянул листок: «Полуостров Бузачи. Пролетаем Большой Сор».

Вот, значит, как выглядят соры, соленые озера, часто непроходимые ни для людей, ни для техники. А между тем Большой и Малый Соры занимают многие километры полуострова...

Между озерами мелькнула буровая. Пилот выбрал местечко посуше на краю буровой и, не глуша мотора, едва коснулся земли. Молодой геолог выпрыгнул, провалился по колено в серую студенистую массу. Вертолет взмыл — на поверхности остались глубокие вмятины от колес.

И снова замелькали озера, словно заполненные талым снегом. Скоро должна была появиться буровая Алексея Ивановича. Этот большой, добродушный человек был возбужден предстоящей встречей: не виделся со своими ребятами целый отпуск. Отдыхал на родине, в Ростове, соскучился даже по этой земле, хотя, казалось бы, как можно скучать по ней?

Навстречу Алексею Ивановичу ласково бросился мохнатый пес. Из вагончиков вышли парни, мускулистые, загорелые. Выбежала светловолосая девушка — повариха Шура.

— Алексей Иванович, жаждали вас...

Прошли в вагончик. Уселись на кроватях, застеленных байковыми одеялами. На стене висел осколок зеркала, под ним стоял стакан с сухими камышинками.

— Это мне ребята дарят, — сказала Шура. — Да что за цветы, пыль одна...

Бурмастер очистил стол от книг, достал свою записную книжку, Бисен Абишев — свой блокнот. Подошли ребята, и начался разговор о том, как завтра — без приключений — перебросить тракторами буровую на новое место.

...Похоже, я попала на Бузачи в переломный момент его жизни. Что-то подобное — только в больших масштабах — переживал в 1961 году и Центральный Мангышлак. Тогда нефтяные фонтаны ударили в Жетыбае и Узеңе. Много лет работали комплексные экспедиции, прежде чем установили, что земля эта, скрывающаяся в раскаленном мареве пыльных бурь, имеет нефть и газ, фосфориты и самородную серу, марганец, железо, медь. И вот теперь желто-серое тело Мангышлака иссечено колеями машин. Колеи сплетаются в клубок возле буровых, нити труб тянутся сквозь пески к горизонту...

Скоро голоса в вагончике смолкли. Бисен Абишев торопливо зашагал к вертолету. Вышли из вагончика и буровики. В дверях стояла Шура.

— Хоть дыню-то попробуйте! — крикнула она.

Но геолог только махнул на прощание рукой.

Тень вертолета накрыла вагончики, фигурки людей, рядом с которыми застыла собака, и заскользила по матово-блестящим сорам.

Последней остановкой был Каражанбас, тот самый Каражанбас, который порадовал геологов первыми фонтанами и где уже велась промышленная разведка нового нефтяного района.

Город Шевченко лежал вокруг бухты неширокой белой подковой. Он смотрел на море, на силуэты кораблей у горизонта, слушал шум прибоя и гулкое хлопанье парусов, вбирал в себя синеву и свежесть Каспия...

Я поднялась на самую высокую точку берега, на мыс Меловой. Сложенный из светлого известняка, мыс резко обрывался в море; у подножия его громоздились каменные глыбы. В двух шагах от башенки заброшенного маяка вдоль берега тянулся проспект многоэтажных домов, и на одном из них, напоминающем раскрытую книгу, был установлен громадный шар нового маяка. На другом конце бухты серебрились на солнце «самовары» опреснительных установок.

На улицах, ведущих к набережной, стоит терпкий запах йода. Дорожки петляют в зелени можжевельника, среди корявых стволов лоха. Металлические трубы тянутся вдоль посадок, и тонкая струя воды уходит в рыжую сухую землю. Веер питьевой фонтанчика блестит на солнце.

Палевые, розовые многоэтажные дома подступают со всех сторон. Лоджии, лоджии, галереи — кажется, что жизнь выплескивается из домов прямо в тенистые дворы...

В Шевченко еще можно отыскать тех, кто помнит, как начинался город, как в 1958 году по зимнему пустынному бездорожью из Красноводска на мыс Меловой добиралась комсомольская автоколонна. Мангышлак встретил первых строителей снегом и пронзительным ветром. Раскинули палатки. Вырыли землянки. Морского порта, естественно, не было, причала тоже.

Пришлось оборудовать перевалочную базу в порту Баутино — за сто с лишним километров. Проложили трассу. И хотя этот путь был неудобен — сколько грузов перевезли по нему в свое время! Эта бело-желтая дорога стерта была до известняка... Когда утихли зимние штормы, к мысу подошло первое судно со стройматериалами. Разгружали его, стоя по пояс в ледяной воде. Потом устроили временный причал. Груз пошел в основном через море. Вырос поселок из брусчатых домов; монтажники прокладывали из пустыни к поселку трассу 52-километрового водовода.

Вода. Это была проблема проблем. Как строить на земле, где нет ни одной реки, ни одного пресного озера?

— Я здесь с 1959 года, — вспоминает Борис Михайлович Борисов, руководитель станционной лаборатории «Мангышлак-энергокомбината». Помню время, когда питьевую воду привозили танкерами из Баку. А под боком — Каспий... Правда, один литр каспийской воды содержит 13,5 грамма солей. Несколькими годами мы бились с этой горько-соленой водичкой, пытались опреснить ее. Работали на той установке, что отдана сейчас нашей лаборатории для опытов. И вот теперь Шевченко — один из немногих крупных городов мира, живущий на опресненной морской воде...

В кабинет, где мы беседуем, ежеминутно заглядывают молодые сотрудники. «Теперь здесь все моложе меня», — неожиданно замечает Борис Михайлович, словно вдруг увидел себя глазами постороннего человека. И эта фраза как бы открывает тебе, что в его скупом рассказе спрессовались годы труда.

В опытной лаборатории Борисов показал принцип действия опреснителя. Он оказался удивительно прост: морская вода в установках кипит, отдавая пресный пар; он-то и нужен для получения дистиллята, абсолютно чистой, без солей, влаги. Соли оседают на вводимую меловую взвесь. «Принцип чайника, — сказал Борисов, — запатентован как русский способ». Источник энергии — атомная станция. От нее работает ТЭЦ, а от ТЭЦ — опреснители. Опресненная вода проходит еще долгий путь, прежде чем стать питьевой. «Конечно, опресненная морская вода стоит не дешево, но мы совершенствуем технологию ее получения, стараемся сделать ее дешевле», — говорит Борисов. Надо научиться извлекать из сбросовых рассолов полезные соли натрия, калия, магния, йода, брома, которыми богата морская вода. Вообще масштабы работ здесь удивительные... Они-то и привлекают людей к Мангышлаку. Вот, скажем, сконструировали опытную, работающую на дизеле установку для опреснения соленой подземной воды...

Борисов находит на столе среди бумаг фотографию. Пустыня, колючки, два верблюда, палатки и светлое здание опытной станции.

— Испытывали на Устьюрте, в трехстах километрах от Шевченко. Если пойдет — большая подмога чабанам будет...

Я слушаю Борисова и думаю о том, что опыт Шевченко, где каждый житель получает в сутки воды больше, чем в иных городах, стоящих на крупных реках, будет незаменим, уже незаменим при освоении безводных закаспийских степей. (К слову сказать, через несколько лет после поездки в Шевченко я узнала, что Борисов вместе со своими коллегами спроектировали и собрали опреснительную установку в безводном поселке Форт-Шевченко.)

Борисов проводил меня до калитки лаборатории. Постороннему человеку здесь легко было затеряться среди труб, установок, машин. Мы петляли по дорожкам, обсаженным акациями. Деревья были уже высокие. Они бросали кружевные тени на землю, шелестели листьями. Борисов вдруг сказал, что он из Одессы и вообще-то был моряком. Я удивилась: редко приходится слышать, чтобы моряки бросали моря. «Я не бросил, — возразил Борисов, — просто решил подобрать к нему с другой стороны». Он засмеялся, сощурил светлые глаза, взглянул на опреснительные установки, светившиеся на солнце. Их было много.

В новых микрорайонах города пока жарко и голо, как в степи, расстилающейся за домами. Тонкие саженцы клонятся от горячего ветра, редкие листья покрыты серой пылью. А в центре города, в первых микрорайонах, дыхание пустыни гаснет в густых зарослях. Старожилы Шевченко говорят, что пыльные бури теперь не свирепствуют с такой силой, как прежде, и что летом в зеленых дворах градусов на десять меньше, чем на открытых землях...

Первые саженцы привозили в город самолетами. Потом в дендропарке стали выращивать свои растения, чтобы иметь возможность наблюдать их рост и получать семена, уже привычные к особенностям мангышлакской земли. Когда ходишь по дендропарку среди ярких цветов, тенистых акаций, зеленых факелов биоты, узловатых стволов карагачей и серебристого лоха, забываешь, что рядом пустыня. Под каждое дерево рыли яму, привозили почву — и деревья шли в рост. Дендрарий уже тогда был мал для исследователей, и ученые всерьез думали о большом ботаническом саде, где будут собраны растения чуть ли не всех географических зон.

Но не только о кропотливом научном поиске тех, кто создавал зеленый заслон в Шевченко, рассказал мне Юрий Александрович Филиппов, один из руководителей экспедиции Мангышлакского ботанического сада АН Казахской ССР. Изучая растения и природу всего полуострова, экспедиция ботаников исколесила его прибрежные и континентальные земли, Устьюрт. Какие растения свойственны каждой зоне, какова их приживаемость, что можно взять для озеленения городов? Круг вопросов был широк и сложен.

Однажды экспедиция из четырех человек выехала в дальний маршрут. Цель — собрать семена и саженцы пустынных растений. Зима выдалась снежная. «Мы в Шевченко не привыкли к снегу, — говорил Филиппов. — Правда, помню, однажды, как-то вечером, пошел снег густыми, веселыми хлопьями. Все бросились сколачивать санки. Что было под руками, пошло в ход. Ночью вывели детей кататься, надо же им настоящий снег показать! А к полудню он съезжился, одни лужицы остались...»

Путь был долгим и тяжелым, по барханам, по солончакам. Чтобы машина не буксовала, бросали ветки саксаула под колеса; ночью, обогреваясь, жгли саксаул и старые покрышки. И все-таки на обратном пути, когда машина была уже доверху нагружена ящиками с саженцами, сели на бархане, занесенном снегом. «Саксаул уже не помогал, — вспоминал Юрий Александрович. — Лежим в спальных мешках, кажется, вот-вот душу отдадим от холода. Вода в бочке — лед, колбасу не укусишь. Только фары погасим, кругом зеленые огоньки загораются — волки. Вдруг слышим — мотор гудит. Волки тенями заскользили по барханам... Мы к водителю встречной машины — вытяти!..»

Добралась экспедиция до Шевченко. 220 саженцев туранги, проделавших не одну сотню километров, высадили в питомнике. Этот неприхотливый, быстро растущий пустынный тополь ждали улицы города.

В Шевченко я часто вспоминала слова известного архитектора Ле Корбюзье: «Законы природы начертаны на одной из скрижалей современного урбанизма, который использует три строительных материала: чистый воздух, солнце и зелень».

...Михаил Ильич Левин, ленинградский архитектор, долго водил меня по просторным залам Дворца культуры. Его готовили к сдаче, и главный архитектор проекта, руководитель группы авторского надзора, проверял каждую деталь. Я едва успевала за этим полным немолодым, но очень подвижным человеком, стараясь не пропустить его реплик:

— Здесь будет цепочка аквариумов. Здесь — зимний сад, а внизу — смотрите — внутренний дворик со скульптурами...

Наконец, миновав просторные холлы, мы добрались до зрительного зала и устроились в мягких креслах. Михаил Ильич раскрыл блокнот и набросал план города. Квадратики микрорайонов двойной цепочкой тянулись вдоль моря.

— Город разрастается очень быстро. Надо строить второй Шевченко; он продолжит первый и тоже будет привязан к морю. Линию берега — хаотичное нагромождение камней у Мелового мыса, пещеры — решено оставить в первозданном виде. Дома строим из местного ракушечника, и это еще более связывает город с землей, на которой он растет.

Когда я смотрела на город сверху, он действительно сливался цветом с подступающей к нему степью, а зелень и густая

синь моря оттеняли его общую мягкую солнечную тональность. Из ракушечника, как говорил архитектор, не слишком прочного камня, хорошо строить дома не выше пяти этажей. Их в городе большинство. Но есть и высокие, многоэтажные здания. Тип дома — с лоджиями, опоясывающими галереями, «утопленными» окнами — разрабатывался для Шевченко специально: квартиры должны быть скрыты от палящих лучей солнца, но открыты ветру с моря.

Конечно, все дома в городе, если не считать отдельных зданий, в общем-то похожи — из одних кубиков по-разному сложенные объемы. Да это и не удивительно в наше время индустриального строительства. Удивительно другое: почему при этом город производит впечатление целостного ансамбля?

Мне показалось, что Михаил Ильич ждал этого вопроса.

— Можно долго говорить о конфликте между искусством и индустрией в современной архитектуре, об архитектурном стиле нашего века, — начал он. — Скажу о главном: мы пытались найти общее решение пространства, а не идти по линии мелко-го украшения. Ну и, конечно, природа. Она полноправный компонент современной архитектуры...

За создание города Шевченко группа архитекторов была удостоена Государственной премии СССР.

...Форт-Шевченко встретил меня добела раскаленным солнцем и ветром. Он гнал горячий колючий песок по длинной прямой улице поселка, завихряясь возле одиноких деревьев. Одноэтажные домики с плоскими крышами казались почти необитаемыми.

За поселком поднимались острые известковые останцы, один сиял на солнце рваным белым боком; там, в карьере, добывали ракушечник. В этом бело-сером пыльном мареве только два пятна останавливали взгляд: тяжелая плоская синева моря за поселком и густая зелень деревьев в конце улицы. Это был сад имени Шевченко. Здесь можно было, наконец, распрямиться, не боясь ветра, и, отдохнув в тени серых от пыли деревьев, войти в прохладные комнаты музея.

Еспол Умирбаев, директор, протягивает теплую сухую ладонь, спрашивает, трудно ли было добираться... Потом подводит меня к высеченной из плиты ракушечника полутораметровой фигуре и нарочито безразличным голосом говорит:

— Сакский воин. Три тысячи лет.

Суровое лицо воина, рельефное изображение браслетов, пояса-бельбеу, доспехов...

— Надгробный памятник над прахом воина. И нашли-то... Как нашли? — не то радуется, не то удивляется директор. — На Устюрте, почти в пятистах километрах от Форта. Пастух сказал: видел, говорит, обломки скульптуры. Поехали. Камни торчат. Откопали. Лежал лицом вниз... а как сохранился-то...

Тихо и уютно в музее. Можно не спеша пройтись по светлым комнатам с крашеными полами, не торопясь рассматривать экспонаты — от неперменного зуба акулы до макета нефтяной вышки с надписями, сделанными тушью, старательно и подробно. Пусть далеко не все с точки зрения современного музейного дела здесь совершенно, но в таких комнатах живет душа тех, кто собирал экспонаты.

...Наскальные охотничьи рисунки. Фотографии мавзолеев и каменных стел. У этих стел встречались в степи кочевники. Выточенная из ракушечника головка тысячелетней давности — ее ставили на постель умершего, и стояла она год, символизируя дух уже не существующего человека; головку эту экспедиция музея нашла недавно в песках.

Словно караванной тропой, от колодца к колодцу, бредешь через пласты истории края — и вот под портретом уже знакомое имя: Карелин Григорий Силыч, русский путешественник и естествоиспытатель. Строгое, изборожденное морщинами лицо смотрит с фотографии. «Пустыня! Пустыня съела молодость! От нее и седина, и дряблость кожи, и прочие предвестия старости...» — припомнились слова из повести «Кара-Бу-газ».

Карелин прошел «киргизскую сторону», «смертоносные области» вдоль и поперек, и не было, наверное, в те годы в России человека, который знал эти места лучше, да к тому же имел к ним необъяснимое пристрастие. И потому, когда в 1832 году на берегу залива Мертвый Култук был основан Форт, он стал его начальником. Первая опорная точка в почти неисследованном крае. Много, правда, для изучения земель от Каспия до Арала дала экспедиция 1825—1826 годов, в которую входили полковник Берг, доктор Эверсман, Болховский, Анжу, Дюгамель. Необходимость в познании этого края была столь велика, что в очередную экспедицию 50-х годов отпускают ссыльного Тараса Шевченко...

Две ивы, что посадил Шевченко, были еще живы; их стволы напоминали старое серебро.

— Мы посадим новые, такие же, — говорит Еспол Умирбаев. — У нас должно быть все, как при Шевченко.

Он показывает крохотную землянку, где работал поэт: стол, узкая кровать, вид на залитый солнцем сад и прохлада. Эту прохладу, подаренную поэту комендантом Форта, работники музея тоже берегут: землянку восстановили, обсадили тонкими саженцами.

Много лет Еспол Умирбаев вместе с украинскими товарищами изучал документы, чтобы установить на Мангышлаке места, где бывал Шевченко. Установить и пройти по ним...

Мы вышли за ворота сада, идем вдоль глухих, серо-желтых, сложенных из ракушечника заборов. Прокричал верблюд. Прогрел пастух на лошади. Он ехал к морю по плоскому, потрес-

кавшемуся, усыпанному камнями берегу. Кое-где за заборами виднелись юрты. Обычно их ставят во дворах летом. Мы поступали в один из домов, нас охотно впустили. Угостили прохладным шубатом — кислым верблюжьим молоком, откинули полог юрты: «Смотрите!» Из юрты шмыгнули ребятишки, встали у входа. Снаружи юрта была покрыта бараньими кошами, привязанными веревками... Внутри хорошо просматривался каркас жилья — переплетение деревянных реек (их делают в Хиве, на фабрике). Вдоль стен свешивались разноцветные кисти, а с потолочного круга спускалась гиря, чтобы ветер не сорвал юрту. В юрте было просторно и прохладно, электрическая лампа освещала стоящие вдоль стен разноцветные сундуки.

Долго тянется улица — прямая, словно по линейке проложенная, напоминая, что Форт возник как военное поселение. Мы идем и рассуждаем о том, что вот годы бегут, рядом возник большой город Шевченко, а в чем будущее Форта?

Умирбаев говорит: может быть, ФORTу уготована судьба историко-этнографического заповедника?

Любопытная мысль. Любопытная тем более, что сегодняшнему Мангышлаку ощутимо не хватает штрихов истории, той самой истории, которая подводила бы человека к пониманию того, как древняя земля кочевников превратилась в индустриальный, нефтехимический форпост страны, в Мангышлакский территориально-производственный комплекс.

Я уезжала из Шевченко морем. В сумерках вечера открылась еще не виданная мной картина города на каспийском побережье. Я различала далекие огни порта, зеленые плывущие в небе буквы «Актау» над зданием гостиницы, темный островок парка, круглый маяк на крыше дома, посылавший в море то красный, то белый лучи. Над этим полотном береговых огней, над спокойным морем встала круглая ярко-красная луна. Низко висел над волнами ковш Большой Медведицы...

Город уходил, превращаясь в полосу огней, в далекий светящийся горизонт. Кругом расстилалась бесконечная гладь Каспия, как синий цвет пустыни.

Год за годом, бежит время.

Десятки тысяч тонн мангышлакской нефти добывается ныне ежесуточно. Быстрыми темпами в производство нефтедобычи внедряется автоматика, прокладываются трубопроводы, строятся заводы по переработке попутного газа, развивается нефтехимия. За полуостровом Бузачи окончательно укрепилась слава перспективного района; живет и работает месторождение Северные Бузачи. А в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» ставится следующая задача: «Расширить геологоразведочные работы на нефть и газ в Западном Казахстане,

ускорить освоение нефтяных месторождений на полуострове Бузачи». Надо сказать, что нефть, которую добывают на Бузачах, уникальна по своему составу. Ученые обнаружили, что она металлоносна, что в ней содержится большое количество ванадия, который широко используется для производства легированных сталей. Значит, Бузачи могут работать и на металлургическую промышленность.

Сегодня название «Бузачи» — одно из самых популярных на Мангышлаке. Сюда протянули линию электропередачи, проложили нефтепровод, наладили сквозное движение от Шевченко к промыслам; на берегу Каспия выросли вахтовые поселки с отоплением, освещением, кондиционерами. Но, возможно, в скором времени полуострову Бузачи придется поделиться известностью с новыми точками, где ведут разведку геологи и где уже открыты новые месторождения нефти и газа. Это — Кайдак, залив Комсомолец, Мертвый Култук. Новые буровые и вахтовые поселки появились там, где нет ни травинки, ни человеческого жилья, только белая от соли земля да пыльные бури...

Это неожиданное по масштабам освоение пустыни было бы невозможно, если бы не Мангышлакский энергокомбинат — атомная станция с мощным реактором на быстрых нейтронах, уникальным, первым в мире промышленным реактором, который способен, сжигая топливо, воспроизводить его в еще большем количестве. Атом дает Мангышлаку энергию, тепло, опресненную воду — короче, возможность жить и работать в этих «проклятых богом местах», как называли когда-то Мангышлак.

В 1974 году архитекторы Шевченко — города, выросшего в пустыне и тем не менее зеленого, строившегося сразу набело, обособленного от промзоны, не знающего окраин, получили премию имени Патрика Аберкромби, вручаемую Международным союзом архитекторов за гуманизацию неблагоприятной для человека среды обитания.

Широко ведутся исследования Мангышлака. Специалисты уточняют геологическое строение полуострова Бузачи, Устюрта и Мангышлака, подсчитывают водные запасы, скрытые в недрах Западного Казахстана, составляют карты засоленных территорий и подводных ландшафтов мелководной зоны Каспийского моря, разрабатывают схему землепользования и охраны природы Мангышлака... Человек обживает пустыню. В соответствии с Продовольственной программой СССР до 1990 года в Казахстане будет введено в эксплуатацию 820 тыс. гектаров орошаемых земель в полупустынных и пустынных районах будет обводнено не менее 22 млн. гектаров пастбищ.

обычной, и, думается мне, не глауберова ли это соль, иначе называемая щелочной? Соль сия обладает многими редчайшими свойствами...»

Карелин был прав. Последующие экспедиции подтвердили его предположения. Отчеты путешественников и исследователей сообщали, что каждый год в залив приходит более 17 кубических километров воды — настоящая река! Казалось бы, она должна ежегодно поднимать уровень залива на метр, но... Жаркий климат этих мест, иссушающие ветры порождали сильное испарение. Залив пил и пил соленую каспийскую воду, словно не мог насытиться. Потому-то, видимо, и называли туркмены залив Кара-Бугаз — «Черная пасть» и Кули-Дарья — «Слуга моря». Из насыщенной солями карабогазской воды — рассола, рапы — зимой, охлаждаясь, выпадали кристаллы глауберовой соли — мирабилита. Летом, когда из выбросов мирабилита испарялась вода, чистый сульфат натрия устилал низкие берега Кара-Богازа...

«Газик» по-прежнему бежит по влажному береговому песку, кое-где прикрытому коричневыми водорослями. Я отчетливо различаю сквозь шум мотора легкое шуршание волн, свист пустынного ветра, срывающего с барханов песок, голос моего спутника, инженера с объединения «Карабогазсульфат». Наш разговор идет о Кара-Богазе, об истории его освоения.

...В 1918 году, несмотря на исключительно тяжелое для нашей страны время, Владимир Ильич Ленин предложил развернуть освоение богатств Кара-Богаз-Гола в государственном масштабе. В голодной осенней Москве было проведено совещание под председательством секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова. На совещание собрались видные ученые, чтобы наметить пути дальнейшего исследования и использования залива. Опыт фабриканта Катыка, акционерного общества «Айваз» и других предпринимателей трудно было брать в расчет: они вели добычу сульфата в надежде на быстрое обогащение, и им не было дела до серьезной, планомерной разработки минеральных запасов залива. В 1921 году первая советская экспедиция с огромными трудностями добралась до пустынных берегов Кара-Богаз. Руководил экспедицией инженер Н. И. Подкопаев, уже работавший здесь до революции. Ученые исследовали залив с различных точек зрения — гидрографической, физико-химической, метеорологической — и пришли к окончательному выводу, что Кара-Богаз — это уникальное комплексное месторождение солей. И вот почти через сто лет после путешествия Григория Карелина началось интенсивное строительство комбината, порта, города.

— Вот этот город. Смотрите! — как-то тихо сказал инженер.

На берегу неширокого, но быстрого, ослепительно-синего пролива (он соединял зеленые воды Каспия с невидимым еще Кара-Богазом) стояли большие в несколько этажей дома. Без

крыш. Зияли пустые проемы окон, фундаменты занесло песком. На желтых фасадах сохранились подтеки лозунгов. Когда-то здесь жило около 20 тысяч человек. Они добывали сульфат, встречали пароходы, выращивали арбузы...

— Вот здесь был завод, здесь — банк, а там, кажется, ясли, — вспоминает шофер, живший в городке в 1932 году.

Покинутый город служил теперь базой геологов и метеорологов: на берегу пролива стояла небольшая метеостанция, и издали было видно, как по метеоплощадке от прибора к прибору ходит девушка и снимает показания. У переправы через пролив ждали своей очереди тяжелые машины. Они шли со стороны Красноводска на Мангышлак. Здесь же, у переправы, работали газовики: тянули западную нитку газопровода Средняя Азия — Центр. Горячий ветер пустыни гудел в проводах — линия электропередачи шла из Красноводска в Бекдаш.

Мы молча смотрим на заброшенные строения, иссеченные ветром, и возникает вопрос, хотя ответ на него известен.

— Что же случилось с городом?

— Точнее сказать, с заливом, — поправил меня инженер.

«Газик» пробивается по сыпучим барханам вдоль пролива. Трещат под колесами красные сухие шапки татарника. Слышится отдаленный гул водопада. Вот, наконец, и он — знаменитый бар: огромные камни торчат из воды, быстрый поток с шумом захлестывает их и падает водопадом. Ветер подхватывает белые охапки пены, кружит, как снег, над водой.

Черное зеркало залива уходило к горизонту. Это был Кара-Богаз-Гол.

Еще не так давно уровень воды над камнями бара был метра на три выше. Но именно тогда, когда на берегах залива развернулось строительство, Кара-Богаз, словно оправдывая свою славу неподступного, начал неожиданно и быстро мелеть. Солнце исправно испаряло воду, а поступало ее в залив все меньше и меньше. Последствия этого были самые серьезные: стала повышаться концентрация солей в заливе, создались благоприятные условия для образования поваренной соли. Старожилы вспоминают, как в 1939 году баркас «Сербия», груженный сульфатом, еле-еле выплыл из залива: винты баркаса обрастали глыбами обыкновенной соли.

Изменились условия — и Кара-Богаз-Гол перестал «выпускать» мирабилит, он «перешел» на производство поваренной соли.

В 1944 году центр сульфатного производства был перенесен в маленький, но имеющий выход к морю поселок Бекдаш. Геологи открыли новые подземные источники сырья: на обсохшей части залива, под бывшим дном Кара-Богаз-Гола, они обнаружили могучие мирабилитные пласты, пропитанные рапой. Выяснилось, что, просачиваясь через эти пласты, рапа вновь обогащается сульфатом. Стекольная, бумажная, химическая про-

мышленность требовали, просили, умоляли: «Нужен сульфат натрия!» Решено было строить новый комбинат.

— Подземные рассолы, — рассказывает инженер, — залегают неглубоко, метрах в десяти от поверхности. Но поднять все производство без опыта тех, чьи покинутые дома вы видели на берегу пролива, было бы нелегко.

В двадцати километрах от Бекдаша лежит «снежное» озеро. У него нет названия, и когда вспоминают его, говорят — озеро № 6. Но озеро это по-своему знаменито. Именно здесь в начале 30-х годов люди впервые попробовали хотя бы частично «перехитрить» залив и применили бассейновый метод получения сульфата натрия. Осенью в естественную котловину озера закачивали рапу — и дальше образование мирабилита и сульфата шло по привычной природной схеме. Это был как бы миниатюрный Кара-Богаз-Гол. Он исправно работает и по сей день, только закачивают в него не рапу залива, а подземные рассолы.

Я помню это озеро, самое удивительное из всех, какие мне довелось видеть. Помню ослепительную белизну его «снежного» поля с синими тенями. Сульфат, как снег, скрипит под ногами. Люди работают в темных очках, в белой спецодежде, голова повязана белым. Машины — похожие на те, что расчищают снег на катке, щетками соскребают верхний слой сульфата, подбирают его, ссыпают в бункер. Там, где не могут пройти машины, идут люди с легкими фанерными лопатами.

Жаркий ветер кружит над озером метельные хлопья. Сульфатчики рады его порывам: он высушивает мирабилит. Но дуют здесь и другие ветры. Иной приносит из пустыни мелкий и жесткий, как наждак, песок-сеянец, покрывает желтым песчаным одеялом белизну озера, и тогда вместо сульфата идет в бункер брак. А бывает ветер еще страшней. Глубокой осенью или зимой подует с залива, нагонит на бывшее дно холодную тяжелую кара-богазскую воду — и замирают промыслы, перестают тянуть насосы из глубины рапу. «Нагон!» — вздыхают в Бекдаше. Нагон — не работает производство. Нагон — не заполняются рапой озера. Нагон — если постоит еще с недельку, то и на будущий год можно без сульфата остаться...

Берега озера № 6 переливаются барханами, жарко дышат, шелестят песком, движутся, а где-то за ними лежат другие озера — и густо-фиолетовые, и зеленые со снежными закринами, и тускло-белые, и почти черные, цвета воды в заливе Кара-Богаз. Все эти озера работают на объединение. Здесь рождаются глауберова соль, сульфат натрия.

В Бекдаше с 1972 года действует сульфатное производство, «первое в стране, — как пишут в официальных справках, — по технологии получения мирабилита». Люди сумели смоделировать условия, в которых рождается мирабилит: кристаллизаторы воспроизводят кара-богазскую зиму, когда из рапы выпадают кристаллы соли, в жарких печах царит иссушающее пус-

тынное лето. Природа смоделирована без ее капризов — и жара, и холод приходят с операторских пультов в точно назначенное время. С пуском сульфатного производства объединение вышло на дорогу современного производства. Это повлекло за собой и изменение профессий жителей Бекдаша, которые стали осваивать сложное химическое производство, и обновление самого Бекдаша. Осенью 1974 года, когда я была там, уже можно было отчетливо разглядеть среди одноэтажных домиков и юрт ростки будущего Бекдаша: трех-четырёхэтажные дома, негустой еще парк, асфальтированная набережная, сияние портовых огней...

Но вернемся к заливу.

Мы стоим на его низких берегах, среди огненных зарослей колючек. Ветер шелестит их ломкими веточками, пригибает к земле. Белые клочья пены по-прежнему летят над острыми камнями бара и тихо ложатся на черную воду... Залив кажется недвижимым, мертвым.

...Он мелел от года к году, но продолжал жить. Зеркало его сильно «сжежилось», воды оказались насыщены солями, как говорят, до ртутной плотности. Залив, как всякое природное тело, переживал растянутые на века молодость, зрелость, старость. Но он во многом еще оставался для исследователей загадочным, и на Кара-Богазе не прекращали работу экспедиции геологов из Туркмении, метеорологов из Баку, ленинградских специалистов Института галургии и московских химиков.

Одно было ясным: залив продолжал поглощать и испарять воду Каспийского моря. Только с начала нашего века он поглощал, причем безвозвратно, свыше тысячи кубических километров воды — три Азовских моря...

Был разработан проект плотины, которая должна перегородить пролив и тем самым сберечь морскую воду, замедлить обмеление Каспия. Как установили ученые, уровень Каспийского моря понижается давно: более 150 лет наблюдается этот процесс и остановить его не могут ни значительный речной сток, ни атмосферные осадки. Уровень Каспия сейчас намного ниже уровня Мирового океана. Причин этого явления, конечно, много — и замкнутость Каспийского моря, и сухой жаркий климат пустыни, и интенсивное хозяйственное освоение Волжско-Каспийского района и, как уже говорилось, жадный до каспийской воды Кара-Богаз-Гол. Отрезав залив от моря, люди сделают первый шаг по регулированию уровня Каспия...

Инженер, рассказывая мне о проекте, сказал:

— В проекте предусмотрена возможность сооружения устройства для подачи воды на тот случай, если она потребуется заливу. Ведь нельзя забывать, что воды его содержат две трети менделеевской таблицы — сульфаты и хлориды, бром и бор, соли натрия, калия, магния, рассеянные элементы. Но, конечно, базой для развития химической промышленности в этом краю

будет служить богатый подземный рассол, который дают скважины.

...Мы сидим у вечернего костра. Трещит в огне саксаул. Тянет горьковатым дымком и сладким запахом ухи. Красный шар солнца садится в синеву моря. С барханов тянет прохладой.

— Что нужно, чтобы Бекдаш превратился в город Большой химии? — рассуждает инженер. — Электроэнергия, — он загибает один палец правой руки. — Она уже пришла из Красноводска. — Газ, — второй палец плотно примыкает к первому. — Вода, — инженер загибает третий палец. — Уж сколько лет ее из Баку возим... А без нее здесь жизни нет. И наконец, дороги. Одних морских — мало... Ну и последнее, но самое главное — люди, которые понимали бы пустыню и не видели бы в ней врага, — рука инженера, сжатая в кулак, распрямляется, он опускает ее на бархан и ласково пересыпает сквозь пальцы теплый песок...

И снова дорога по кромке моря. Розовая птица недвижно стоит у пены прибоя. Неожиданно фламинго взмахивает крыльями и растворяется в лиловых языках вечернего горизонта.

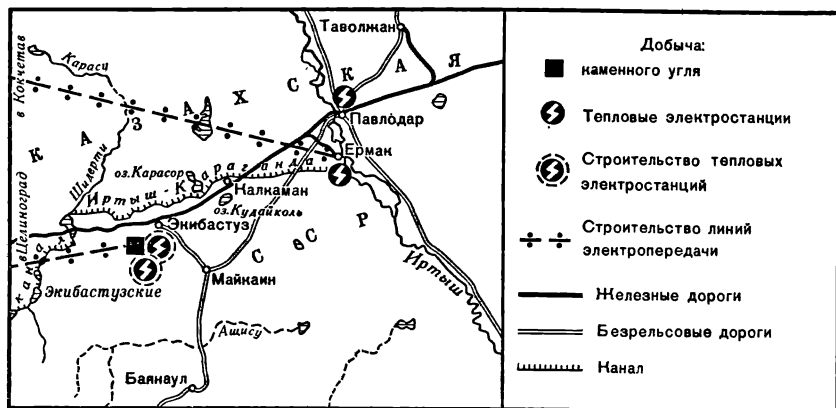
И вот уже виден пульсирующий луч маяка на острове Кара-Ада.

В начале 1980 года пролив, соединяющий Кара-Богаз с морем, был перекрыт. До и после этого события, которое означает решительный поворот в судьбе залива, приходили и другие новости с засушливых берегов Каспия.

Газопровод прошел через Бекдаш. В поселке начал работать опреснитель морской воды. Пусть небольшой, дающий пока лишь техническую, а не питьевую воду — но воду! Ведется строительство водовода из Нового Узеня — он позволит решить проблему обеспечения поселка пресной водой. Завершается создание паромной переправы, которая свяжет Бекдаш с Красноводском и Баку, сооружается новый аэропорт. По проекту ленинградских архитекторов в Бекдаше застраивается четырехэтажными домами целый жилой массив...

Те всходы нового Бекдаша, что видела я несколько лет назад, уверенно пошли в рост.

На Иртышском меридиане

Конечно, в Павлодар можно было долететь всего за три-четыре часа, забыв, что внизу земля. Но хотелось приблизиться к этому городу постепенно, через ощущение расстояния, через три дня дороги на поезде.

Неторопливо пробігают за окнами зеленые поля и веселые перелески среднерусских равнин, синие от света воды и неба волжские берега. Кажется, что всюду весна. И вдруг за Уралом весна словно оборвалась. Поезд поворачивает резко на юг, и взгляду открываются плоская серая земля и красное, сулящее ветер солнце на горизонте. Гладь соляных озер, белые пухлые солончаки, пыль степных дорог...

Весна снова встретила нас уже в Павлодаре. На Иртыше. Как неожиданно было видеть здесь, в степи, широкую, по-сибирски мощную реку, холодный блеск ее воды, кустистые острова, протоки, пойменные луга низкого берега. Река несла свои воды издалека, с юга, зеленой более чем семисоткилометровой дорогой ложилась на землю области и двигалась дальше, на север, к Оби.

Первое впечатление от этого края, которое сводилось как бы к двум образам — степь и Иртыш, — не было обманчивым. Но они существовали не раздельно, не сами по себе, а крепко связанные в единое понятие «Прииртышье», и это Прииртышье стремительно меняло сегодня свой облик.

В просторных степях Северного Казахстана, которые когда-то считались краем кочевого скотоводства, на землях Павлодарской области, богатых углем, солями, иртышской водой, формировался Павлодар-Экибастузский территориально-производственный комплекс, возникал крупнейший энергопромыш-

ленный узел. Степь и Иртыш жили уже иной жизнью, непохожей на прежнюю.

Экибастуз раскинулся в степях левобережья. Более сотни километров отделяет город от Иртыша, и вместе с тем он стоит как бы на его берегу.

«Тлеген-су» — «желанная вода» пришла сюда с каналом Иртыш — Караганда. Не будь ее, едва ли можно было увидеть, как гаснет пыльный смерч в высоких тополях и соснах на улице Старожилов, как падают капли дождя на цветущие яблони. Город мог теперь рассчитывать на долгую нормальную жизнь. Он и рассчитывал, создавая квартал за кварталом, обсаживая улицы тонкими саженцами...

В 1886 году геолог-самоучка и рудознатец Косум Пшембаев (его именем назван городской музей) открыл здесь месторождение угля. В заявке, поданной хозяину, Пшембаев написал, что поместил он место двумя глыбами соли, которые притащил с соседнего озера. Отсюда и пошло название «Эки-бас-туз» — «Две головы соли». Воскресенское горнопромышленное общество и английский капиталист Уркварт разрабатывали месторождение — надо видеть фотографии тех лет, чтобы почувствовать весь ужас работы здесь, среди безводной тогда степи... После революции месторождение на долгие годы было законсервировано, и лишь в конце 40-х годов — сначала глухо, потом громче — о нем заговорили вновь.

Уже в первые часы пребывания в этом городе я встретила с Зекем Биляловым, начальником Майкаинской геологоразведочной экспедиции. Мы сидели в здании горкома партии, на том самом месте, где, как сказал Зеке, стояли когда-то их палатки. Он рассказывал о своей первой экспедиции: как добирались они от Экибастуза до Калкамана, как с трудом тащила тощая лошаденка людей, палатку — одну на всех — и комплект ручного бура. С ранней весны и до поздней осени, под палящим солнцем бурили они схважины — и нашли! Нашли воду, которой на первых порах мог жить Экибастуз.

Мой собеседник говорил о таких далеких теперь событиях, что я, глядя на его молодое лицо, не выдержала, спросила:

— С каких же вы лет в геологии?

Зеке поправил очки тонкими загорелыми пальцами, улыбнулся:

— С пятнадцати. С 1948 года, с той первой экспедиции, где работал коногоном. Уже тогда я понял, что с геологией мне не расстаться. Вернулся в Экибастуз, когда за плечами была учеба в Алма-Ате и не один полевой сезон. Вели мы изыскания и зимой, а вы знаете, что такое зимняя степь? Сорокаградусный мороз с ветром, неделями по бездорожью добираться до места, пристроившись в будке на санях трактора. Конечно, работа главным инженером Майкаинской геологоразведочной экспеди-

ции не сулила облегчения. Но меня уже заинтересовал Экибастуз — Яков Вилисович Бергман. Он приехал в Экибастуз еще во время войны и поверил в него раз и навсегда. Вообще мне на редкость везло в жизни, — улыбнулся Зеке, — на хороших учителей...

Пожалуй, это было не просто везение. В Казахстане работала тогда большая и сильная плеяда геологов во главе с Канышом Имантаевичем Сатпаевым, первым президентом Академии наук Казахской ССР. То, что было сделано ими до войны, во время войны (только с 41-го по 45-й год геологический совет республики организовал 350 экспедиций!) и после, во многом обусловило сегодняшнее развитие промышленного Казахстана.

...Дорога идет по дну верхней террасы разреза «Богатырь». Широкая долина засыпана черными, матово-олевыми обломками угля. Слева — уходящие ввысь, плотно спрессованные пласты угля, справа — обрыв. На дне нижней террасы — ярко-желтый роторный экскаватор-«пятитысячник»: пять тысяч тонн угля выдает он в час. Рабочие в касках, взбирающиеся по его лестницам, бочка с водой на дне карьера — черточки, точки на фоне этой махины. Даже железнодорожный состав,двигающийся по дну разреза, кажется игрушечным. Масштабы добычи поражают, а ведь это только начало...

— Мы завершили разведку месторождения, — говорит Зеке, — и подсчитали, что запасов его хватит почти на сто лет! Но есть еще более глубокие пласты...

Угольно-серое чрево земли напоминает о том, как непохожи были эти места в глубокой древности на сегодняшнюю голую степь. Здесь росли леса, водились звери, сухие теперь русла рек были полноводны и обильны рыбой... Миллионы лет копила природа угольное богатство, и, право, стоит думать о том, чтобы использовать его по-хозяйски, с мыслью о сегодняшнем и завтрашнем дне этих мест.

Экибастузский уголь очень дешев: неглубокое залегание, открытые карьеры, уникальная мощность пластов — до 180 метров. Но уголь этот высокозольный, и транспортировать его невыгодно. Было подсчитано, что экономичнее сжигать его на месте и передавать уже электроэнергию. Именно поэтому в районе Экибастуза намечено строительство нескольких ГРЭС. В решениях XXVI съезда КПСС сказано: «В Павлодар-Экибастузском территориально-производственном комплексе наращивать добычу угля, производство глинозема, продолжить сооружение крупных ГРЭС мощностью по 4 млн. киловатт...». «Ввести в действие первую очередь линии электропередачи постоянного тока напряжением 1500 киловольт Экибастуз — Центр и линии электропередачи переменного тока напряжением 1150 киловольт Экибастуз — Урал».

Как быстро свершается задуманное. 1980 год — год пуска первой ГРЭС, а в 1976 году неподалеку от Экибастуза только

создавалась стройбаза для электростанций, чистили дно бывшего соленого озера Жангельды. На мой вопрос — зачем его откачали? — ответили коротко: для ГРЭС. За этим диалогом стояли серьезные проблемы охраны среды, которые не могут не возникнуть, если каждая станция будет сжигать в час железнодорожный состав угля! Охлаждать конденсаторы мощных ГРЭС проточной речной водой немыслимо: пришлось бы, наверное, через станции пропускать весь Иртыш. Поэтому ГРЭС будут работать на оборотной воде: около каждой станции создадут крупное водохранилище. Озеро Жангельды, озеро Кудайколь, урочище Акбидайк, озеро Шандаксор — их наполнят из канала иртышской водой.

Но сохранит ли степной воздух свою чистоту? Здесь, как известно, сильные ветра, и проектировщики, конечно же, учитывают их направление, размещая огромное угольно-энергетическое хозяйство. Места эти малонаселенные по сравнению, скажем, с Уралом, где сжигать экибастузский уголь в таком количестве было бы гораздо опаснее. Проектировщики планируют поставить самые эффективные фильтры с коэффициентом очистки 98 процентов. И все-таки врачи Павлодарской областной санэпидстанции обеспокоены — что еще можно сделать, чтобы уловить оставшиеся два процента? Чтобы дым из труб экибастузских ГРЭС был действительно подобен облакам.

И еще встает серьезный вопрос — как быть с отходами? Когда начнет работать каскад ГРЭС, они будут исчисляться миллионами кубометров. Куда упрятать ту же золу? Долго искали, нашли горько-соленое озеро Карасор, которое может принять миллиарды кубометров. Но все чаще и настойчивее раздаются голоса — не пора ли комплексно перерабатывать экибастузский уголь? Ведь в нем больше половины окиси кремния, почти одна треть окиси алюминия, остальное — окись железа, кальций, магний. Специалисты определили, что зола таких углей может быть полезна в нефтехимической промышленности, из нее можно получать сырье для производства строительных материалов и даже алюминия.

Не хотелось бы видеть в будущем мертвую яму озера Карасор и серо-черные, похожие на лунные горы отвалы породы вокруг Экибастуза. Куда как лучше, если город угольщиков и энергетиков будет встречать приезжих пресными озерами с иртышской водой, лесами и пляжами на их берегах, чистым воздухом. Зеленое кольцо, которое создадут вокруг угольных разрезов и электростанций, защитит город от пыли.

Дорога была серой от зноя. Справа и слева лежала земля, припорошенная, будто снегом, солью. К горизонту уходили ровные, не по-весеннему желтые степи правобережья. Снова Иртыш остался далеко позади, но, как и по дороге на Экибастуз, не отпускал от себя.

Еще в Москве, листая подшивку газеты «Звезда Прииртышья», я познакомилась со статьями А. А. Свищева, главного гидрогеолога Прииртышской гидрогеологической экспедиции, и поняла, что надо непременно встретиться с ним.

Когда я попросила его рассказать о работе гидрогеологов, Александр Алексеевич сказал: «Давайте съездим в колхоз «XXX лет Казахской ССР» и посмотрим на результаты наших изысканий».

Мы ехали в глубь степи, которую гидрогеологи исходили вдоль и поперек, изучая каждый бочажок, каждое обнажение, закладывая сотни разведочных скважин...

Эти многолетние кропотливые изыскания привели к открытию Прииртышского артезианского бассейна. Он, как выяснилось, состоит как бы из двух рек, или двух горизонтов, как говорят геологи, — верхнего, мощностью 30—40 метров, и нижнего, мощностью 50—200 метров. Глинистая толща отделяет их друг от друга. Подземные реки формируются в основном в районе Семипалатинского Прииртышья, в пределах так называемых борových лесов, и движутся в сторону Павлодара, а затем Омска. Их истоки залегают на глубине ста метров, но потом реки «ныряют» на глубину до километра.

...Жаркую синеву неба над дорогой вдруг рассекло белое крыло чайки. Это было похоже на предупреждение: начинается другая земля. И действительно, вдоль дороги зазеленели обочины, поднялись невысокие сосенки. Главная усадьба колхоза тонула в зелени, шелестящей под ветром. Мы долго ехали мимо аккуратных коттеджей с пестрыми цветниками и все время ощущали близость воды: ветер доносил озерную прохладу.

Водохранилище открылось неожиданно. Над водой кружились и ссорились чайки. Берега в два ряда окружала ограда из тополиных кольев, уже пустивших листочки; их поставили, чтобы не размывало дамбу и не исчезала бесценная влага. А кругом — насколько хватало глаз — зазеленели сочные луга. Поливочные машины «Фрегат» рассеивали радужные облака водяной пыли.

Люди этих отдаленных от Иртыша мест первыми в области направили глубинную воду на страдающую от засух и иссушающих ветров землю. Результаты превзошли все ожидания: один гектар орошаемой земли заменил многие гектары богары. Все, что показывали мне в этом колхозе потом, — поля овса и кукурузы, свиноферму, стада овец, коров и лошадей, норок на звероферме и даже цех по производству минеральной воды — это было уже следствием главного: пришла вода.

Председателя колхоза мы застали дома. Он пригласил всех присесть. Его плотная, коренастая, уверенная фигура, решительные жесты — все выдавало в нем человека-хозяина.

— Мы здесь лет 30 живем, — вспоминал председатель. — Детей своих купали — снег собирали, топили. Я недавно захо-

жу в один дом, а старуха говорит старику: «Лучше мой руки, вся грязь на полотенце!» А я ей: не ругай его, мать, ты же помнишь, как каждую каплю экономили, вот и въелась привычка-то. Как на Луне жили.

— И вот сейчас, — продолжает председатель, — смотреть не могу, сердце болит, когда вижу, как из скважин вода бесполезно льется...

Мне ясно, о чем он сокрушается. Видела своими глазами, не в этом, конечно, колхозе, в других: на скважинах не поставлены обыкновенные заглушки — и драгоценная глубинная вода льется, заболачивая и засоляя землю на много гектаров вокруг. Гидрогеологи по сети режимных скважин постоянно следят за состоянием подземных вод, давая точные прогнозы возможности их использования, а тут...

Свищев посматривает на часы, хотя, похоже, и гидрогеологу и председателю жаль расставаться друг с другом. Как не понять их: для Свищева председатель — первый человек, который поверил в открытие гидрогеологов, для председателя гидрогеологи — друзья на всю жизнь, потому что теперь можно забыть о копанках, пересыхающих колодцах с солоноватой водой, и жить, жить здесь, среди этих суховейных степей, не боясь их.

Позже, в Павлодаре, Свищев показал карты и документы левобережья, где гидрогеологи также ищут подземные воды, хотя уже сейчас ясно, что оно значительно беднее ими, чем правый берег, и воды в основном солоноватые. Но поиск продолжается...

Подземные воды пришли и на поля Павлодарской опытной станции по защите почв от эрозии. Именно там, на этих полях, ученые разрабатывают тактику борьбы с ветровой эрозией. Засуха и эрозия — не будь их, разве называли бы эти земли зоной «рискованного земледелия»?

Георгий Григорьевич Берестовский, заместитель директора станции, часто просил шофера остановиться, выскакивал под холодный в тот день ветер. Всматривался в серую вспаханную землю со следами стерни, разглядывал «кулисы» — ряды горчицы, удерживающие от ветра пары, проверял, правильно ли покрывают землю нерозином, темной, пахнувшей просмоленными шпалами жидкостью. И, сосредоточенный только на этом, говорил:

— Раньше думали, чем глубже вспахана земля, чем чернее она, тем лучше. Но глубоко поднятый пласт, размельченная в порошок почва, уничтоженная стерня — это прямая помощь эрозии. Вот мы и разработали безотвальную обработку, когда плоскорез, широкий, плоскорезуший нож, заглубляясь в почву, лишь слегка разрыхляет ее, не переворачивая пласта. Чем больше стерни остается, тем лучше — она крепко держит почву.

Если бы вы могли представить, как трудно было переломить психологию землепашца! Видит, что безотвальная обработка помогает, а все тянет его пахать по привычке.

«Газик» шел по пыльному проселку, утонувшему меж полей. Темные квадраты чередовались с зелеными, зеленая полоса трав отделяла посевы от дороги — и в этой четкой расчерченности, в этой «полосной системе» был большой смысл. Здесь все защищало почву от ветра. Через каждые сто метров, а на особо опасных местах через пятьдесят, квадрат многолетних трав сменял квадрат пашни. Полосы были нарезаны поперек господствующих ветров. Травы держали землю, встречали и гасили порывы ветра. Зеленый буфер у дороги смягчал его удары.

Я смотрела на живые поля, и мне не верилось, что это та же самая земля, которую видела час назад на экране. Мы сидели тогда в кинозале опытной станции, и перед глазами разворачивались драматические кадры.

...Среди наметенных подушек песка торчит одинокий стебель кукурузы. Желтые поломанные листья полусасыпаны. Все поле до самого горизонта волнится барханами. Оно мертво. Черные тучи пыли несутся над землей: ветер уносит почву с полей. Дорога словно провалилась — насыпь выдуло, машины среди дня идут с зажженными фарами.

Георгий Григорьевич смотрел на экран молча, чувствовалось — переживает заново, потом тихо сказал:

— Так было в 1963 году. Более одного миллиона гектаров только в нашей области пострадало от эрозии. Достаточно было легкого движения — прошел человек, закрутились песчинки, все задымилось, поле двинулось.

Остановил эрозию целый комплекс мер, разработанный учеными Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства в Целиноградской области, специалистами Павлодарской опытной станции, руководителями совхозов и колхозов. В 70-м году от эрозии пострадало лишь 6 тысяч гектаров. Но Берестовский, теперь уже лауреат Ленинской премии, человек, который помогал бороться с эрозией и на Северном Кавказе, и в Бурятии, и в Читинской области, и в Алтайском крае, настроен весьма трезво:

— Говорить, что с эрозией покончено раз и навсегда, нельзя. Она может возникнуть в любой степной области, где много распаханых земель. Чтобы сохранить плодородие земли — а сейчас в связи с развитием области это особенно важно, — нужно соблюдать все до единой меры защиты почвы. Они действительны только вместе, они как пальцы, сжатые в кулак.

Берестовский стоит и молча слушает, как дышат поля под просторным степным небом. Защищенные от ветра, напоенные подземными водами, они живут, и вместе с ними живет вся степь. Черные жаворонки стремительно чертят синеву неба.

Степной орел тяжело поднялся со стерни и парит в воздухе, высматривая добычу. Серебрится ковыль под ветром, горько пахнет полынью, сон-трава покачивает прозрачными, похожими на одуванчики головками.

— Земля, — словно думая вслух, замечает Берестовский, — ведь живая... И устать может, и заболеть. И отдых ей нужен, и защита, и, конечно, вода...

Даже в Баянаульских горах, одном из самых отдаленных от Иртыша уголков области, ждут иртышскую воду. Хотя, казалось бы, здесь есть прекрасные пресные озера.

В Баянаул я добиралась вместе с молодым врачом санэпидстанции. Всю дорогу говорили мы о Баянауле, судьба которого оказалась неожиданно тесно связанной с ростом Экибастуза и Павлодара, и всю дорогу ждали, когда на горизонте появятся лиловые очертания горной гряды.

Они появились, сразу нарушив монотонность степи и утомительное однообразие дороги. Вдруг стали заметны поляны нежно-фиолетовых ирисов и шары перекасти-поля, гонимые ветром, и черные лохматые псы, стерегущие стада овец, и плавные, замедленные движения табуна лошадей.

Чем ближе горы, тем чаще среди степи встречаются одинокие отполированные ветрами глыбы. Вот они уже громоздятся друг на друга, вырастают в пирамиды, на склонах которых растут кривые цепкие сосны. Дорога взбирается на перевал, кругом сосны, березы, зелень травы, пестрота цветов. За перевалом, в долине — темная чаша озера Джасыбай. Берега застроены разноцветными домиками. А дорога уводит все глубже в горы, и с каждым ее поворотом взгляду открываются фантастические фигуры, сложенные из огромных серо-коричневых глыб. Когершин (Голубка), Дельфин, Кемпиртас (Старуха-камень), Клоун, Найзатас (Камень-копье) — каждый камень овечьей легендой. Голубка — женщина, пытавшаяся остановить кровопролитное сражение и окаменевшая от горя; Акбеттау (Белолицая) — самая высокая, всегда освещенная солнцем вершина Баянаула — девушка, бросившаяся со скалы; утес Ат-Басы (Конская голова) — конь-богатырь.

Взбираюсь по валунам на невысокую гору. Шершавые, поросшие черно-белым мхом камни, в расщелинах тонкие стволы берез, ветром выточенные овальные «ванны», на вершине раскидистая сосна. Прислонившись к теплему ее стволу, чтоб не сбросило ветром, смотрю на озеро Торайгыр, на песчаные берега его, на каменные острова, поросшие соснами, на пенные гребешки волн. Нетрудно понять, почему баянаульская земля дала Казахстану столько поэтов, философов, мыслителей, акынов, исследователей. И один из них — Каныш Имантаевич Сатпаев, прокладывавший свои первые геологические маршруты на гору Сарымсақты.

Баянаульские горы объявлены заказником, курортной зоной, а это значит, что вопрос, как сохранить красоту этого уголка, приобретает особую остроту.

...В одном из кабинетов райкома партии шел деловой разговор. Районный архитектор разложил карту-схему курортной зоны. Не заглядывая в справки и бумаги, он говорил о том, что из 23 тысяч гектаров Баянаульской курортной зоны треть отводится под здравницы, остальное — зеленые массивы, сосновые леса, рощи реликтовой черной ольхи, родники, озера... Дорогу со временем пустят в обход перевала и горных долин. Поселок Баянаул разрастется, хотя никакой промышленности, кроме местной, здесь не планируется.

С развитием Павлодар-Экибастузского комплекса все больше и больше людей приезжает в эти места. Чтобы природа Баянаула выдержала этот натиск, говорил архитектор, надо осваивать курортную зону по единому плану; строить дома отдыха, задумываясь над тем, как будут выглядеть берега озер в целом; торопиться с прокладкой канализационных линий и т. д. Вызывает тревогу и судьба озера Джасыбай. Озеро это лечебное, оно богато черным сапропелем. Хорошо бы ускорить и строительство водопровода от города Майкаин, от канала, несущего иртышскую воду. Иначе при таком наплыве людей Баянаульские озера, глядишь, и обмелеть могут. Основная задача — скоординировать интересы всех предприятий, осваивающих эту курортную зону. Чтобы всегда шумел ветер в соснах, и влажная озерная пыль оседала на светлый песок, и гладкие береговые валуны омывались чистой волной озера Сабындыколь, на берегу которого стоит поселок Баянаул.

После поездок по правому и левобережью мне оставалось увидеть вблизи сам Иртыш.

Утром, когда солнечными бликами отливают темные воды реки, когда резкий ветер срывает пенистые гребни и вода сердито набегает на широкие песчаные отмели, физически ощущаешь силу Иртыша и тягу к нему города.

Павлодар стоит на высоком правом берегу. Он обращен лицом к реке, к реке тянутся его улицы.

Вечером, когда малиновое солнце падает в куши островов и синий сумрак разливается над протоками, когда всполохи над заводами рассеивают гсущающуюся тьму, Иртыш затихает, словно задумывается о своей судьбе...

А судьба у него нелегкая, как, наверное, у всякой большой реки, проходящей сегодня по землям с бурно развивающимся хозяйством.

В последнее время высохли на реке многие старицы и протоки, оголились коричневые обнажения береговых обрывов. Бухтарминское море (в верховьях Иртыша, у озера Зайсан, построена Бухтарминская ГЭС, которая регулирует сток Иртыша)

сбрасывает в реку ежесекундно сотни кубометров воды, но только часть достается Иртышу, остальное поступает в канал, разбирают колхозы и совхозы. Как избежать обмеления реки при таком интенсивном ее использовании?

Как совместить интересы энергетики, промышленности и рыбного хозяйства — важнейшая проблема, стоящая перед учеными и практиками.

Что же касается чистоты иртышской воды, то, как говорили работники Средне-Иртышской бассейновой инспекции, какой она поступает в область, такой и уходит из нее. И это при той нагрузке, которую несет Иртыш на территории области! За последнее время солевой состав речной воды не меняется, она пригодна для питья. Теперь без участия инспекции не обходятся строительство, сдача и эксплуатация ни одного промышленного предприятия. «Психология людей медленно, но верно меняется, — заметили работники инспекции. — Если раньше инспекцию пытались игнорировать, то сейчас в спорных вопросах нас нередко выбирают третьей стороной». Промышленные предприятия области промстоки в Иртыш не сбрасывают; самые крупные заводы — алюминиевый, ферросплавный, тракторный — переведены на замкнутый цикл водоснабжения.

Специалисты пришли к выводу, что надо разработать единую систему забора воды из Иртыша; создать научный опорный пункт для тщательного исследования состояния иртышской поймы с тем, чтобы окончательно излечить, оздоровить ее, ускорить строительство очистных сооружений во всех областях, которые «нанизаны» на нить Иртыша.

Размышляя над путевыми впечатлениями, приходишь к мысли, что на землях Павлодарского Прииртышья создается сегодня новая среда, «вторая» природа. Здесь созданы трудом советских людей канал-река, многокилометровой лентой прорезающий сухую степь; орошаемые поля и пастбища; новые города — Ермак, Иртышск, разрастающиеся Павлодар и Экибастуз; зеленые массивы лесов — завершена, к примеру, закладка лесополосы Семипалатинск — Омск: она идет почти параллельно Иртышу. Протяженность ее свыше 300 километров только на территории области.

В решениях XXVI съезда КПСС поставлена задача: «Совершенствовать государственное управление и усилить контроль в области природопользования и охраны окружающей среды». Нет сомнения, что люди, с глубокой заинтересованностью относящиеся к будущему своего края, сделают все, чтобы Иртыш был всегда чистым и полноводным.

Большой порог

Там, где Енисей прорывается сквозь хребты Западного Саяна, еще недавно кипел Большой порог. Тугие коричневые валы ходили над камнями, торчащими из пенной воды, глухо рокотали водовороты. Покореженный остов баржи торчал меж камней. И все-таки порог проходили... Я видела этот порог, еще не скрытый водами нового моря.

Полет на Ан-2 был завершающим штрихом моего долгого путешествия по землям, лежащим на юге Красноярского края. Где-то там, внизу, остались знакомые города, степные и горные дороги, по которым трясся экспедиционный «газик», стремительно злой Енисей, бивший на перекатах моторку с такой силой, что она взлетала над водой. Сейчас все детали виденного отступили, сфокусировавшись в единую картину — внизу лежала расцвеченная всеми красками летнего дня «карта» огромного края.

Сине-зеленые горы Западного Саяна крутыми волнами уплывали к горизонту, взблескивая на солнце редкими снежинками. Даже с высоты виднелись белые, пляшущие на поверхности Енисея буруны, ощущалась нарастающая сила реки. Мы летели над Енисеем, летели с юга на север, и я вдруг поймала себя на мысли, что жду того момента, когда откроется плотина.

И вот последние высокие скалистые берега. Дальше, за ними, — залитый солнцем простор Минусинской котловины. Здесь, на границе гор и степи, встали поперек течения Енисея бетонные блоки. Река, встретившись с препятствием, словно замирает, потом, исчезнув на мгновение с лица земли, вырывается по ту сторону плотины, кипящая, бело-зеленая. Петляют дороги в котловане и по берегам, несутся самосвалы, двигаются, не оста-

навливаясь ни на минуту, краны. На крутом склоне горы работают буровики. Немногим более года оставалось до того декабряского дня, 1978 года, когда должны были запустить первую турбину, и работа на стройке не прерывалась ни на минуту. Шел большой бетон.

Саяно-Шушенская ГЭС. 6,4 миллиона киловатт ее проектная мощность. В расчете на это энергетическое сердце создается и организм Саянского комплекса, иначе говоря, будущее юга Красноярского края, то есть будущее тех земель, что лежат к югу и северу от Карлова створа.

Пока не скрылись вдали горы Западного Саяна, таинственно-молчаливые, отрешенные от напряженной человеческой работы на плотине, мне вспоминается беседа в дирекции Саяно-Шушенской ГЭС о том, как будет в скором времени выглядеть каньон Енисея, над которым мы только что пролетали.

Узкое глубокое море врежется в труднопроходимые горы. На триста с лишним километров вытянется оно по руслу Енисея, к верховьям. Только на землях Тувы, там, где кончается Западный Саян, водохранилище разольется шире и будет мельче. Уйдут под воду считанные поселки и единственный город Шагонар (уже строится новый Шагонар). Уйдет под воду и часть леса. Крутые склоны, каменистые осыпи, таежные буреломы, никаких дорог — трудно взять этот лес. Но там, где это необходимо, — в охранной зоне гидроузла, на трассах судовых ходов и промысловых участках, в санитарных зонах возле поселков — его, конечно, вырубят.

Спешат, торопятся работающие в зоне затопления экспедиции: геологи исследуют устойчивость берегов, ведут раскопки археологи, множество проблем решают лесоустроители, лимнологи, речники.

Мелькнул над водой маячок ниже плотины, и черная лента шоссе, прижатая к Енисею невысокими горами, побежала по его левому берегу. На нее один за другим нанизаны поселки: многоэтажные Черемушки, окруженные соснами; Майна — старый горняцкий поселок в зелени садов; Означенное, ставшее вместе с первыми двумя поселками городом Саяногорском. Между Черемушками и Майной, близ шоссе, поднимается гора, вершина которой светится мраморной белизной. Там — карьер, где добывают знаменитый саянский мрамор. А за Саяногорском, уже в степи, раскинулась огромная строительная площадка алюминиевого завода.

Наш самолет летит к Абакану, по-прежнему придерживаясь путевой ленты Енисея. Остался позади первый узел Саянского комплекса. Кругом степь. Проплывают расчерченные на желтые, зеленые и черные полосы поля, темно-зеленые строчки лесных полос, плавные взгорья, острова лесов. Ослепительно вспыхивают на солнце реки и речушки. Они петляют по холмистым равнинам, соединяясь и скатываясь в темный, словно за-

стывший, Енисей. Он проходит почти посреди котловины, окаймленной близкими горами Западного Саяна с юга и далекими синими хребтами на западе и востоке. Это и впрямь котловина, уходящая далеко на север, благословенное место, житница края.

Уже видна на горизонте нить Абакана, устремленная к Енисею. На месте их слияния, на плоской равнине, большой город, опутанный нитями шоссейных и железных дорог. По окраинам поднимаются корпуса заводов (вот промелькнули под крылом цехи вагоностроительного, ослепив глаза солнечным сиянием стекол), телевышка, как маяк, стоит среди белых кварталов. Абакан — столица Хакасии. Город, которому всего полвека, станет поставщиком вагонов и контейнеров для Сибири, центром Саянского комплекса. А рядом с Абаканом ошестинились трубами Усть-Абакан и Черногорск. Абаканский промышленный узел привязан к Енисею так же крепко, как и Саяногорский.

С высоты видно, как поток машин, перемахнув через реки Абакан и Енисей, мчится по шоссе, к Минусинску. Перед городом поток разделяется: меньшая часть, миновав полосу микрорайонов, въезжает в тихий зеленый городок; большая идет в объезд города, туда, где уже видны очертания цехов строящегося электротехнического завода. Третий — Минусинский — узел Саянского комплекса набирает силу. Минусинск с его белеными домиками и крепкими особнячками, с быстрой Протокой, где на берегу лежат лодки и прямо к воде спускаются деревья, станет со временем совсем другим городом. Как другим стал Енисей вскоре за Абаканом: тень самолета скользила по безбрежной синеве Красноярского моря.

«Карта», открывшаяся мне в полете, дала возможность увидеть меняющееся лицо целого края: на землях, еще недавно знавших кочевников, формируется территориально-производственный комплекс с электроэнергетическим хозяйством, трудоемким и металлоемким машиностроением, энергоемкими производствами цветной и черной металлургии.

И естественно — как это всегда бывает при столь масштабных преобразованиях — во весь рост встают проблемы охраны среды. Встречи с людьми, занятыми вопросами рационального природопользования, охраны среды, и были целью моего путешествия по землям Саянского комплекса.

В пять часов утра «газик» рыбинспекции мчался по пустынным улицам Абакана.

Вчера в маленький домик Хакасской областной инспекции рыбоохраны, что стоит на окраине города, поступил тревожный сигнал: в Красноярском море обнаружена мертвая рыба. Причина гибели неясна, тем более что последние анализы воды, взятые из водохранилища, не вызывали никаких подозрений. Решено было срочно отправиться в залив Сыда, где ихтиоло-

гам предстояло еще провести очередной контрольный вылов и взглянуть, как чувствует себя щучье стадо на речке Сыда. Им занимался Георгий Георгиевич Яровиков, старший ихтиолог.

Путь лежал на север Минусинской котловины к Краснотуранску. У села Городок переправились на пароме через речку Туба. Вода в ней просвечивала до дна, до камешков, и Владимир Николаевич Черкашин, тоже ихтиолог, нагнулся, хлебнул из пригоршни и повернулся ко мне: «Пейте, не бойтесь. На этой реке нет пока ни одного завода. Она очень чистая и полноводная. Третью воды Красноярского моря ее, Тубы, а половина Енисея».

Вскоре показались и заливы Красноярского моря: яркая синева воды врезалась в сопки, уходила в ложбины, как бы раздвигая, отделяя зеленые холмы друг от друга.

— Смотрите, — заметил Владимир Николаевич, — сейчас воды много, но когда падает уровень, дно этих заливов обнажается...

В машине рядом с Черкашиным сидел его пятнадцатилетний сын. Такой же голубоглазый и спокойный, как отец. Виталий внимательно слушал отца, и тот, чувствуя это, начал рассказывать более подробно:

— Трудно при таких сильных колебаниях уровня моря подобрать хорошие породы рыбы. Мы, конечно, пытаемся, вводим леща, пелядь, даже байкальского омуля. Подселяем к нашим коренным видам: плотве, хариусу, окуню, таймену. Надеемся, что работаем не зря: Саяно-Шушенская ГЭС и еще одна небольшая гидростанция, которую построят ниже, дадут возможность резко сократить перепады воды в Красноярском море.

«Газик» свернул с дороги и, приближаясь к заливу, вдруг остановился. Из второй, догнавшей нас машины торопливо выпрыгнул Яровиков. Он долго ходит вокруг небольшого пруда, вглядываясь в тихую прозрачную воду, болотистые берега, поросшие водяной гречихой.

— Ишь ты, — радостно говорит ихтиолог, наблюдая за стремительными тенями щурят, — прижились однако.

Уже несколько лет Яровиков проводит опыт по выращиванию щурят, по зарыблению этого пруда на реке Сыда.

— Восстанавливаем биологическую цепочку, — объясняет он. — Из водохранилища исчезла щука — в основном из-за затопления естественных нерестилищ. И сразу развился окунь, который поедает рыбью икру; рыбы стало меньше... Мы уже выпустили в море несколько сот тысяч щурят; теперь здесь растут новых, чтобы потом снова выпустить их по протоке в море. Без хищников, знаете, в живой природе не обойтись.

Лагерь разбили на самом берегу залива. Яровиков уехал в ближайшее село — проверить, какие удобрения вывозили на поля, не из-за этого ли погибла рыба. А мы — Черкашин, Виталий и я — стоим на берегу в желто-зеленых болотистых за-

рослях и медленно распутываем дель, пахнущую рыбой и водорослями. Поплавок ложится к поплавку, руки Владимира Николаевича привычно находят и быстро распутывают узел из тонких нитей, к которому мы с Виталием не знаем, как подступиться. Он помогает нам с улыбкой, без раздражения.

В минуту короткого передыха оглянешься вокруг: впереди уже темнеющая вода, горбатый остров, синие сопки у дальней кромки моря. А на берегу — от косых лучей солнца золотом светится трава, воздух, вся долина. Где-то в березовых колках кукует кукушка. Тяжело плеснула рыба. Доносится рокот трактора — неподалеку вспахивает подножие сопки. Неслышно подъехал пастух на лошади.

— Отдыхать или работать? — спросил он у Черкашина, показывая на палатку.

— Работать.

— Вот я и хотел спросить, почему, однако, окуни всплывают. Большие и в язвах.

— Скоро узнаем. Для того и приехали.

Виталий надул резиновую лодку, вставил весла и тихо погреб вдоль берега. Потом на весла сел отец. Я вижу, как они остановились и вместе ставят сеть. Наверное, в жизни Виталия было много таких дней, когда он работал вместе с отцом, но даже если бы этот день был единственным, он, думается, остался бы в нем навсегда непреходящим чувством любви к природе.

Вечером, уже к костру, подъехал Яровиков. Георгий Георгиевич, казалось, осунулся за этот день, оброс черной щетиной, зеленые колющие глаза смотрели беспокойно.

— Никаких противопоказаний, — сказал он Владимиру Николаевичу, — и задумчиво уставился на огонь. Потом встрепнулся:

— А может, из озер занесли?

Помолчал, обдумывая свою мысль, потом объяснил мне:

— Понимаете, несколько лет назад мы завезли судака. Завезли с Урала и пустили в наши озера. Акклиматизация шла нормально. Правда, на одном из озер были случаи язвенной болезни. Может быть, через сети эта болезнь попала в водохранилище и стала распространяться? Надо бы проверить и эту версию.

Разговор сам собой переключился на озера. Яровиков рассказывал о судьбе одного из больших водоемов Хакасии — озера Черного. Еще несколько десятилетий назад в его водах водились окунь, щука, линь, золотой карась, хариус. Но вылов с каждым годом увеличивался, пахота подошла к озеру вплотную, на истоке ключа, впадающего в озеро, появилась ферма. Лес от берега отступил, поредел, его стали продувать ветра, исчезли крылатые насекомые — основная пища хариуса. Озеро обмелело, загрязнилось, вода застоялась, и, естественно, рыбы стало гораздо меньше. И вот институт Востоксибгипроводхоз

разработал проект, предусматривающий пополнение озера из реки Белый Июс и строительство спускного пруда для выращивания молоди — от личинки до малька, чтобы потом по каналу рыба шла в озеро на нагул.

— Все это хорошо, — сказал кто-то, слушая Яровикова. — Но все-таки, чтобы оживить озеро, нужно еще и вернуть ключу, выпадающему в озеро, его чистоту, восстановить леса на берегу и не вести промысел в течение двух-трех лет.

Долго горел костер в ту ночь...

Ихтиологи рассказывали, где создаются прудовые хозяйства, какие озера готовят для промышленного рыболовства и где подрастает рыба для Саянского моря. И от этого взгляда в завтра самим ихтиологам, как мне показалось, неожиданно значительными представились их сегодняшние заботы — мальки, щуки, большие окуни, справки из сельхозуправления.

Сквозь пасмурную пелену рассвета вижу две фигуры в болотных сапогах. Черкашин с сыном. Они уже сняли сети и теперь несут их к тлеющему костру.

— Пора за работу, — сказал, подходя к костру, Яровиков.

Он застегнул куртку на «молнию», надвинул поглубже шерстяную шапочку — ждет. Владимир Николаевич раскрывает деревянный сундучок, достает весы, пинцет, блокноты, карандаш. Смастерил из ящика стол, устроился поудобней и уже выхватывает первую рыбину из сонной серебристой груды. Весы, промеры длины, минута ожидания, пока Яровиков вспарывает рыбину и отделяет чешуйку для определения возраста, несколько слов, сказанные друг другу, и — в блокнот с надписью «плотва» ложатся цифры. 50 страниц блокнота — 50 обследованных рыб. Из сравнения записей нетрудно сделать выводы, как рыба растет, питается, развивается. Мелькают окуни с красными плавниками, плоские лещи. И вдруг... Георгий Георгиевич берет в руки темное торпедное тело щуки:

— Наша. Пожалуй, заспиртуем как доказательство: прижилась.

И снова шлепается на весы рыба. Попадаетея и больная. Тогда Яровиков долго держит такого окуня в руках, внимательно рассматривает его:

— А может быть, это не болезнь, а «нерестовые отходы»? Здесь ведь много рыбы собирается на нерест.

Но через минуту уже без тени сомнения говорит:

— Срочно вызываем ихтиопатолога из Красноярска. Это все домыслы. Нужно исследование.

Шофер вынес из машины небольшие ящички и, передавая их молодой женщине в белом халате, пошутил: «Возим ничто или нечто?»

Нелли Михайловна Шкуратова, старший техник лаборатории химии атмосферы, принялась разбирать ящички. Она вы-

таскивала запечатанные и как будто пустые пробирки, рассматривала прикрепленные к ним бирки — номер поста, день, час — и передавала их женщинам в белых халатах.

Заметались стрелки приборов, забурила в стеклянных трубках жидкость. «Пустота», «ничто» явно превращалось в «нечто»: в записях химиков появились проценты содержания окиси углерода, двуокиси серы, пыли.

— Пока мы делаем несложные, самые необходимые анализы. Берем пробы четыре раза в сутки в трех точках Абакана — с трех постов, — Нелли Михайловна занималась своим делом и попутно рассказывала. — Лаборатория наша еще очень молодая, но со временем будем анализировать абаканский воздух по более сложным параметрам.

Я слушала ее неторопливый голос, наблюдала за спокойными движениями сидящих за приборами женщин, зная уже, что от их будничной работы тянется нить к серьезным выводам.

Данные лаборатории уходят в Красноярск, в Ленинград — на долгое хранение. Они нужны для сравнения, для решения вопросов перспективного строительства. Они очень нужны и сегодня в связи с ростом Абаканского промышленного узла. Данные говорят, что воздух Абакана потерял свою степную чистоту в основном из-за пыли и сажи отопительных котельных.

В постановлении Хакасского обкома партии и облисполкома «О мерах по улучшению в 1976—1980 годах охраны воздушного, водного бассейнов и почв Хакасской автономной области» предусматривалось кардинальное решение «воздушной» проблемы — ликвидация мелких котельных в связи с вводом в эксплуатацию ТЭЦ вагоностроительного завода. Это не может дать своих положительных результатов.

Возможно, со временем надобность в лабораториях химии атмосферы почувствует и Минусинск, и Саяногорск. Но существенно то, что алюминиевый завод возводится с мыслью о будущем Саяногорска, Енисея и окружающих степей. Завод строят далеко за городом, на каменистых, неплодородных землях, с учетом, конечно, розы ветров. Мощные очистные сооружения, замкнутый цикл водооборота, стометровая труба, выводящая остатки высоко в атмосферу, — все это предусмотрено проектировщиками. Зеленая зона отделит город от завода, она возникнет и на енисейских островах, куда со временем перекинут мост. Будущий зеленый пояс Саяногорска — часть большого проекта, разработанного институтом Ленгипрогор для развивающихся городов Саянского комплекса. Проект предусматривает формирование наиболее удобной системы расселения и охрану окружающей среды. Основываясь на его данных, можно увидеть, какими эти земли будут завтра: вырастет несколько новых городов, очень многие села и поселки сомкнутся с городами, два миллиона гектаров будет отдано пригородным зонам.

Сосновые боры на берегах Енисея, леса и озера горно-таежной зоны сохраняются как резерваты нетронутой природы.

— Обязательно побывайте у Идимечева, — посоветовала мне Нелли Михайловна. — Мы сначала работали у него в лаборатории. Но, знаете, там не каждый выдержит.

— А что это за лаборатория?

— Абаканская территориальная гидрохимическая лаборатория Енисейского бассейнового (территориального) управления по регулированию использования и охране вод.

...В кабинете начальника гидрохимической лаборатории Идимечева телефон не замолкает ни на минуту. Звонят из облисполкома, с камвольного комбината, с мясокомбината, из Саяногорска и Минусинска. Даже не поговорив с Виктором Федоровичем, можно было представить масштаб работы этой лаборатории: под ее контролем находится весь юг Красноярского края. Беседа наша происходит в основном в коротких перерывах между телефонными разговорами.

— Наша работа, — говорит Виктор Федорович, — несмотря на всю свою прозаичность, носит оттенок детективности: без предупреждения совершаем «налеты» на предприятия, проверяем выполнение водоохраных мероприятий, отчеты лабораторий на местах, берем пробы речных и сточных вод на анализы. Словом, предпринимает все возможное, чтобы вода оставалась чистой.

— Выходит, можно зачерпнуть пригоршню из Енисея, чтобы напиться?

— Смотря где, — Виктор Федорович разложил передо мной карту. — Енисей в районе Западного Саяна — пока чистый. Не случайно именно здесь создали Саяно-Шушенский заповедник, он будет надежным тылом для земель Саянского комплекса. Но со временем, с заполнением моря, невырубленный, затопленный лес начнет гнить, всплывать, как это мы видим во многих водохранилищах. Потребуется масса усилий, чтобы сохранить прежнюю чистоту горного Енисея, несущего свои воды к Саяногорску, Абакану, Красноярскому морю.

— Далее, у Саяногорска, — продолжал Идимечев, — вода чистая. Здесь действуют очистные сооружения, да и течение быстрое. Но за Абаканским узлом, — карандаш Идимечева скользнул по карте вверх, — пить не стоит. Пока не стоит. Говорю «пока», потому что общая тенденция, которую нельзя не заметить сегодня, — это усиленное внимание к чистоте Енисея, его притоков и озер. За последние годы в Хакасии было построено немало очистных сооружений, и число их неуклонно растет.

— Вот сейчас, — улыбнулся Виктор Федорович, — возьму палатку, рюкзак и махну в отпуск на наши чистые воды.

— Знакомьтесь, Нина Ивановна Лиховид, — представил директор вошедшую в кабинет женщину.

Лиховид застенчиво сунула мне крепкую загорелую ладошку, посмотрела вопросительно голубыми глазами.

— Старший научный сотрудник, — продолжал директор, — кандидат сельскохозяйственных наук.

Маленькая, в белой кофточке и белой косынке Нина Ивановна была вся какая-то домашняя, и в первую минуту я даже засомневалась: да о ней ли только что рассказывал мне Петр Алексеевич Щербанев, директор Хакасской сельскохозяйственной опытной станции? Я узнала, что Лиховид работала лесником в Красноярском крае, потом здесь, на станции, уже двадцать лет выращивает деревья, теперь вот занята еще и дендрарием, ездила за растениями на Сахалин, Курилы, собирается на Памир.

Пока Петр Алексеевич говорил о работе станции, Лиховид молча сидела в углу кабинета и теребила концы косынки.

— Вот Нина Ивановна говорит, что сугробы ей только снятся. Она сама родом из-под Иркутска. А у нас солнца много, осадков же — 300—600 миллиметров в год. Мы живем в степи, полтора миллиона гектаров в Хакасии — степи. Но вот чего у нас с избытком — так это ветров и пыльных бурь.

Мы занимаемся проблемами животноводства и пастбищ, орошаемого и богарного земледелия (к слову, поливных земель у нас считанные проценты), проблемами селекции и семеноводства, механизации — очень много граней у степного сельскохозяйственного производства. Но, пожалуй, один из коренных вопросов — это защита почв. От ветров, от эрозии. Вы, конечно, знаете, что разработан целый комплекс мер по борьбе с ветровой эрозией, мы их тоже применяем, и не безуспешно. Одна из мер — защитное лесоразведение, которым и занимается Лиховид...

При этих словах Нина Ивановна облегченно вздохнула, поднялась, и мы все вышли на улицу под палящее солнце.

Машина прыгала на ухабах, хвост желтой пыли тянулся за нами. Позади осталось село — зеленый остров среди степи (село так и называется Зеленое, и островом сделали его работники станции, доказав тем самым, что при желании на этих выжженных просторах можно достичь многого). Впереди — уходящая к горизонту степь. Высокая синева неба, черно-зеленый ковер полей, далекие нити лесных полос.

Они все ближе, уже можно ощутить прохладное дыхание леса, уже видны привядшие от жары листья.

— Немного бы дождя, каждый листочек заиграл бы изумрудом, — вздыхает Нина Ивановна. — Какой уже год засуха.

— Но стоят же, стоят! Лиственница жива, и вяз, и тополь. Это ведь твои посадки?

Нина Ивановна молча кивнула директору.

Это настоящее искусство — вырастить широкую ленту леса на засушливой земле. Исследователи продумали конструкцию

полос (полосы непродуваемые, ажурные и продуваемые), проверили, где, в каких районах какая конструкция эффективнее. Испробовали разные породы и выяснили, что самое надежное дерево в степи — это лиственница сибирская, зимостойкая, засухоустойчивая. И вяз мелколистный, и тополь тоже выживают в степи, а вот береза — дерево более нежное, ее лучше сажать на увлажненной почве. Исследователи установили, как располагать системы полос (именно системы — одна полоса мало что значит), чтобы они «ломали» наиболее опасные западные и юго-западные ветры с пыльными бурями и останавливали ветры других направлений.

Тысячи гектаров лесов, посаженных за последние годы на богарных и орошаемых землях, вдоль дорог и каналов, на безжизненных песках, «выдувах», очагах пыльных бурь, говорят о том, что защитное лесоразведение в степных районах Хакасии становится составной частью земледелия, и в этом немалая доля труда работников опытной станции.

— Останови, Петр Алексеевич, — тревожно сказала Нина Ивановна и почти бегом бросилась к деревьям. Серые ветви, обожженные стволы, черные свернувшиеся листья. Белая козынька мелькает меж деревьев, руки ощупывают каждый ствол.

— Недосмотрели. То ли от жары занялось, то ли кто спичку бросил. — И снова осматривает побеги, тянущиеся от стволов. — А знаешь, Петр Алексеевич, — говорит Нина Ивановна после долгого молчания, — позовем зимой студентов на помощь, спилим мертвые ветки, и пойдут, пойдут побеги...

В разговоре замелькали слова «междурядья», «кулисы», «нагущенность насаждений». Щербанев согласно кивал. К Лиховид, как мне показалось, вернулось доброе настроение, и на обратном пути, когда мы подъезжали к селу, она спросила:

— Хотите посмотреть дендрарий?

По тропке, выходящей меж кустов и деревьев, мы вошли в рощу. Трава, мокрая от росы, прохлада густого зеленого полога, блики солнца на голубой хвое елей, гибкие стволы чозения, трепет кленовых листьев — на миг я потеряла представление, где нахожусь. В абаканских степях? Или в Приморье? Или в таежной Сибири? А может, в подмосковном лесу? Но насладиться этой географической круговертью не дали комары — таких злых, одичавших от безлюдья, я еще не встречала.

Потом Нина Ивановна рассказала, что они думают создать на базе дендрария ботанический сад. Сохранить генетический фонд местной флоры, обновить, обогатить его, чтобы дать начало еще многим зеленым островам в этом краю.

Стоял жаркий июльский день. Лохматые тени облаков лежали на желто-зеленой земле. Их становилось все больше, причудливых серых пятен, покрывавших поля и светло-коричневые ленты дорог.

— Хорошо, — сказал Исаковский. — Пахнет дождем.

— Похоже — ответил Горбач.

Викентий Алексеевич Исаковский, командир Хакасского звена авиационной охраны лесов, и Андрей Михайлович Горбач, начальник Таштыпского авиаотделения, совершали патрульный полет на Ан-2, чтобы уточнить карту пожаров на сегодня. Сезон «горимости» был в разгаре.

Здесь, на юге Красноярского края, этот опасный сезон длится без малого полгода — с апреля — мая по октябрь, и все это время экипажи самолетов и вертолетов, летчики-наблюдатели, парашютисты и десантники находятся в состоянии боевой готовности. Под их защитой — почти девять миллионов гектаров леса, а погода здесь нередко стоит такая, что от жары сворачиваются зеленые листья.

Как-то незаметно пролетели мы над равнинами Хакасии и вошли вместе с облаками в горы. Облака становились все темнее, в редких уже разрывах мелькал коричневый от дождя Енисей. Летчик гонял машину кругами над местом прошлого пожара, и наблюдатели, теперь уже проклиная облачность, закрывшую от них землю, всматривались в лесистый склон горы. Видны темно-рыжие проплешины, черные обугленные стволы, поваленные ветром деревья — ветровал. Но дыма незаметно.

— Трудно было ребятам прыгать на эту тайгу, — нарушает молчание Исаковский. — Однажды здесь же, неподалеку, тушили. Так одного парашютиста отнесло ветром. Прямо в Енисей.

— Спасли?

Викентий Алексеевич поворачивает ко мне свою крупную голову, кивает.

У Исаковского спокойные глаза, несуетливые движения. Наверное, думая, он был так же нетороплив и выдержан, когда однажды их патрульный самолет попал в горах в нисходящий поток. Летчик был молодой, неопытный — самолет потерял высоту, скорость и упал, перевернувшись, в реку. Хорошо еще, рассказывал Исаковский, что успели сорвать дверцу, течение выбросило их на камни. Один из членов экипажа переплыл реку, двое остались ждать помощи посредине реки. Наконец, пришли люди, на лодке переправили их на берег, и они уже ночью тайгой добирались с факелами до охотничьей избушки.

Викентий Алексеевич помнит этот давний теперь уже день так же отчетливо, как и тот, когда попал на высоте в пыльную бурю; помнит, как однажды, сбрасывая выпел леснику на Большом пороге, шли опасно низко над узким ущельем. Командир авиазвена Исаковский налетал не одну тысячу часов и, по собственному признанию, «чувствует себя в самолете лучше, чем на земле». Уже много лет работает он в этих краях и частенько с благодарностью вспоминает своих мать и деда, костромских лесников, научивших его любить и чувствовать лес.

Длинными космами тянутся облака под крылом самолета. Мелькают вырубки — светлые пятна среди темной тайги. Они словно усеяны спичками. Исаковский многозначительно переглядывается с Горбачем. Понятно: лес в основном вывезен, а это остатки. Пища для огня.

Уже видна серебристая лента реки Абакан. Пролетаем над городом Абаза, пересекаем реку и сразу, на лесистом склоне, замечаем густой дым: темные пряди смешиваются со светлыми, крутятся под ветром, расстилаются над лесом.

— Горит кустом. Шесть точек, — говорит Горбач. — Здесь уже работают десантники и лесники. Задавят, — уверенно замечает он.

Но вдруг на спокойные лица наблюдателей легло напряжение: они одновременно заметили густой дым на склоне другой горы. Видно, новая точка. И где? Рядом с желтой поляной, на которой лежит рядками скошенное сено!

— В Таштып, быстро!

Едва приземлились в Таштыпе, как Исаковский и Горбач скрылись в домике авиаотделения. Исаковский сел к рации. В Абакан пошло сообщение о новом очаге. Горбач склонился над картой вместе с молодыми летчиками-наблюдателями.

— Ребята, возле Абазы новый пожар, — сказал он. — Рассчитайте кольцо — Таштып, Малый Таштып, устье реки Малый Абакан. Уходим с десанниками на разведку.

Я вспомнила, как в Абакане, просматривая документы авиавзвена, наткнулась на описание пожаров: «Пожар №... квадрат 167 ... обнаружен 30 апреля в 14 часов 30 минут. Высажено 19 человек. Сильным ветром был раздут и действовал до 6 мая. Затем был локализован на площади 350 га. Ликвидирован очаг 8 мая на той же площади. На его тушении работало 19 человек АПК (авиапожарной команды), 60 человек мобилизованных и 6 человек наземной лесной охраны».

Пройдет несколько дней, и описание «нашего» пожара в районе Абазы тоже ляжет в документы такими же сухими, четкими строчками. И только человеку, знающему, что такое лесные пожары, они скажут, сколько напряженных минут пережили за дни его тушения и Исаковский, и Горбач, и молодые парашютисты, прыгающие на горящий лес, и все те, кто боролся с огнем, чтобы спасти тайгу.

Желтая ракета прочертила дугой синеву неба. От слепящего света солнца, от белизны камня огненная вспышка казалась почти бесцветной. Но люди, работавшие в карьере, увидели сигнал-предупреждение и потянулись цепочкой к безопасному склону.

Вместе с Леонидом Филипповичем Малюгиным, начальником Кибик-Кордонского мраморного карьера, мы сидим в стороне от рабочей площадки и наблюдаем за происходящим. Ма-

люгин положил на траву папку с документами и чертежами, расстегнул штормовку. Молодое загорелое лицо его спокойно. Собственно, ничего особенного в карьере не происходит. Идет обычная работа, но — я знаю — таковой, привычной, будничной, она стала лишь недавно, после многих лет напряженных поисков.

С нашего наблюдательного пункта видно далеко вокруг: как-никак мы находимся на высоте 820 метров. Внизу застыл Енисей, по нему движется белая «Заря», и пенные длинные усы прочерчивают гладь воды. От темной ленты дороги, что бежит под самой «нашей» горой, ответвляется другая, белая от мраморной пыли. Она ныряет в распадок, зигзагами поднимается на гору, к вершине, с которой словно сдернули зелено-серое покрывало, каким покрыты соседние горы, сдернули и обнажили ослепительно белое нутро ее.

Мраморные уступы ниспадают каскадом, и кажется, что и ниже, там, где сейчас зеленеет лес, до самого Енисея, должен быть все тот же мрамор. Мраморная гора.

— Мраморные горы, — поправляет меня Леонид Филиппович, когда я говорю о своем предположении. — Вообще-то саянский мрамор знали еще во времена Екатерины. Но когда уже в наши дни мы провели детальную разведку Кибик-Кордонского месторождения, оказалось, что мрамор есть не только на левом берегу; он подстилает ложе Енисея, переходит на правый берег и тянется — на километры! — в сторону Шушенского. Енисей просто напросто прорезает мраморную грядку. И хотя основные залежи сосредоточены на правом берегу, работы начали на левом: здесь тоже запасы огромны, и дорога есть, и, кроме мрамора, можно добывать гранит. Видите карьер? — Леонид Филиппович снял белую кепочку и ткнул козырьком в сторону соседней горы. Там, близко к вершине, пламенело розово-красное пятно, окруженное зеленью леса.

— Как рана, — сказала я.

— А гранит нужен? Мрамор нужен? — встрепнулся геолог, и спокойные голубые глаза его посмотрели на меня отчужденно. — Надо с умом добывать — и только. Слышали, какой гул стоял над площадкой, когда ходили по карьере?

Действительно, в карьере даже разговаривать было невозможно: пилили камень камнерезные машины и канатные пилы, трещали перфораторы, грохотала дробильная установка.

— Саянский мрамор очень твердый. И чтобы добыть его без потерь, пришлось поломать голову, — продолжал Леонид Филиппович. — Мы освоили комбинированный метод. Сначала делаем горизонтальный пропил, потом бурим шпуры и детонирующим шнуром производим вертикальный откол. Смотрите!

Красная ракета взвилась в синеву. И почти одновременно раздался грохот. Бело-желтое облачко кисеи повисло в небе. Малюгин встал, одернул штормовку, надел кепочку, но тро-

гаться с места мне не разрешил. И только когда поднялась зеленая ракета, он крикнул: «Все, отбой!» — и побежал по склону.

Огромная глыба мрамора, излучавшая мягкое бело-розовое сияние, лежала на слое мраморной пыли. Эту пыль насыпают специально перед взрывом, чтобы, падая, глыба не разбилась. Малюгин ходил вокруг глыбы, внимательно осматривал, щупал ровные, будто срезанные, края.

— Порядок, — сказал, наконец, он. — Ни одной трещины. А из отходов, — Малюгин тронул сапогом мелкие камешки и обернулся ко мне, — из отходов делаем крошку. Наверно, видели, что получается из нее на комбинате?

Да, я видела этот комбинат в Саяногорске, огромный, оборудованный машинами, с длинными светлыми цехами, в которых мраморные глыбы, проходя распиловку, обработку и полировку, превращаются в плиты, поражающие естественной красотой расцветки. Снежно-белые, розовые, розово-серые, пестрые... И цельные облицовочные плиты, и клеенные из крошки расходятся отсюда по всей стране.

Комбинат возник недавно, и не удивительно, что технология производства современная. Крупное шламовое хозяйство очищает сточные воды завода, а на некоторых участках применяется замкнутый цикл водоиспользования. Со временем, когда вырастут отвалы на карьере, их будут постоянно рекультивировать.

Комбинат «Саянмрамор» не загрязняет ни город, ни Енисей, он дает работу людям и освобождает красоту, скрытую природой от людских глаз.

Мы стояли на углу Аллеи каменных изваяний, и Эра Севастьянова нетерпеливо вглядывалась в поток машин, мчавшихся по широкой улице Абакана. Наконец, от потока отделился «газик», обогнул аллею и остановился около нового дома, в нижнем этаже которого размещался Хакасский областной краеведческий музей. Из машины выпрыгнул коренастый парень в куртке защитного цвета.

— Геннадий, Абаканский клуб подводного спорта, — как-то очень по-военному представился он и распахнул перед нами дверцу «газика».

Из слов Севастьяновой я уже знала, что подводники собираются работать в Красноярском море, где под водой скрыто много курганов и наскальных рисунков, и попросили Эру Антонову, археолога и сотрудника музея, уточнить место погружений. Севастьянова охотно согласилась, тем более что по пути к будущему лагерю подводников она могла еще раз посмотреть «свои» писаницы на высоком скальном берегу.

«Газик» долго петлял по пыльным степным дорогам, а потом полез на зеленый холм. Снизу холм выглядел пологим и

невысоким, но теперь, казалось, превратился в крутую гору. Не добравшись и до середины, шофер выключил мотор, подложил камни под задние колеса, и мы по выжженному склону поднялись на перевал.

Солнце висит в небе расплавленным шаром и жарким золотом заливает убегающие к горизонту горы. Желто-зеленые склоны их прочерчены овечьими тропами, повсюду — камни могильников, покрытые пустынным загаром, сложенные из камней зубцы, похожие на останцы. Это остатки древней оборонительной стены.

Хакасию часто называют музеем под открытым небом. И это не преувеличение: по предварительным подсчетам, на ее территории около 30 тысяч археологических памятников. Курганы всех эпох и времен, наскальные рисунки, стелы, крепости, остатки оросительных систем, стоянки эпохи каменного века, древние захоронения, клады, наконец, всемирно известные енисейские каменные изваяния — народы разных времен оставили о себе память в степях Хакасии...

Как сохранить эту память сегодня, когда во многих, прежде безлюдных, местах работает экскаватор и ковш его вместе с песком нередко поднимает из земли старое оружие, древние украшения, монеты?

На раскопки в Хакасии выделяется немало средств. Закон об охране памятников обязывает строителей сообщать о каждом факте находок и включать в смету средства, необходимые для проведения раскопок. Все это так. Но Хакасии нужны, очень нужны, и специальная комиссия по охране археологических памятников, и археологическая «скорая помощь», и, конечно, археолого-этнографический музей.

Мы шли от горы к горе, петляя по склонам. Наконец, открылись синие, зажатые взгорьями, заливы Красноярского моря. Эра стоит на высокой скале, уступами падающей в воду, машет нам рукой. Осторожно спускаемся к первому уступу: камни летят из-под ног, долго слышен затихающий грохот. Вдруг на плоской каменной плите, защищенной сверху, как козырьком, другой плитой, вижу: бежит олень, раскинув ветвистые рога, пляшет человечек в юбке, другой замахнулся плеткой, гонит зверя. Загадочное животное по-кошачьи изогнуло спину, орлы распахнули крылья. Они и сейчас летают над нами, совсем такие же, как много веков назад, когда древний художник сидел здесь, под этим навесом, дышал степным ветром и рисовал то, что видел...

— Эра Антоновна, какой это век? — спрашивает Геннадий.

— Шестое — девятое столетие. Но здесь есть и другой фриз, с быком, — тот выбит до нашей эры.

Снова грохочут камни. По узенькой полочке, прижавшись вплотную к каменной стене, огибаем скалу. Эра протягивает мне руку и, словно извиняясь за свою ловкость, говорит:

— Я часто хожу сюда со школьниками. Делаем эстампажи. Нельзя, чтобы это исчезло бесследно, да и когда я работаю с ребятами, как-то спокойнее становится на душе...

— Почему?

— Смотрите. Вот фриз с быком. Видите скол? Кто-то взял и отколол кусочек рисунка. Просто так. Для себя. Знаете, это целая проблема — спасти памятник для человека от человека. Легче спасти от экскаватора. Вот поэтому и люблю я работать с ребятами: чувствую, что растут защитники этих бесценных камней.

Мы по-прежнему стоим на узенькой полочке. Геннадий помогает Эре эстампировать рисунки, а она, натирая копиркой белый лист папиросной бумаги, приложенной к изображениям, рассказывает о Саяно-Тувинской экспедиции ленинградских археологов.

Они работали в Туве, недалеко от Шагонара, в урочище, которое попало в зону затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Исследовали петроглифы, высеченные на высоте трех — пяти метров над быстрыми водами Енисея. Изображения выполнены в основном точечной техникой на поверхности монолита. Представлены эпохи бронзы, раннего железа, средневековья. Большинство рисунков уникальны, не имеют пока аналогий среди петроглифов Сибири и Центральной Азии. Саянскую писаницу, случалось, заливало во время сильных наводнений; ветра, смена температуры, века, тысячелетия — все это не прошло бесследно. Образовались трещины, из-за которых археологи побоялись тронуть скалу.

— Конечно, этот памятник изучали и будут изучать, — грустно сказала Севастьянова. — Но снятые с рисунка копии никогда не заменят оригинала!

Наш необычный рабочий день близился к концу. Выбрано место для работы подводников. Эра Антоновна сняла эстампажи, которых не доставало. А мне приоткрылась Хакасия, лежащая пока в стороне от больших дорог...

Через некоторое время, уже в Москве, я прочитала в газетах, что выше плотины Саяно-Шушенской ГЭС, на береговых скалах Енисея, обнаружены три «картинных галереи», созданные древними мастерами. Комментировала эту находку знакомая мне Э. А. Севастьянова. Она рассказывала:

— Одна из «галерей» расположена в неглубокой нише белого розового гранита. Стены ее покрыты символическими рисунками людей и животных, потолок разрисован какими-то знаками, смысл которых пока еще не разгадан. Вторая «галерея» состоит из многоцветных рисунков: стадо быков поднимается в гору, лоси спускаются в долину, люди в лодке переплывают реку, охотник держит в руке лук. А при впадении реки Кантегир в Енисей — третья «галерея» из двух полотен. На одном — животные, нарисованные в несколько слоев, возможно, разными

поколениями художников; на другом — фантастический зверь гонится за звездами...

Археологи изучили и скопировали рисунки, а гидростроители помогли вывезти фрагменты писаниц — ведь все эти «галереи» находятся в зоне затопления. Вывозить такие «картины», конечно, очень сложно: рисунки сделаны на каменных глыбах, скалистых обрывах... Особую художественную ценность представляют оригиналы доисторического искусства.

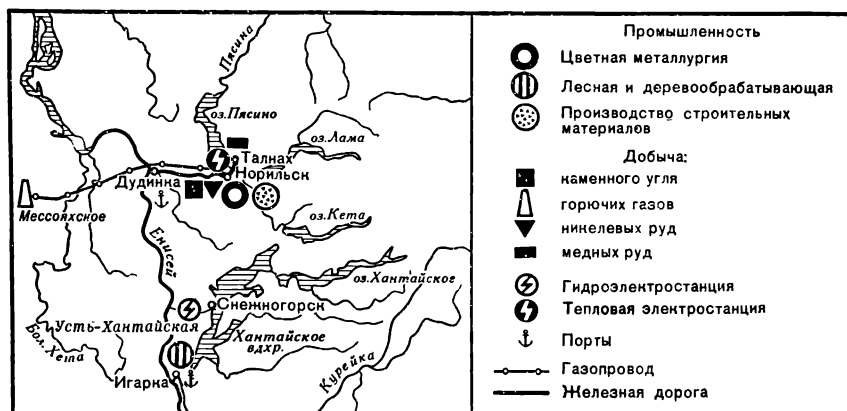
При гидростанции предполагается создать музей.

Картина Большого порога не оставляла меня во время всего путешествия по Енисею и енисейским берегам. Может быть, потому, что огромный край, вступивший на стезю серьезных преобразований, невольно ассоциировался с человеком, преодолевающим порог. Человек этот идет на многих моторах, идет осмысленно, помня, что природа благосклонна лишь к тем, кто считается с ее законами.

1978 год был очень важным для этих земель: началось заполнение Саянского моря, Саяно-Шушенская ГЭС дала первый ток. В XI пятилетке, как сказано в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», предстоит: «Обеспечить дальнейшее развитие Саянского территориально-производственного комплекса. В основном закончить строительство Саяно-Шушенской ГЭС, ввести в действие мощности на Абаканском вагоностроительном и Саянском алюминиевом заводах, продолжить строительство электротехнических предприятий в г. Минусинске».

Когда Большой порог скроется под стометровой толщей Саянского моря, перед человеком встанут новые проблемы, новые «пороги», рожденные измененной им природой. Но Большой порог будет жить как символ грозной силы Енисея и смелости тех, кто проходил его.

Дом за полярным кругом

В полярную ночь каждый день бывает час, когда город становится синим. Сине-черными кажутся горы, возвышающиеся над ним, синим ветром наполняются улицы, синева скрывает тундру, убегающую от города. Снова загораются фонари, окна домов (они и гасли на какой-то час), и Норильск выплывает из синевы, как корабль, у которого зажжены сигнальные огни. А он и есть корабль, разве недвижимый, в этом море холодной тундры, холодных гор, снегов и ветра... Поземка режет глаза; ветер мечется по площади и с посвистом устремляется в широкое русло проспекта, задувая снегом неоновые вывески, бросающие алые, синие, зеленые всполохи на мостовые. Ветер словно хочет выместить проспект до ледяного звона или унести его в синий простор тундры.

В пелене снежных вихрей то скрываются, то вновь оживают строчки огней, которыми прошиты вдоль и поперек склоны гор. Там шахты, рудники, заводы — там горно-металлургический комбинат, благодаря которому и для которого существует этот город.

Уже полузабыт первоначальный смысл его имени: «нори-ло» — шест для проталкивания рыболовных сетей подо льдом; им пользовались в давние времена местные жители на речке, получившей название Норильская, а от ее имени родилось и имя города.

«Северо-западный конец хребта Сыверма (к югу-востоку от современного Норильска) прекращается у озера Пясино, которое вместе с рядом вливающих в него озер окружено дикоромантичными скалистыми хребтами, так называемыми Норильскими камнями, через них пробила себе дорогу река Но-

рильская, сопровождаемая утесом Медвежий Камень... За 70° с. ш. на правом берегу Енисея есть, как я слышал, угольный пласт...» — отмечал в 1860 году академик А. Ф. Миддендорф в своих записках «Путешествие на Север и Восток Сибири».

Вскоре — уже не предположительные, а достоверные — сведения о норильских углях и медной руде привез из путешествия магистр Российской академии Ф. Б. Шмидт. Он описал месторождение, сделал первые анализы руд. Именем Шмидта названа сегодня одна из гор близ города.

Были даже попытки практически использовать «черный камень, который горит» — о нем услышал от местных жителей дудинский купец К. П. Сотников. У подножия горы Рудной он построил заводик и в 1868 году выплавил 200 пудов меди; но заводик вскоре развалился и богатые горы еще многие десятилетия стояли нетронутыми.

Одиночные поиски от случая к случаю, одиночные эксперименты прошлого столетия...

В 1918 году были организованы гидрографические экспедиции в моря Северного Ледовитого океана для их изучения. Был утвержден план исследований Норильского и Печорского бассейнов: уголь был нужен для развития судоходства по северным морям. Одна за другой уходили в поиск экспедиции Н. Н. Урванцева, П. С. Аллилуева, А. Е. Воронцова.

Долго и трудно добирались геологи до места будущего Норильска. Плыли пароходом по Енисею, часто останавливаясь в пути: рубили лес, запасались дровами — пароход был прожорлив. Вручную разгружали трюмы у причалов Дудинки, построенных своими руками. А потом, навьючив на оленей лесины и инструменты, шли многие километры пешком по болотистой пустынной тундре, шли на восток все дальше и дальше от берегов Енисея. Шли навстречу земле, где полтора месяца не показывается солнце, где девять месяцев в году — зима с пургами, метелями, морозами; где земля скована мерзлотой.

В 1921 году Николай Урванцев срубил из бревен лиственницы одноэтажный домик в несколько окон. Первый дом Норильска. Я отыскала его — спустя полвека! — на Горной улице, возле остановки автобуса «Нулевой пикет». Норильчане знают эту укрытую сугробами избушку: от нее сегодня начинаются все экскурсии по городу...

Холодные сени, палаты, покрытые оленьими шкурами, столы и скамейки из пиленных лиственничных плах, русская печь, горячая от норильского уголька, — хорошо было возвращаться из дальнего маршрута в единственный — на много километров вокруг — дом. Подкрутив коптящий фитиль керосиновой лампы, геологи склонялись над картами и образцами: они обещали больше, чем можно было предполагать. Медно-никелево-платиновые руды, известняки, гипс, флюсовые песчаники, фосфориты,

графит. Был и каменный уголь — своя энергетическая база. Металл! Норильская земля могла давать его.

Но как строить за Полярным кругом, за 66-й параллелью, если нет дорог к этим местам, никаких, кроме коротких летних навигаций по Енисею? Даже сейчас, когда самолеты связывают Норильск со многими точками страны, когда железная дорога проложена от города до порта Дудинка, даже сейчас норильчане по привычке говорят: «отправили на материк», «привезли с материка», словно моряки, ушедшие в плавание.

В 1935 году решено было начать освоение норильской земли: страна создавала новую индустрию, она нуждалась в металле. Предстоял серьезный инженерный эксперимент. Все или почти все было впервые: никто и никогда не строил гигантов индустрии в таких широтах, никто не возводил современных, стоящих долгие годы городов в столь суровых краях, как таймырская тундра.

Если взглянуть в синий час полярной ночи на город с Медвежки (так называют норильчане гору, где есть рудник «Медвежий ручей»), то увидишь как бы схему Норильска, нарисованную огнями.

На склоне горы, сразу под рудниками и шахтами, разбросаны огоньки старого Норильска, того, который именовался еще рабочим поселком. Пытаюсь отыскать среди них свет Заводской и Горной улиц — первых улиц города. Вот огоньки выстраиваются в цепочку и бегут — от площади Завенягина (имя Авраамия Павловича Завенягина, одного из первых начальников Норильскстроя, носит и комбинат), бегут все дальше вниз, с горы, пока не вливаются в новый Норильск, в Ленинский проспект. Новый город, лежащий на плоской земле тундры, рассечен четкими, почти параллельными линиями огней — Ленинский проспект, Комсомольская улица, Талнахская... Коротких, поперечных штрихов-улиц не сосчитать. Недвижные в этот час, поднятые в небо огни кранов оконтуривают город, его северную, западную и восточную границы.

Этот город вырос на вечной мерзлоте, или, если говорить точнее, на многолетнемерзлых горных породах. На твердой, как камень, прослоенной ледяными линзами, дышащей неживым холодом земле. Века, тысячелетия не оттаивает она, и холод бережет ее твердь. Но стоит только — самой ли природе, человеку ли — обогреть эту землю, ее поверхностный слой, как она приходит в движение: протавная, оседает, проваливается; замерзая, вспучивается горбом. В действие вступают силы, обуздать которые невозможно: они корежат фундамент дома, принесшего этой земле тепло, бороздят его стены глубокими трещинами. Так погибли в свое время отдельные здания в Чите, и мосты в Забайкалье, и целые два города в Канаде, родившиеся во время войны. Люди покинули эти города, остались

лишь полуразрушенные здания, подточенные и опрокинутые мерзлотой.

Как разбушевавшиеся волны моря вздымают и опускают корабль, так и вечная мерзлота противодействует человеку.

Но как все-таки строить на этом коварном грунте, строить так же свободно и надолго, как где-нибудь в средней полосе? Когда норильские градостроители приступили к решению этой проблемы, инженерное мерзлотоведение мало что могло подсказать.

...Первые промышленные здания возводили на редких скальных участках. Поэтому так разбросаны предприятия по склонам гор; колоссальные средства вложены в дороги.

Первые дома Норильска — в два этажа, не выше — словно забрели сюда случайно: есть в них какая-то незащищенность перед северной непогодой. Строили их почти так, как строят на обычной земле, — и мерзлота многие из них покорежила, разорвала трещинами. Первые многоэтажные дома возводили только на счастливо найденных скальных участках. Но город с единой системой коммуникаций не мог быть разбросанным.

Градостроители задумались: а что, если попробовать вступить в контакт с мерзлотой? Во многих северных городах дома стоят как бы над землей: продуваемое подполье не дает теплу, идущему от здания, «растопить» землю, расшатать природный фундамент. Правда, эти города создавались тогда, когда еще люди не думали, как провести трубы канализации и горячую воду. Норильск же должен был отвечать всем требованиям современного градостроительства.

Вскоре после того, как решено было работать в контакте с мерзлотой, то есть сохранять ее, поднимая дом над землей на бетонных столбах фундамента, пришло и решение проблемы коммуникаций.

На широких улицах Норильска между лентами асфальта, там, где положено быть газону (норильчане говорят, что летом есть и газон — зеленые веселые всходы овса и ячменя), на равном расстоянии друг от друга поднимаются бетонные тумбы — смотровые колодцы. Под землей проходят двухъярусные железобетонные коллекторы с трубопроводами теплоснабжения, водоснабжения, канализации. Ось коллектора специально отнесена подальше от домов: трубы выделяют тепло. Выходит, не случайно широки улицы в городе. Дома же, напротив, приближены к границе квартала и друг к другу: чем короче вводы коммуникаций, чем их меньше, тем лучше. Зачем лишний раз «беспокоить» мерзлоту? Даже проезжую часть улицы чистят от снега особо тщательно, — не только для машин, но и для того, чтобы ветер крепче выстуживал землю, где проходят трубы.

Норильчане практически решили проблему цивилизации города за полярным кругом. Ни в Якутске, ни в Воркуте, ни в

канадских городах в то время так коммуникаций не прокладывали.

Но ставить точку — все, мол, мерзлота освоена — было рано. Как боялись строить на этом коварном грунте первые высокие, по-настоящему городские здания! Многие старожилы помнят, с каким трепетом следили архитекторы и строители за домом, где был открыт универмаг «Талнах». Стоит год — никаких трещин, стоит два, три года. Город начал расти, но рос еще медленно — трудно было закладывать в мерзлой земле столбы фундамента.

И тогда пришла счастливая, остроумная мысль: не только оберегать мерзлоту, но и заставить ее работать! Мысль эту подсказали строителям теперь уже долгий опыт контакта с мерзлотой (в частности, опыт строительства новым способом первых домов в Якутске) и, конечно, новая техника, которой не было и в помине, когда приступали к созданию города.

На практике это выглядит так: бурят скважины, заливают их песчано-глинистым раствором. Свая, вставленная в скважину, обволакивается раствором и намертво смерзается с грунтом. На сваи, возвышающиеся метра на полтора-два над землей, укладывают бетонные пояса, настилают перекрытие — и можно возводить дом. Мерзлота сама «работает» на фундамент, проветриваемое подполье охраняет «покой» этой земли. Союз с вечной мерзлотой стал естественным, полным, выгодным человеку, не нарушающим никаких особенностей природы.

Метод этот, получивший название свайного фундаментирования, был настолько прост и экономически выгоден, что Норильск стал быстро разрастаться. Светлые, многоэтажные дома поднялись на улицах. Они стоят, сомкнув плечи, глядя сотнями горящих окон в черно-синюю, уносящуюся с ветром вдаль тундру.

Было освоено и промышленное строительство на многолетнемерзлых горных породах.

Город, приподнятый над мерзлой землей. Ты идешь по его улицам, как по улицам любого другого города, и не ощущаешь его необычности. Всматриваешься в лица прохожих, заходишь в магазины, кафе, слышишь обрывки разговоров — и начинаешь понимать, что необычность этого города заключена в обычной, наблюдаемой тобой жизни, в том, что эта жизнь есть здесь, за полярным кругом...

Стояла удивительная для норильского ноября погода — минус десять. Она пришла ненадолго, пришла после сорокаградусных морозов, прихватив с собой и привычный городу ветер, и все-таки это была почти весна, подаренная жителям неожиданно-негаданно. Норильчане говорили: «Эта оттепель еще скажется. Должна же природа выдержать нашу среднегодовую — минус десять». Все ждали скорых морозов и, ожидая, пользовались благами короткой передышки.

На улицах города, особенно на Ленинском проспекте, было черным-черно от полушубков, меховых шапок и меховых унтов. В этих одеждах мужчины выглядели сильными, широкоплечими. Казалось, что все жители высыпали на проспект и что все они знакомы друг с другом: так часто слышалось слово «привет» и общие «рабочие» разговоры про руду, кубометры, проценты...

Мягко ступая войлочными сапожками или меховыми ичигами (в кожаных холодно!), шли по улицам женщины. В белых пушистых, как только что выпавший снег, шапках из меха песка, меховых ушанках, с завязанными под подбородком ушами. Привычка. И, видно, по уже установившейся привычке девочка с нотной папкой в руках спросила у девушки, ожидавшей кого-то у входа в кинотеатр: «Тетья, у меня щека не белая? Я так давно иду...»

В руках у многих женщин букеты, укутанные бумагой. В тот день самолетом из Сочи привезли махровые гвоздики и хризантемы. В этом снежном городе любят зелень: густая березка керрия японская с раскидистыми мягкими листьями, живая и веселая; китайская роза, кактусы и бегонии — их встретишь и в гостинице, и в магазинах, и в Доме техники, и в учреждениях; увидишь и в окнах домов. Но вот на улицах, кроме редких лиственниц да заледеневших на ветру прутиков ивы, не видно было ничего. Конечно, архитекторам трудно здесь рассчитывать на зелень как на декоративный элемент: полярное лето коротко, растут деревья плохо, посреди улицы не посадишь; тут же наметет снег, «обогреет» мерзлоту. Но в зонах затишья, где можно не убирать снег, норильчане мечтали вырастить скверы. Мечтали они и о первом настоящем парке с высокими лиственницами, густыми аллеями, ледяными горами, с русскими санями и оленьими нартами. Что ж, приживается человек даже на суровой земле и хочет внести в жизнь веселье и красоту.

Слово «первый» их не остановит, не испугает; здесь все когда-то было «первым» и «самым северным» — и тонны никеля, выплавленные на комбинате, и мост через широкую замерзшую Норилку, и черная нитка газопровода, подвешенная на бетонных опорах над мерзлой белой землей, и санаторий, стоящий меж снежных распадков, скрывающий за своими стенами зелень пальм и берез.

...Мальчишки в расстегнутых пальто, звеня коньками, бежали на стадион «Заполярник» — их подгоняли яркий свет огней на ледяном поле и веселая музыка, слышная еще в переулке; черные фигурки взбирались на высокую ледяную гору, на которой возвышался светлый куб здания с зеленой неоновой надписью «Плавательный бассейн». Ребятишки тянули по снегу пластмассовые мешки с мохнатыми полотенцами, ползли на четвереньках, чтобы не опрокинул их ветер и не заставил снова взбираться с самого низа. Парни в лыжных костюмах штурмо-

вали автобус, и мне вспомнился рисованный плакат около стадиона — фигура слаломиста и надпись: «Не солнцу, так ветру навстречу!»

Ветру навстречу... Да, в нелегкое плавание вышел Норильск: ветры здесь дуют в основном с юга, но сила их достигает иногда 40 метров в секунду. «Черной пургой» называют норильчане такие ураганы. Мороз в 56 градусов да еще ветер. Именно ветер сообщает Норильску самый высокий балл жесткости погоды. Выше, чем в Оймяконе, на полюсе холода.

Как же строить город, чтобы уменьшить жесткость погоды? Балл жесткости определяется по формуле: температура плюс удвоенная скорость ветра. К первому «не подкopaешься». Но можно «сломать» ветер, сбить его с пути, снизить его скорость, можно преградить дорогу снежным заносам. Ведь страшен не тот снег, который легкими снежинками падает на крыши и мостовые, а тот, который белым хвостом летит с ветром; страшна поземка, она может засыпать двухэтажные дома, из-за нее, как вспоминали старожилы, в зиму перед войной встал транспорт, замерла жизнь в городе. Проблема «заветренности», «снегозаносимости» — так называют ее специалисты — по своей серьезности, значимости стоит рядом «с проблемой вечной мерзлоты» и требовала и требует своего решения, как инженерного, так и архитектурно-планировочного.

Пройдя из конца в конец самый длинный в городе Ленинский проспект, я увидела все площади: Октябрьскую, широкую, в свете прожекторов, с нее начинается новый Норильск и с нее, как ни с какого места города, видна панорама синих гор и огней комбината; Гвардейскую, как бы созданную для того, чтобы изменить направление проспекта, лишить его идеальной прямоты; площадь Металлургов, которая замыкала проспект...

Норильск — город редких площадей и в основном коротких улиц, чтобы не слишком гудел ветер на открытых пространствах, чтобы не мчался бы, как по широкому прямому коридору, а терял свою силу, путаясь в переулках или в сломанных под прямыми углами магистралях. Да, кроме вечной мерзлоты — точнее, заботы о ее сохранении, борьба с ветром и снегом добавляет свои штрихи в рисунок улиц и кварталов города.

Если свернуть в одну из улиц, впадающих в главный проспект (сразу чувствуешь, как перестал толкать в спину ветер), а потом, очень скоро, свернуть на другую улицу, потому что та кончилась, и снова свернуть — кончилась и эта, — возникает ощущение, что идешь по снежному лабиринту, стены которого сложены из красного кирпича и светящихся окон. С одной и другой стороны каждой улицы — кварталы, сходные по планировке. Рисунок их читается легко даже в сумраке полярной ночи: белый снег, красный кирпич — четкие краски, четкие линии.

Дома очерчивают прямоугольный контур квартала, лишь кое-где отступая на шаг от улицы, а внутри двора пристраиваются друг к другу под разными углами, словно холодно и неуютно было бы им в одиночестве. Бульдозеры работают между домами, собирая снег в огромную гору, которую с криками штурмуют малыши.

Конечно, не все кварталы Норильска имеют такой рисунок. Нетрудно проследить, двигаясь от бывшего рабочего поселка к новостройкам микрорайонов, как отказывались архитекторы от домов, выстроившихся цепочкой вдоль улицы и не прячущих за своими спинами другие дома; как стали избегать отдельно стоящих зданий уже внутри дворов; как постепенно расширялся контур квартала, и он превращался в микрорайон, как усложнялся рисунок смыкающихся друг с другом зданий.

И тем яснее, следя за этими изменениями, понимаешь, какие же средства борьбы с ветром и снежными заносами отобрали норильские градостроители. Замкнутый контур квартала — этаким бастион против непогоды, узкие разрывы между домами, минимальное число улиц и проездов, открытых ветрам, блокировка зданий, многоэтажность. Многоэтажный дом сам играет роль хорошего «ветролома». Данные Института гигиены имени Эрисмана, полученные в результате тщательного исследования опытного квартала, подтвердили, что в условиях Севера отобранные приемы застройки целесообразны: они снижают скорость ветра во много раз и, конечно, уменьшают заносы. Многоэтажный и компактный город сам защитит себя, уже защищает от северной природы.

В 1966 году одиннадцать норильских инженеров-строителей были удостоены Ленинской премии за разработку метода свайного фундирования, за строительство комбината и города в условиях вечной мерзлоты.

«Полигоном цивилизации на Крайнем Севере» называют сегодня Норильск. А если продолжить сравнение с кораблем, Норильск подобен флагману, ведущему караван судов в море вечной мерзлоты. И роль его тем более велика, что «море» это занимает огромные пространства, что в недрах его скрыты, как установили геологи, запасы угля, железной руды, меди, никеля, нефти, газа.

Крепнет промышленная база Норильска: строятся новые шахты и рудники (на руднике Таймырский, например, шахтные «колодцы» более чем на километр пробили мерзлоту), построен Надеждинский металлургический завод, реконструируются действующие промышленные объекты — и все это в соответствии с задачами интенсивного развития районов Крайнего Севера.

Растет и сам Норильск. В настоящее время в городе вместе с прилегающими к нему поселками проживает около 200 тысяч

металлургов и горняков, научных работников, студентов и учащихся.

Инженеры из Игарки, Воркуты, Якутска, Алдана — частые гости Норильска, хотя точное копирование методов строительства невозможно: в каждом из этих городов свои грунты, своя мерзлота, где «вялая», где сильно оттаивающая — «талики», как говорят строители, и так далее. В Норильске создана комплексная лаборатория (такие же есть и в Якутске, и в Мирном) Красноярского научно-исследовательского института, который занят разработкой проблем строительства в условиях сурового климата и вечной мерзлоты.

И, конечно, очень пристально занимается этими вопросами Институт мерзлотоведения Сибирского отделения Академии наук СССР. Одна за другой отправляются из Якутска экспедиции в далекие северные районы. Ученые стремятся выявить закономерности развития мерзлоты за последние 15 тысяч лет, с тем, чтобы дать прогнозы, как она поведет себя в будущем. Решают они и сугубо практические задачи: ведут эксперименты по созданию в многолетнемерзлых грунтах подземных хранилищ газа; ищут способы «лечения» тундры — восстановления почвы, пострадавшей при добыче и транспортировке газа; изучают ледяные пещеры, естественные холодильники, созданные самой природой; совершенствуют методы строительства «домов на ножках»...

Сегодня — благодаря достижениям ученых и практиков — тысячи свай вмораживаются в мерзлоту. Тысячи. Каждый год. Это значит — сотни новых домов начинают жизнь под холодным небом Севера. И Норильск не только теоретически доказал возможность их существования. Норильчане, еще несколько десятков лет назад смотревшие как на чудо на первый созданный ими кирпич, дают сегодня новостройкам и кирпичные блоки, и сантехкабины, и стеновые панели.

Растет пятиэтажный кирпичный Талнах. Дорога, что стелется через распадки, поросшие чахлыми лиственницами, связывает Талнах с Норильском. Талнахское месторождение руд — сырьевая база Норильского комбината — настолько перспективное, что будущее этого молодого города не вызывает сомнений.

Идет работа и над проектом Дудинки: порт, морские и речные ворота норильской земли, должен иметь современный облик. Растет Снежногорск, поселок гидростроителей Хантайской ГЭС...

Норильчане любят улетать на «материк» и возвращаться. Возвращаться за полярный круг, который (пусть простят географы это утверждение) переместился сегодня севернее Норильска.

Ангара меняет берега

Еще несколько десятилетий назад Среднее Приангарье было краем глухим и малолюдным.

Правда, Ангара давно привлекала внимание энергетиков и экономистов: единственная река, вытекающая из многоводного Байкала, она сочетает в себе полноводность крупных равнинных рек и стремительность горных потоков.

Уже в плане ГОЭЛРО говорилось о большом будущем Ангары и Приангарья. С 1930 года Гидроэнергопроект и ряд научных учреждений во главе с академиком И. Г. Александровым развернули широкие исследования этого района. Тогда же была поставлена задача индустриального комплексного его освоения. В 1935 году в Гидроэнергопроекте под руководством В. Малышева и Н. Колосовского создана схема ангарского каскада.

К решительному осуществлению преобразований на Ангаре страна смогла приступить только после войны. В 1956 году дала ток первая гидроэлектростанция ангарского каскада — Иркутская, в 1961 — вторая, Братская. Первые витки ангарской спирали вызвали к жизни новые: растет Братск, поднялись корпуса лесопромышленного и домостроительного комбинатов, заводов железобетонных конструкций, дает продукцию Братский алюминиевый завод... Опорная площадка для освоения Среднего Приангарья была создана.

Первый десант, с которого началась история Усть-Илимска, двигался, естественно, из Братска.

Усть-Илимск на десять лет моложе Братска. И пока он рос, пока строилась плотина, энергия Братской ГЭС питала его. Теперь же ток Усть-Илимской ГЭС (осенью 1977 года она достигла проектной мощности) мчится в обратном направлении, к Братску, на мощное распределительное устройство, чтобы от туда влиться в единую энергетическую систему Сибири.

Сегодня Братск и Усть-Илимск работают на Богучаны — четвертую ГЭС ангарского каскада, строительство которой началось ниже по течению Ангары, у Кодинской заимки. Множество техники перевезли на заимку со строительства Усть-Илимской плотины. Из Братска приехали опытные гидростроители, из Братска тянут на Кодинскую заимку дорогу, из Братска идут блоки для домов и другие грузы. На Богучанском причале, в Усть-Илимске, день и ночь ходят над судами краны: грузы идут богучанцам.

В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» поставлена задача: «Развернуть строительство Богучанской ГЭС...» Со временем на берегу Богучанского моря вырастет город. Жители Кодинска будут работать на ГЭС и на предприятиях, которые здесь построят с учетом специфики и взаимосвязей хозяйства этого таежного края. Район Среднего Приангарья уже несет в себе реальные черты территориально-производственного комплекса, крупного центра энергетики, лесохимии, горнодобывающей промышленности.

Параллельно с формированием комплекса и много лет спустя будут решаться проблемы рациональной инфраструктуры края, экономичного использования его природных богатств и охраны его среды. Чистый воздух, чистые реки, сохранение животного и растительного мира таежной земли, изучение жизни ангарских морей — немало вопросов, возникающих в связи с развитием края, уже сейчас тревожат ученых, экономистов, социологов, архитекторов. А новые города? Никогда в прошлом Сибирь не знала такого темпа роста — и промышленного, и градостроительного. Братск и Усть-Илимск, Шарыпово в Западной Сибири, в самом центре Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, Тында на БАМе — не перечислить всех новых городов и поселков... Нет слов, трудно строить в Сибири с ее предельно экстремальными и разнохарактерными природными условиями. Тайга, горы, вечная мерзлота, сейсмическая активность — в каждом отдельном случае проектировщикам приходится учитывать особенности осваиваемого региона. Специалисты считают, что настало время начать разработку программы научного градостроительства в Сибири.

Найдут ли градостроители пути к созданию индивидуального лица каждого города, сумеют ли вплести в их ткань элементы природы и страницы истории края? И Братск и Усть-Илимск, и даже только начинающийся Кодинск думают об

этом сегодня, сейчас. Каждому из этих городов видится музей под открытым небом, который прочной нитью привязал бы их к прошлому этой земли, отенил бы их современность.

Поэтому из года в год отправляются по Ангаре экспедиции Братского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Мне посчастливилось принять участие в двух из них. Первая состоялась летом 1971 года, когда до заполнения Усть-Илимского моря оставалось несколько лет.

Мы вышли в широкое, открытое русло Ангары. Позади осталась плотина Братской ГЭС. Но память цепко держала разлет берегов, связанных километровой плотиной, филигрань проводов и опор. Реальные, ощутимые связи шли от ГЭС к берегам, где стоял новый город и дымили трубы заводов. И где тайга была уже не тайгой, а просто лесом вдоль жаркого асфальтового шоссе, ныряющего вверх-вниз по распадкам, и воды Ангары были уже не просто водами, а потенциальными киловаттами. Все это носило емкое и многозначительное имя — Братск. Плотина воспринималась как новая точка отсчета времени.

...Черная стремительная вода несла катер мимо красно-коричневых скальных берегов, каменных осыпей с голубыми пятнами лишайников, мимо плоских прорезанных протоками островов, где мелькали в траве огненные жарки, — навстречу синим таежным сопкам. Сопки, приближаясь, раздваивались, меняли очертания, превращались в цепь увалов, и все сгущалось, темнела их синева. Река резала эту синеву уже низкими лесистыми берегами.

За островерхими елями мелькнули крыши деревни. Катер приткнулся в устье неширокой речки, спускавшейся к Ангаре коричневыми перекатами и топкими берегами.

Их было много потом на нашем пути от Братска до Усть-Илимска, русских сибирских деревень, с названиями такими же старинными, как и они сами. Дубынино хранило память о первых Дубыниных, основавших деревню в конце XVII века. Подъеланка (елань — поляна, расчищенная под пашни, огороды, выпасы) напоминала о русских переселенцах, что топором отвоевывали у тайги жизненное пространство. Да и сам Братск сохранил в своем имени говор русских служилых людей начала XVII века: «братья», «бращкие люди», «бращкая земляца», так, твердо, произносили первые русские, пришедшие в эти места, непривычные для них слова «буряты», «бурятская земля». Так вошли эти названия и в старинные официальные документы. «А хотят тоби, великому государю, бращкие люди поколонитися и ясак платить и (со) служилыми людьми торговати», — доносил русскому царю атаман Максим Перфильев, один из

тех, под чьим предводительством енисейские казаки проникали в Приангарье, ставили сторожевые посты — остроги на крутых берегах рек, как поставили и Братский, в 1631 году, на Ангаре.

От старого Братска с его приказной избой, церковью, пороховыми и водочными погребами осталась сегодня лишь сторожевая башня. Она стояла среди сосен на мысе Пурсей, на окраине поселка Падун. Башня немногим выше избы: около 20 венцов — до облама, до выступающей верхней части, и венцов пять в обламе. Потемневшие бревна рубленых стен, узкие волоковые оконца (их задвигали доской изнутри, «заволакивали»), крыша с простым узором — словно свешиваются наконечники копий. Суровые линии башни воскрешают далекую жизнь землепроходцев с ее опасными переходами, кровавыми стычками, восстаниями, от которых трещали порой изнутри стены острога — как это было в 1696 году, когда Дмитрий Кириллов и Григорий Бессонов подняли жителей острога против приказчика Кафтырева.

Сторожевую башню спасли во время заполнения Братского моря, спасли и реставрировали, чтобы не канул бесследно XVII век, а в трех шагах от башни плещутся, набегают на низкий берег холодные волны нового моря. На горизонте — синий от леса и тумана хребет, слева — длинная ленточка плотины. Естественно вливается она в берега, легко и спокойно держит воды целого моря...

Два рубежа, две точки истории братской земли. Между ними — триста пятьдесят лет, наполненные борьбой, трудом и жизнью многих поколений. Протопоп Аввакум, первый политический ссыльный в эти края; Радищев и декабристы; исследователи Мессершмидт, Гмелин, Миллер, Чекановский, Обручев; ссыльные революционные демократы и большевики; герои гражданской войны — Зверев, Бурлов, Дворянов, Якушев — за каждым именем стоит своя история, тесно сплетающаяся с судьбой Приангарья. Один лишь штрих — на поселение в Братск попал декабрист Петр Муханов. Здесь он изучал местные говоры, чтобы составить академический словарь, десять лет вел наблюдения над водным режимом Ангары (кстати, его записи были учтены в наши дни при проектировании Братской ГЭС), выдвинул смелый проект постройки обводного канала в обход ангарских порогов...

Не на пустом месте возник сегодняшний Братск. Хотя тем, кто приехал в 1954 году к Падунскому порогу, приходилось, как и землепроходцам, рубить лес и ставить в тайге опорные пункты — палаточные городки. И были в этой эпопее свои судьбы и были события, которые останутся в памяти, такие, как перекрытие Ангары зимой. Впрочем, это тоже уже не близкое прошлое. Удивительно ли, что братчане задумали восстановить историю, создать музей под открытым небом и тем самым попы-

таться заполнить разрыв во времени между точками-рубежами: башней острога и плотиной ГЭС?

Наша экспедиция плыла за одной страницей будущего музея — памятниками русского деревянного зодчества и народного быта, которые находились в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС.

В шесть утра звонит рында. Над рекой ключьями висит туман. Небо серое. Капитан торопится: предстоит пройти Дубынский порог. Берега становятся круче. Кажется, что от гула мотора верховые камни отвесных скал колышутся — и вот-вот сорвутся с неба в прозрачную воду. Над скалами, в вышине, пронзительно свистя, носятся стаи стрижей. По воде идут широкие круги, водовороты сливаются, вода бурлит, закручивает воронки, и серая пена ключьями летит по волнам. Катер идет, петляя между бакенами, пересекая порой реку от берега к берегу. Уже не серая пена, а белые гребни, белые вихри скачут по воде и вдали — белая кипень...

На обратном пути, когда мы поднимались вверх по течению, через этот порог нас тащил туер. Огромная махина, в чреве которой лязгали мощные механизмы, шла, держась за проложенный по дну Ангары стальной трос, а катер цепко держался за туер. Каково же было тем, кто жил когда-то здесь, не зная мотора и стальных тросов? Они выдалбливали лодки из цельного ствола лиственницы — длинные остроносые долбленки, или шили их тоже из дерева — шитики, и не боялись ходить на этих вертких лодках по быстрой холодной Ангаре. Они рассчитывали только на себя — свое умение и свою силу. Нередко приходилось тащить лодки и суда волоком по тропам, которые и сейчас, по старой памяти, зовут бичевниками.

Долбленки и шитики лежат теперь на берегу, возле деревень, брошенные, почерневшие от времени. Их заменили моторки, и теперь они нужны разве лишь музею, чтобы рассказать о постоянном единоборстве между человеком и рекой, которое во многом определяло быт приангарской деревни.

...Деревня Подъяланка вытянулась цепочкой домов вдоль Ангары. Тропки сбегают к берегу, тропки уходят через поля к лесу, к сопкам, связывая воедино дом человека с миром воды и тайги. С реки деревня открывается тремя цветами: зеленые берега, коричнево-серые избы и синяя стена леса за ними.

Без леса здесь, верно, не было бы жизни. Дом, тепло, пищу, одежду — все давала тайга. Великое понимание и знание леса, традиционные приемы рубки дворов переселенцы принесли из западного Зауралья и северных великорусских областей. Поэтому-то и кажется, что ты идешь по северной русской деревне...

Кряжистые избы во много венцов под высокими двускатными крышами. Глухие ворота, словно сшитые из дерева полотнища. Амбары, подогнанные друг к другу, так что один продол-

жает другой. Тонкие деревянные слеги-струны огораживают загоны для скота и огороды. Низкие бревенчатые бани на крутом берегу, плахи-скамейки возле домов, смолистые поленицы, сложенные у ворот...

Последний дом на длинной деревенской улице. Дом Федора Шаманского, охотника и приемщика пушнины. Эту усадьбу шеф нашей экспедиции, ответственный секретарь Братского отделения общества охраны памятников, заметил еще в предыдущих поездках. И сейчас быстро, привычно набрасывает план-схему усадьбы, веревочной линейкой производит замеры, записывает в блокнот: «Длина амбаров — 31 метр, ворот — 7, дома — 12...» (Несколько таких изб — вот и квартал!)

Эта работа еще не окончательная, прикидочная: при перевозке дома потребуется точность до сантиметра, иначе его не соберешь потом, не вратишь в землю, как он врос сейчас.

Усадьбе лет сто. Дом обшит сосновой дранкой. Так, на городской манер, отделявали дома в конце прошлого века зажиточные крестьяне. Именно своим точным социальным адресом и интересна эта усадьба. На ней появляется первая за нашу экспедицию табличка: «Памятник народного зодчества. Охраняется государством. Братский музей».

Потом такие таблички появились в Подъеланке на доме конца XVIII века, и в соседнем селе Владимировка на избе начала XVIII века, и на типичной усадьбе середняка в Пашино, и в Нижней Шаманке на доме XVII века с подклетью и заплотом. Очень старую избу нетрудно выделить глазом, стоит лишь присмотреться внимательно: «кондовые» сосновые бревна (каждое — до полуметра толщиной) потеряли свой теплый золотисто-коричневый цвет, потемнели, осели у фундамента; свес крыши поддерживают резные выпуски-кронштейны; массивное бревно — «охлупень» словно прижимает крышу сверху; конец охлупня часто обработан в виде головы коня — «конек»; на бревнах — зарубки, счет венцам велся снизу; изба сработана топором, и концы бревен шершавые, неровные; «курицы» — корни целого ствола ели — выведены из-под крыши наружу, на них лежит выдолбленное бревно — «поток». Ставни простые, без орнамента, гвозди и крюки — кованые. Да и внутри избы — очень низкие потолки и маленькие окошки (их затягивали бараньей брюшиной или слюдой — «окончины слюдяные с железом»); печь глинобитная, а не кирпичная, поκειται на листовенничий плахе, «корзине»; пол и потолок — из мощных плах, колотых надвое вдоль бревен. Порой дом стоит на подклети, словно в два этажа, и подклеть защищает жилой верх от холода. Деревянный заплот, как вторая стена, только наклонная, прикрывает снаружи избу от ветра.

Сибирская изба. Хранит ли она еще смолистый запах дерева или уже утратила его, впитав стойкий дух домашнего очага («я еще маленькая была, а она уже черная стояла» — так час-

тенко датировали старожилы возраст построек), — она без слов поведаст, как жили здесь люди. Она расскажет, что земли в этих местах испокон веков было много — и потому строились свободно, широко. Что края эти в прошлом были беспокойные, «каторжные», и отгороженность от внешнего мира — высокие глухие заборы, два наулочных окошка, а пять во двор, — не была лишь следствием сурового и замкнутого характера живших здесь людей; что крытый двор с переходами, по которым можно попасть во все амбары, так же как прочные стены, высокие крыши и небольшие окна, были естественной защитой от сибирских морозов и снегов.

Но не только о рациональности зодчих говорит сибирская изба, она передает их понимание красоты. Они клали бревна просторно и видно. Не прикрыты тесом даже конструктивные элементы — торцы слег, углы зданий. Строители ощущали, что тело дерева, когда оно свободно, не зажато, прекрасно, что серый цвет сосны и золотистый лиственницы, таинственное переплетение волокон передают прелесть тайги с ее густыми запахами трав, светом бьющего сквозь кроны солнца, с ее мрачными буреломами.

Сибирские избы просты, лаконичны и строги, как прост и строг был весь быт их обитателей. И если бы не резные фризy на домах и воротах, если бы не витиеватые наличники, они казались бы суровыми, какими и кажутся самые старые избы. В них ощущаешь одно желание того, кто строил, — иметь крышу над головой, выжить, выжить во что бы то ни стало здесь, в глухой тайге. Но вот научился человек хозяйничать в этих, когда-то новых для него краях, богаче и надежнее стала его жизнь — и захотелось ему украсить свой дом, сохранив его прежнюю простоту и строгость. И он стал резать топором фигурные выпуски-кронштейны, украшать резьбой охлупни и наличники. Позже наличники стали выпиливать. Фантазия художников словно выплеснулась вся, без остатка, в сложное деревянное кружево. Почти у каждой избы свой орнамент, и трудно сказать, какое переплетение мягких линий-стеблей с розетками, треугольниками, дырочками, сердечками, квадратиками, крестиками более привлекательное. От этой пышности, ажурности наличников еще более заиграл скупой бревенчатый фон стены.

Народные зодчие творили по принципу «как мера и красота скажут». Нельзя не передать эту заповедь тем, кто строит сегодня на берегах той же Ангары.

Когда в 50-х годах от Иркутской ГЭС потянулись в тайгу, на север, линии электропередач, это означало: быть Братску.

Интересно взглянуть сегодня с вершины поросшего пихтой хребта на Братск — он начинался с «зеленого городка» у Падунского порога. Море, глубокие заливы, светлая полоса пля-

жа — и неподалеку от берега, среди неоглядной тайги, на расчищенной от леса плоскости, прямые нити асфальтированных улиц, белые черточки домов, квадраты площадей, трубы заводов. Город большой и уже вросший в эту землю. Это ощущаешь по потоку машин на улицах и на шоссе, что связывает в единый организм южную, теперь основную, часть города с поселками Падун, Энергетик, Осиновка. По широким витринам магазинов, по часто меняющимся рекламам кинотеатра, по сказочному деревянному кукольному театру и многоэтажному — из стекла и бетона — зданию гостиницы «Тайга». пляж, гул моторных лодок, запах краски и дерева на краю залива, где готовят к плаванию самодельные катера и яхты. Связки серебристой сороги, вывешенные на балконах, тропинки, пробитые пешеходами в обход дорог, через газоны, яркое цветение пегуны на клумбах. По старой памяти один из районов Братска называют «Палатки», так и говорят — «пошли к Палаткам», а там многоэтажные дома.

Став городом, Братск почувствовал необходимость ощутить себя логическим продолжением всей своей истории, новым ее звеном. Нетрудно понять, сколь серьезна необходимость создания музея под открытым небом, сколь велик смысл в музейном овеществлении прошлого. (Кстати, Иван Иванович Наймушин, бывший начальник «Братскгэсстроя», собственноручно составлял список экспонатов, какие, по его мнению, следовало бы взять в этот музей.) Как многое сможет понять человек, если своими глазами увидит Братский острог, сибирскую деревню — и рядом живой, реальный новый Братск с главной его достопримечательностью — плотиной гидроэлектростанции.

Тело плотины лежит между скалистыми обрывами берегов. Оно словно вписано в них, надежно и лаконично: бетонная светлая стена глубоко врезана в темные диабазовые кручи. Чуть ниже верхней кромки плотины, на склоне ее, проложено шоссе: бегут по плотине машины, бегут между зелеными газонами, мимо вырезанных на камне фресок: охотники, олелеводы, люди, зажигающие солнце. А внутри плотины, в одном из многочисленных залов, перед пультом управления — огромными светящимися табло, сидят ДИС (дежурный инженер станции) и его помощник. Апельсиновым цветом пылают на столе жарки. Тихо, тепло и уютно. В огромном окне синее Ангара. Както не верится, что отсюда, из этой комнаты, из ее сосредоточенной тишины уходят в дальний путь миллионы киловатт энергии.

Братскую ГЭС строила вся наша многонациональная страна, и молодежь держала на этой Всесоюзной ударной комсомольской стройке экзамен на прочность. Десятки тысяч людей приезжают в Братск, чтобы взглянуть на город — символ меняющейся Сибири; многие тысячи людей самых разных национальностей считают его своим домом. Они хотят и должны видеть, знать, понимать, как и почему «брацкая земляца» пре-

вращается сегодня в Братский территориально-производственный комплекс.

Складывается любопытная закономерность: масштабная стройка рушит прошлое, но именно благодаря масштабности преобразования возникает необходимость его сохранения.

Бакены плясали в кружеве водоворотов. Мелкое злое кипение воды подгоняло катер. Мы проходили Закурдаевскую шиверу. Вдруг береговые сопки расступились — гигантский корабль, рассекая скальным носом уже широкую воду, двигался нам навстречу. То был остров Кораблик. Уткнувшись в его каменную корму, мы простояли ночь: радист долго запрашивал туер Ершовского порога, который нам предстояло миновать, — свободен ли фарватер. С туера ответили — завтра утром, сейчас через порог, вверх по течению, шли суда из Усть-Илимска.

Это была самая короткая ночь в году. Сумерки, не успев опуститься, часа в два-три ночи начали таять. Дым костра уходил столбом в серое беззвездное небо. Плыли над рекой темные облака, полыхала красная зарница, и река, широкая, с черными берегами и черными пятнами островов, казалось, спала. Шумела вода на пороге, но — странно — ее ровный гул сливался с тишиной, не нарушая ее. Изредка всплескивала рыба, да коростель едва слышно скрипел в березняке.

В такую ночь легко вспоминается.

Какая славная баня была в селе Аникино! С березовыми вениками, пропаренными в кипятке, с густым горячим паром на скользком полке (плеснешь ковш на раскаленные камни — и пар перехватит дыхание), с холодными сенями и ледяной водой Ангары, на берегу которой — только сбег по тропке — стоит бревенчатый сруб баньки с волоковым оконцем.

А водяная мельница, что спряталась в густом ельнике, неподалеку от деревни Закурдаево? По желобу, выбитому в целом бревне, течет прозрачная сильная струя-ручей, крутит деревянное колесо, и его движение передается другому колесу, скрытому внутри сруба. Гигантские осклизлые от воды бревна, обросшие мхом колеса, мощные жернова — эта таежная мельница под стать тем, кто здесь работал.

Хорошо представляешь быт сибирской деревни по таким вот черным банькам да мельницам, по сработанным руками предметам быта — будь то туес из бересты, или острога кованая, с которой ходили на тайменя и осетра, прялка, резанная из дерева, или паняга, деревянная пластинка с ремешками, — ее надевали на спину охотники, привязывая к ней мешок с едой, белку или соболя, добытых в тайге.

Как любопытно было постучаться в тяжелые ворота приглянувшейся избы и ждать, когда их откроют и впустят тебя в прошлое столетие...

Просторный двор, поделенный обычно домом на две части. С правой стороны — двухэтажная стайка, сложенная из слег:

внизу стоял скот, сверху хранили сено; задняя стенка двора с навесом, а под навесом — и ступа деревянная, в пояс человека, и морды, плетенные из лозы, — рыбу ловить, и корыто из дерева долбленное. Хорошо летом под навесом хозяйничать — прохладно и места много. А с левой стороны двора — амбары.

Старожилы из Подъяланки легко расставались с содержимым амбаров. В музей, на постоянное хранение, отдавали они кованные огромные — в руке не удержишь — ключи от «анбаров», седла деревянные, грабли кованные, битки из бересты, чтоб голубицу с кустов как совком снимать, мездрилки — нож на длинной ручке — шкуры скоблить. Да всего и не перечислишь, что погрузили мы на катер, который сразу стал походить на запасники музея. Серьезно, без насмешки, относились люди к тому, что мы собираем ненужную уже утварь. Верно, льстило самолюбию: все это наши отцы и деды делали, своими руками, сильные и умелые люди были. Но главным было понимание — не вернется на эти берега жизнь, когда в тайгу на зверя ходили и тем лишь кормились, да губой (наростом с лиственницы) вместо мыла домотканые рубахи стирали. Пусть хоть люди узнают, как жили на этих землях раньше. А для ребятешек — вся эта утварь, хоть и лежит еще в амбарах, уже точно экспонаты музейные. С готовностью несут они к нашему катеру — кто икону полустертую, кто самолет с крючками, кто турсучок, еще брусничкой пахнущий.

Хранительницы этого быта — крепкие, проворные белозубые старухи с темными мозолистыми руками.

Миновав Бадерминское сужение, мы остановились у Толстого мыса. Рядом с нашим катером, над палубой которого, как древко знамени, торчала ржавая острога, швартовались баржи с металлоконструкциями: они тоже шли из Братска. Конструкция эстакады просвечивала насквозь, и можно было представить реально, какая металлическая сила нужна, чтобы противостоять Ангаре. На левом берегу — долгий, разбросанный, в пыли дорог и грохоте стройки, лежал новый город. Гул стоял над шоссе: один за другим шли цементовозы. Стройка переживала горячие дни. И в скором времени они обещали стать еще жарче: на левый берег, на строительную площадку, вот-вот должна была прийти железная дорога Хребтовая — Усть-Илимск, а вместе с ней новый цемент, новое оборудование, новая техника.

Усть-Илимск был последней точкой экспедиции 1971 года.

Прошло пять лет. От Богучанского причала вниз по Ангаре вновь уходила экспедиция, и Усть-Илимск, город, где мы когда-то окончили плавание, теперь провожал нас в дорогу.

Как многое незнакомо нам в этом Усть-Илимске.

С берегового холма весь город, и плотина, и Ангара открылись разом. Выше плотины раскинулось Усть-Илимское море; врезаясь в сопки, словно раздвигая их, оно уходит далеко к горизонту, туда, где когда-то пролегал наш путь, где были деревни, и кипящий Ершовский порог, и остров Кораблик.

Монотонный, жужжащий звук висит в воздухе; черные нити проводов прочерчивают небо. Опоры взбираются на холмы и уходят от плотины по левому и правому берегу Ангары. Раньше этого звука не было. Да и плотина выглядит иначе. Сейчас тело ее было темным и плотным; только клубилась пенным зеленым облаком падавшая вода. По эстакаде, по верху плотины, двигаются краны. Но людей не видно: они работали внутри, монтируя очередные турбины. Оставалось немного времени до юбилейного ноября 1977 года, когда Усть-Илимская ГЭС должна была быть пущена на полную мощность.

Поток машин переливается с левого берега на правый — машины идут по эстакаде и новому мосту, что серебряной стрелой соединил ниже плотины оба берега. Раньше на правом берегу была лишь прорублена сквозь тайгу просека. Она вела на стройплощадку — сейчас там, за стеной осеннего березового леса, встали новые кварталы Усть-Илимска. Новая просека уходит в тайгу — здесь пройдет дорога к целлюлозному комбинату, на строительстве которого работают и болгары, и венгры, и немцы. Вертикаль трубы будущего гиганта лесохимии уже возникла на горизонте.

А на левом берегу, там, где когда-то деревянными домами и дощатыми тротуарами начинался город, поднимаются по склону сопки многоэтажные здания. Они стоят просторно и вольно, широкие лестницы и асфальтовые марши ведут от одного яруса домов к другому, и с каждой улицы видна синевая реки.

Странно слышать, когда про левобережный Усть-Илимск люди говорят — «старый город». Говорят, наверное, потому, что в будущем действительно основной город встанет на правом берегу, а, может быть, еще и потому, что левобережный Усть-Илимск уже обрел свой постоянный налаженный ритм жизни. Стоит пройти по его улицам в предвечерний час, когда шумные стайки школьников рассыпаются по дворам, когда спешат домой рабочие и молодежь толпится у ярко освещенных кинотеатров — и ты почувствуешь это.

Еще один новый город вырос на Ангаре. И теперь уже для него, для его будущего музея уходит в путь экспедиция Братского отделения общества охраны памятников. Она уходит к Козинской заимке: будет изучать прибрежные деревни в зоне затопления теперь уже Богучанской ГЭС, чтобы спасти наиболее интересные памятники народного быта и зодчества.

Руководил этой экспедицией, как и в прошлый раз, Октябрь Михайлович Леонов. Научным консультантом был Александр

Викторович Ополовников, сотрудник Центрального научно-исследовательского института теории и истории архитектуры, специалист по деревянному зодчеству, реставратор, под руководством которого восстанавливались Кижский собор в Кемии, церковь в Кондопоге...

Кроме них, на борту экспедиционного катера были молодые архитекторы, археологи, художники.

Усть-Илимск провожает ярким солнцем и радугой. Она стоит над городом, высвечивая плоскости домов, упираясь одним концом в водяное облако перед плотиной, другим — в далекие леса. Темная волна несет катер по Ангаре, между ее прежних — пока еще прежних! — берегов...

Сопки преграждают и замыкают наш путь, и порой кажется, что катер идет по узкому вытянутому озеру. Но вскоре сопки расступаются, расступаются неожиданно, открывая синие протоки и желтые острова, и вновь смыкаются, уже за нами. Когда катер попадает в полосу ветра, с ближних склонов нас обдает терпким запахом осени.

Так мы шли все утро, оставляя за кормой лиловую гряду сопки и речные повороты, пока, наконец, не услышали где-то за излучиной лай собаки. Тушама — первая наша деревня.

Мы приткнулись к берегу там, где в Ангару впадает тихая речка. Избы стояли над рекой в два порядка, лицом друг к другу. Поднялись к избам и медленно пошли по деревенской улице. Леонов и Ополовников идут впереди, и до нас долетают обрывки фраз.

— Не то, не то, — досадует Ополовников, показывая глазами на шиферные крыши, кудреватые наличники, перестроенные избы. И вдруг, уже на краю деревни, останавливается перед двухэтажным амбаром с обрушившейся галереей — выносом. Молча обходит его, и другим, потеплевшим голосом, замечает:

— Срублен в традициях...

Леонов и я рулеткой измеряем ширину и длину амбара. Кто-то тащит жердь, подводит ее под крышу, высчитывает высоту. Ополовников, сфотографировав амбар со всех сторон, встал за спиной молодого архитектора и молча следит за тем, как он чертит план. Потом тихо подсказывает:

— Примите за ноль нижний венец. Посчитайте, сколько венцов в стене, сколько во фронтоне... Помните, модуль этих построек — бревно.

Пока архитектор «препарирует» постройку, художник набросал рисунок амбара: на береговом откосе стоит сложенная из сосновых, серых от времени бревен — мангазея. Стоит в отдалении, как и положено стоять общественному хранилищу хлеба. Крыша крыта драньем, двери забраны деревянной решеткой, чувствуется, как тянет из амбара давним стойким запахом зерна...

Спустившись снова к берегу, мы натолкнулись на старую лодку. Это был шитик — узкий, длинный, с высоко поднятыми носом и кормой. Приглядевшись к лаконичным линиям шитика, к его изящным обводам, Ополовников замечает:

— Красота-то кроется в целесообразности... Взять хотя бы зимовья. Казалось бы, сколько уж перевидал их за время охотничьих странствий — и все мало. В этой утилитарной архитектуре, архитектуре без ненужных украшений, яснее всего проявляются принципы народного зодчества, душа его...

Леонов внимательно слушает Ополовникова, потом говорит:

— Зимовья и лабазы, поставленные по ручью, могут стать «изюминкой» музея. И лодки тоже. Все руками сделано... Но не одни шитики. И долбленки, и илимки, и беляны, десятиметровые карбасы. Их бурлаки тащили...

— Да, Ангара кормилицей была, — вдруг услышали мы за спиной.

Рассматривая шитик, мы не заметили, как к берегу причалила моторка. Двое мужчин с ружьями, подойдя к нам, степенно поздоровались. Огромная лайка, увидев незнакомцев, взволнованно замерла рядом со своим хозяином. Ополовников ласково потрепал по загривку собаку, морщины на его крупном лице разгладились, глаза повеселели, словно он встретил давнего друга.

— Есть ли поблизости зимовья? — спросил Леонов.

— Есть, однако, — кивнул тот, что постарше. — На речке Тушаме есть, и по Едарме тоже есть. Но идти там надо с толком, в устьях мелко, а уж потом-то плеса пойдут. Есть и подале, на Ангаре. Вам сподручней будет...

Октябрь развернул карту, и охотник, присмотревшись, ткнул черным ногтем где-то ниже по течению.

— Ну бывайте... — мужички вскинули ружья и зашагали к избам, где уже появились редкие огоньки.

Река отливает рассветным серебром, сопки еще темные, только чуть проступает желтизна листвы. Накапывает дождь. Тишина такая, что ее слышишь. Леонов ушел на моторке разыскивать «ручей», о котором говорили охотники.

Ополовников нетерпеливо расхаживает по палубе катера, подняв воротник плаща.

— Сю-да! — слышится голос Леопова.

Мы с Ополовниковым сбегает по трапу. Ноги тонут в мягкой влажной отаве. Пахнет сеном, прелым листом. За пологим береговым холмом открывается ручей. Темная вода его, усыпанная желтыми листьями, несется в Ангару. Идем вдоль ручья, с каждым шагом углубляясь в чашу. Свет разгорающегося утра золотит лиственницы и березы. Ручей остается глубоко внизу, продираемся через ельник, обходим стороной бурелом, проваливаясь по колено в сырой мох. Наконец, выходим на просторную

полян и видим крохотную зимовьюшку и лабаз на двух столбах. Леонов, довольный, сидит, покуривая, на поваленном дереве.

— Так-так, — Ополовников обходит строения, заглядывает, низко согнувшись, внутрь сруба.

— Не шедевр, но... Садись, работай, — говорит он подошедшему архитектору. — А мы снимаем.

Ополовников терпеливо ловит свет, чтобы передать фактуру бревен, убирает вокруг избушки все лишнее, долго ищет ракурс. Ему хочется показать, что место зимовья выбрано не случайное — сухое, светлое...

Приблизительно через километр охотничья тропа вывела нас к новой избушке. Но она принесла лишь разочарование.

Сбитая из досок, кое-как, словно скворечник, сделанный равнодушной рукой. Ополовников отворачивается с горечью. Это, конечно, постройка недавних лет. Может быть, теперь охотникам нет нужды строить основательно? Дом стал ближе, моторка, вертолеты как бы сократили лесные пути, да и охотник, строя зимовье, уже не держит место в секрете, понимая, что это не только «его» угодья...

— Все это так, — сказал Ополовников, выслушав наши рассуждения. — Но главная причина кроется, на мой взгляд, в другом: человек уже давно простился с той жизнью, когда он должен был уметь все делать сам. И все-таки глубоко в тайге, я уверен, можно отыскать «подлинники»...

Уже ночью приткнулись к какому-то острову. Шелестит высокая, залитая лунным светом трава. Где-то в стороне сонно темнеют соседние острова — Усольцевский, Селенгинский. Спят деревни посреди Ангары...

На острове Усольцевском, в деревне Усольцево, под крышей своего двухсотлетнего дома, коротает ночь Дарья Ивановна Привалихина. Ей, наверное, не спится. Расстрепанная дневным разговором с нами, быть может, вспоминает она, как пришла в этот дом девчонкой-хозяйкой, и удивляется про себя, что, вот все, чем жила, вдруг оказалось интересным кому-то — и эти стены из сосновых бревен, и прялка, и гребни для чесания шерсти и льна, и валеки для стирки, и сеть с поплавками из бересты... И уже не такой острой кажется боль расставания с домом, но другая боль — о детях, не доживших, не дошедших до этих «чудных» дней, наполняет душу. И, комкая платочек, Дарья Ивановна тихо приговаривает свое постоянное, облегчающее: «Господь с вами, спасибо...»

Утром туман скрыл небо, берега, реку — казалось, мы утонули в его плотных, молочно-влажных волнах. Может, все, о чем думалось мне в эту лунную ночь, — просто приснилось? Но вот высветилось пятнышко солнца, мелькнул силуэт лодки и

гемная женская фигура в платке, уносящаяся в туман, к островам...

Чтобы подобраться к деревне Аксеново, пришлось на моторке пересечь протоку и долго идти под морозящим дождем по желтому пружинисто-влажному косогору. Избы на виду, рядом. Как всегда, пришло чувство тревожного ожидания: что принесет нам эта деревня? Радость или разочарование?

На улице много народа. Торопятся школьники, бежит бабка с буханками белого хлеба под мышкой (на ходу, углядев в нас приезжих, крикнула: «У нас самый лучший хлеб, идите в пекарню, вот она, рядом!»); идут парни в кепочках, в ковбойках (оказалось, здесь рядом работают бригады по добыче смолы-живицы), едут на лошадях охотники с ружьями, с сумками-поныгами за плечами. На нашем пути — и до Аксенова и после — встречались не раз такие крупные, плотно населенные деревни и поселки: Фролово, Паново, Недокура, Проспихино. Они не принесли нам обычно больших открытий (много новых домов, старые зачастую перестроены), но ощущение жизни после замерших полуобитаемых деревень возвращало в привычный ритм жизни, снова напоминало о цели нашей экспедиции.

На одной из улиц Аксенова Ополовников заприметил амбар в двадцать венцов с галереей на разных столбиках. Это ветхое строение сразу напомнило сказочные рисунки Билибина и надолго приковало наше внимание. Пошла обычная работа: обмеры, план, зарисовки...

Толпа женщин и ребятишек окружила нас. Но вот из толпы вышла маленькая старушка с цепкими светлыми глазами:

— Мой, однако, тоже хорош.

И мы пошли за старушкой взглянуть на ее двор и амбар.

Шумная орава ребятишек двинулась за нами. Когда мы оставались, чтобы сфотографировать охлупень или крышу со свесом, — ребята с удивлением примолкали. Они, похоже, никогда не задумывались, как много интересного в их деревне. Вот хотя бы этот простой наличник с «ногтевой» резьбой: выбитые долотом углубления заполняла тень; серебристая, сотканная из света и тени лента вилась вокруг окна... Мы шли мимо крепких изб и узорно сложенных в высоту ворот поленниц, по узким бревенчатым коридорам — между двумя рядами амбаров, и нам казалось, что ожила древняя деревянная Русь. И вдруг, словно утверждая нас в этом ощущении, на нас глянуло... настоящее древнерусское окно! Оно находилось высоко над землей, на втором этаже амбара. Гладкие, полуовальные затесы, сделанные топором, расходились влево и вправо от окна словно лучи. Окно было закрыто на поржавевшие, но крепкие еще задвижки.

— Видели «косячатое» окно? — напомнил Ополовников. — Так это еще старше.

«Косящатое» окно мы заприметили в деревне Фролово. Оно было обрамлено мощными гладкими косяками. Верхняя его ко-
лода, покрытая крупной резьбой, слегка нависала над стеклом
и защищала его от дождя.

— Приросли чо, не сдвинетесь? Во двор-то будете захо-
дить? — подала голос наша провожатая.

— Так это ваш амбар?

— Ну.

— Так что ж вы нам сразу про окно не сказали?

— Да и то невидаль. Не у меня одной окошки таки.

Внутри амбара было чисто, пахло сухими травами. Лестни-
ца из цельной плахи с вырубленными ступенями вела на второй
этаж. В углу была сложена охотничья снасть.

— У вас сын охотник?

— Да у нас все охотники, — говорит хозяйка.

Потом достает старое ружье, мешочек для дроби, натру-
ски — пороховницы, протягивает Леонову:

— Ну, бери, однако.

Кежма оглушает нас, привыкших к речной тишине. Баржи,
автобусы, грузовые машины. Районный центр. Знакомые избы,
двухэтажные дома, грозди красной рябины. Непролазная осен-
няя грязь, взбитая колесами грузовиков. Посреди поселка, слов-
но сторожевая башня, высится пожарная каланча. Где-то ря-
дом с ней райисполком.

Там, в райисполкоме, и состоялся у нас разговор о будущем
музее Кодинска. Леонов говорил:

— Идея сохранения самого ценного в культуре народов
Приангарья не замкнулась на Иркутске, где уже давно созда-
ется музей под открытым небом. Она шагнула от Иркутска к
Братску, от Братска к Усть-Илимску, от Усть-Илимска к буду-
щему Кодинску. И кто знает, может быть, со временем, опять же
в связи с предполагаемым строительством ГЭС на среднем
Енисее, она найдет свое завершение в Енисейске, городе, вклю-
ченном в список исторических городов...

Эта мысль мне показалась интересной, потому что при ее
воплощении весь район Приангарья, приобрета со временем но-
вый индустриальный облик, не потерял бы связь с Приангарь-
ем прежним — краем охотников, рыбаков, земледельцев, краем
очень своеобразным, хотя бы в силу своего прошлого. С середи-
ны 18 века, когда Московский тракт дошел до Иркутска и труд-
ный путь по Ангаре через пороги и шиверы был заброшен. При-
ангарье оказалось как бы изолированным от мира. Население,
русское и местное, стабилизировалось, притока извне не было.
Эта изоляция во многом способствовала сохранению в культуре
и быте многих архаических черт 17—18 веков и возникновению
своеобразного ангарского типа «поселья» со своими этнографи-
ческими особенностями. Оно дошло и до нас, это прошлое При-

ангарья, но время стремительно отодвигает его в небытие. Время ранит, разрушает, превращает в прах то, что когда-то было творением рук мастера. И если мы хотим сохранить лучшее из этого прошлого — медлить нельзя.

За Кежмой река стала мощнее, берега поднялись, ощерились скалами. Вода темная, глухая, с водоворотами. Лилово-желтые сопки, лиловые тучи, желтые острова...

Молодое веснушчатое лицо нашего капитана непроницаемо, и в этой отчужденности ощущается напряжение. Он плавает не первую навигацию, но этот участок Ангары с Аплинским порогом ему проходить еще не доводилось. Игренькина шивера, Курейская, Ковинская, Аплинский порог, шивера Медвежья, Косой бык — трудный предстоит путь.

Приближаемся к Курейской шивере. Четко видна ее граница: гладкая синяя вода словно обрезана — начинается темная полоса с бурунами. Капитан по-прежнему молчит, лишь изредка оглядывается назад — запоминает береговые приметы, что-то прикидывает. Справа возникает резкий обрыв скалы. Впереди — черная вода с пенистыми крутыми гребнями и водоворотами — уловами. Лодку бьет о борт катера: скорость воды на Аплинском пороге 4,2 метра в секунду. Капитан вытер рукой пот со лба, надвинул кепку по самые брови — и снова веснушчатые пальцы легли на штурвал, а глаза шугают быструю. Моторист — рядом с капитаном. Он тоже молчит, всматриваясь в дальние бакены, так, словно от них что-то зависит... Позже, когда прошли Аплинский порог и пришвартовались к наливной барже, капитан, счастливо улыбаясь, сказал: «Еще раз-другой пройду, страх как рукой снимет».

К вечеру еще одна шивера осталась позади. Солнце ушло за сопку, пригасив золото осенней тайги, и мы причалили к высокому левому берегу, где стоял створный знак и несколько домиков. Это была Усть-Кова. Здесь река Кова, огибая береговой холм, впадала в Ангару.

Поднялись на холм, постучали в дверь первого домика. В окне затеплился огонек. Мы попали в избу бакенщика. Пляшущий свет керосиновой лампы и неумолчный шум реки за окном располагали к разговору, да и бакенщик оказался не молчалиником. Он был рад встрече с новыми людьми и рассказал, что пост находится на 537 километре от Енисея и что работают они здесь втроем, посменно. «Попробуй, не догляди за рекой, не предупреди о положении на сегодня, — говорил он, — такое будет... Судов много, и вверх — в Усть-Илимск, и вниз — к Кодинской заимке. Плоты с Кежмы, Недокуров, из Таежного... С мая до середины октября так и сторожим Ангару. Как шуга ляжет — считай все. Сразу зажоры пойдут, потом и всю реку схватит. Хотя и неприветлива Ангара, а здесь я душой отдыхаю. Как-то приехал к дочери в Красноярск, проснулся, как всегда, в пять

утра, вышел на улицу — кругом дома, дома... Господи, думаю, пусто-то как, что здесь делать буду? Скоро и уехал».

Утром, едва рассвело, я услышала шум моторки и сквозь серую пелену дождя разглядела согнутую фигуру бакенщика в брезентовом плаще и в шапке-ушанке.

Все ближе Кодинская заимка, конечный пункт нашей экспедиции. Промелькнули остров Сосновый с заброшенными дворами, напоминающими крепости, и деревня Рожково, над которой с гортанным криком, словно прощаясь, проплыл клин журавлей, и деревня Пашенная, на туманных лугах которой тихо и росно (здесь от полусотни дворов осталось «в живых» десяток), и светлые шиферные крыши разросшегося поселка Проспихино, откуда уходят плоты по Ангаре, и серые кресты сельского кладбища покинутой деревни Усть-Кода...

У причалов Кодинской заимки трудно найти место, чтобы пришвартоваться. Огромные баржи притерты одна к другой. Кран подхватывает бетонные блоки. На берегу — штабеля досок, секции домов, горы мешков. Рабочие, занятые погрузкой, развели в стороне костерок: ветер с реки пронизывает до костей...

Черная разъезженная дорога ведет от причалов в поселок. Молоденький шофер самосвала распахивает дверцу: «Садись!» Проезжаем мимо огромных брезентовых палаток, длинного деревянного стола с навесом, волейбольной площадки. «Летом здесь жили, — говорит шофер, — теперь все в домах». Желто-зеленые домики стоят под сопкой, над ними — белизна березовых стволов, желтые островки лиственницы. Справа — серая от дождя река. «Где же створ?» — спрашиваю у шофера. «Видишь, на нашем берегу гора, а на другом — осыпь, это и есть будущий створ... Но сейчас главная работа здесь, в поселке».

Соскакиваю в глубокую дорожную грязь. Люди идут в высоких резиновых сапогах — через трубы, через канавы, по узким досточкам. Слышится рев машин, перестук молотков: суббота, а стройка живет, собирают вторые этажи домов, кладут крыши. У подъезда общежития стоит «газик», увитый лентами и шарами. Свадьба! Здесь, среди развороченной тайги, в не существующем еще городе... Дохнуло молодостью, весельем.

В общежитии разговорились с молодыми инженерами.

— Торопимся, — рассказывали они. — Скоро Ангара встанет, а надо успеть завести грузы, установить котельную, газотурбинную станцию...

Потом разложили на столе чертеж — проект будущего города:

— Сейчас мы сидим на дне будущего моря, — сказал один из инженеров. — Мы и наш поселок. Здесь разольется водохранилище, а город вырастет за сопкой, на берегу залива, мы уже

ведем туда дорогу. Современный многоэтажный город. В зоне отдыха, на берегу ангарской воды, думается, найдется место и музею — старым избам, амбарам, зимовьюшкам..

Раздался телефонный звонок. Инженеры засобирались:
— Извините, свадьбу задерживаем. Пошли с нами?

После дня стоянки у Кодиной заимки, возвращаясь, мы заметили, что склоны сопок потемнели, желтое пламя лиственниц по берегам потухло, кое-где легли пятна снега...

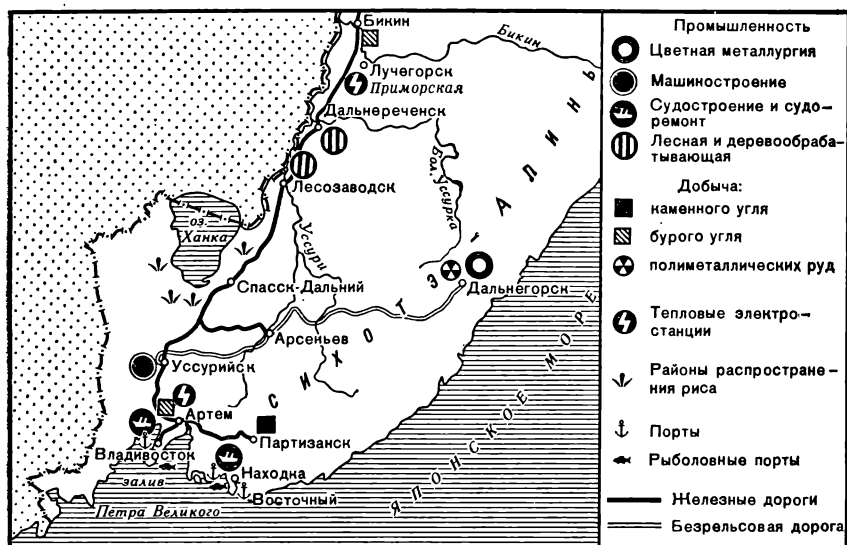
Капитан торопится, идем без остановок. Только ближе к вечеру пристали к берегу, там, где над скальным обрывом белел треугольник створного знака. По словам охотников из Кежмы, неподалеку от этого знака должно было быть настоящее зимовье. Ополовников уговорил нас поискать зимовьюшку. Поднялись на скалу. Идем через облетевший серо-палевый осинник — лес словно наполнен туманом. Мягкая узкая тропа ведет все глубже в лес. Появились сосны — желтые высокие свечки. Красные ягоды брусники мелькают среди опавшей хвои. Тихо. Вдруг — чуть слышный шум воды... Спустившись со склона, увидели быстрый ручей и на берегу его зимовье. Избушка была сложена из бревен, крыша устлана драньем. Лабаз, тоже из бревен, поднятый на могучих пнях лиственницы, стоял рядом. Топором, без гвоздей сработано было зимовье.

— Я же говорил, я же говорил, — волновался Ополовников. — Чуть подальше от жилья и найдем!

Солнце заходило, его последние лучи, блеснув над кронами, будто срезали стволы деревьев и ложились полосами на желтую листву, поблескивали в заберегах ручья...

Проплыла, прозвучала деревянная мелодия приангарских деревень. Она нужна всем, кто живет сегодня и будет жить завтра.

Дальше—океан...

Приморье, далекое и близкое. До путешествия по этому краю я улавливала в названии его лишь прямой смысл — земля, лежащая у моря, при море. Но потом за этим названием я увидела тайгу, не похожую благодаря теплым морским ветрам ни на какую другую, — там север встречается с югом и растут лианы и ели, виноград и кедр. Я увидела приханкайскую болотистую равнину, где вызревает рис и от летних муссонов разливаются реки; увидела горы Сихотэ-Алиня, круто обрывающиеся к морю, и извилистые, изрезанные бухтами берега...

В Приморье человек больше чем где-либо обращен лицом к природе, привязан к ней крепкими нитями экономики. Достаточно взглянуть на важнейшие стройки, чтобы осознать это.

В бухте Врангеля работает и продолжает строиться глубоководный Восточный порт. Его причалы оборудованы по последнему слову техники, отсюда уходят крупнотоннажные суда — щеповозы, лесовозы, контейнеровозы.

В приханкайских болотах, в междуречье Уссури и Сунгача, создается зона рисоводства. Эти земли со временем должны стать житницей края: ведь в Приморье лишь 17 процентов территории — равнины и низменности, остальное — горы и нагорья.

На северо-западе края, среди лесов и болот, поднимается город энергетиков Лучегорск. Бурые угли поверхностного за-

легания, близкие воды Бикина — вот почему здесь возводится Приморская ГРЭС. Она уже дает энергию, но стройка не прекращается, энергетический богатырь Приморья набирает силу.

Во Владивостоке работает Дальневосточный научный центр. Мыслимо ли сегодня, в век научно-технического прогресса, освоение природных ресурсов без далекого взгляда в будущее, без многочисленных и сильных исследовательских кадров?

Заботы и профессии людей этого края естественно и тесно соотносятся с природой. Сама земля Приморья толкает человека в путь. Это показалось мне характерной чертой жизни края, по которому я путешествовала несколько лет назад.

Ночью в открытое окно гостиницы доносились гудки судов. У причала, вырванный из темноты светом прожектора, стоял теплоход. Плыла, покачиваясь над кораблем, бетонная плита и беззвучно исчезала в трюме. Голос стивидора, специалиста по погрузо-разгрузочным работам, усиленный динамиком, настойчиво повторял: «Освободите проезд!» Одна за другой подходили к причалу машины. В морском порту в бухте Золотой Рог шла погрузка.

Я вышла на улицу: в этот час дома, в Москве, еще был вечер; к такому перепаду времени привыкаешь не сразу. Предрасветный сумрак рассеивался, были видны уже силуэты кораблей, надстройки и мачты, и мне вспомнилась строчка: «К этой улице швартуются, пройдя полсвета, корабли...»

Ленинская улица Владивостока, что тянется вдоль бухты, быстро наполнялась народом. Спешили, прыгая через ступеньки в сквере, моряки. Их белые бескозырки долго мелькали в толпе, пока не скрылись у пирса. На мосту над железнодорожными путями женщины расставляли в ведра свежие, в каплях росы пионы. Люди толкались у газетных киосков, заходили в молочные кафе, торопливо спускались к причалам переправы.

Казалось, весь город стекается с сопок к бухте Золотой Рог.

Во Владивостоке я прожила не один день. Бродила по его улицам днем и поздним вечером, видела его и с моря и с сопки. И каждый раз он был другим. С высоты, с сопки, бухта Золотой Рог, разрезавшая город, казалась сценой; город же, взбегавший многоэтажными домами по крутым склонам, — гигантским амфитеатром. С каждой террасы, с каждого уступа было видно море — то просторное, то сжатое сопками, изрезанное заливами. Суда входили в горловину бухты, медленно шли по длинному и узкому рогу ее, швартовались к обоим берегам. Море быстро и неожиданно меняло цвет. Вот только что светило солнце и море было синим, как небо, и было жарко, как вдруг налетел крупный и быстрый дождь, запахло прибитой пылью, листьями, жасмином. Влажная пелена тумана окутала город. Протяжно перекликались суда, и лишь по их гудкам можно было догадаться, что там, внизу, бухта.

Я быстро привыкла в этом городе к обветренным сухошавым лицам, защитному цвету штормовок, к грудам рюкзаков, сваленных в учреждениях рядом с полированными столами, к мельканию морских фуражек. Тысячи владивостокцев уходят в плавание. А если прибавить тех, кто уезжает в далекие экспедиции, — наверное, каждый второй во Владивостоке — путешественник по долгу службы и призванию души.

Однажды моряки привезли в город чучело тюленя. Его поставили в фойе кинотеатра «Океан», и как-то получилось, что стали люди бросать под стеклянный колпак к лапам морского зверя монеты. Я зашла взглянуть на серо-золотистого обитателя морей, с телом, обтекаемым, как торпеда, и попала в момент, когда колпак был снят и две девушки выбирали монеты, закатившиеся в трещины «льдины». Над «льдиной», опершись на задние лапы, застыл в прыжке зверь. На полу стояла кепка, полная монет. Блестело серебро, тускло отсвечивала медь. Девушки сказали, что бросают в эту «копилку» чаще всего те, кто уходит в плавание. В каждой монетке, наверное, жило желание вернуться к своим берегам. Пройтись не торопясь по привычным улицам — Посыетской, имени Лазо, адмирала Фокина. Спуститься по Океанскому проспекту на широкую площадь, где у самой бухты лицом к морю стоят бронзовые фигуры героев гражданской войны. И, конечно, побродить по Ленинской. Трех-четырёхэтажные каменные дома с высокими, вычурно украшенными окнами, выступающими-комодами, гулками подъездами говорят о начале века. Наверно, не один магазин торгового дома «Чурин и К°», продававший все — от папирос до сельскохозяйственных машин, находился на бывшей Светланской (ныне Ленинской) улице. Она так и осталась самой торговой и самой оживленной улицей города. Тут же, на Ленинской, неподалеку от памятника Невельскому, опершись на перила, стоят и часами смотрят на бухту люди. В какой-то момент кажется, будто корабли закрыли ее всю. В сумерках сложный узор корабельных огней очерчивает берега. Поднимаясь по уступам, уходят в небо светящиеся пластины зданий...

Даже люди, привязанные к Владивостоку прочно, оседло, и те жуют морем. Однажды я видела, как по набережной, взбегавшей над Амурским заливом, шел старик. С каждым поворотом улицы он останавливался, чтобы передохнуть и взглянуть на синюю гладь воды. Старик вышел на 1-ю Морскую улицу и долго стоял возле добротной деревянной избы (живая история города!), глядя, как дым от печи тает над морем. Позже я заметила, что для владивостокцев привычно идти по той стороне улицы, откуда лучше просматривается бухта. Названия судов люди произносят как имена хороших знакомых, и на берегу, в городе знают, какое судно ушло и какое должно прийти.

Море всегда было душой этого города и причиной его постоянной переменчивости.

Мы вышли в море рано утром. У причала пахло дымом и копченой рыбой. Рыбзавод стоял на берегу, и только дощатый забор отделял цехи от сейнеров и баркасов.

— Пора, — сказал капитан. Он просмотрел бумаги, документы, распахнул их по карманам куртки и прошел в рубку. Не слышно было прощальных приветствий, никто не бросал долгих взглядов «на остающуюся за кормой землю»: люди уходили на работу, как уходят каждое утро на завод или в поле. Наш малый рыболовный сейнер шел по Амурскому заливу. Он часто отклонялся от курса, лавируя между моторками и парусными яхтами. В этот ранний час залив жил, словно площадь большого города, и казался продолжением улиц Владивостока. Наконец, город остался позади и теперь кругом был синий простор, зеленые сопки и солнце, обещавшее удачный день.

Рыбаки разложили на теплом ветерке куртки, сапоги и стали перебирать трал. Кок чистил на палубе рыбину; чешуя веером летела из-под ножа. Женья, матрос первого класса, плечистый парень в длинном свитере, наколот дров и отнес их в камбуз. Топор он накрепко вогнал в чурбан. В «доме» теперь был порядок, и оставалось только ждать, когда придет работа.

Туман напал неожиданно. Все утонуло в белесой мгле — и море, и камни, и берега. Тревожный гудок маяка нарушил тишину. Капитан сбавил ход, сейнер шел словно на ощупь, а маяк Басаргин все гудел, гудел, и туман не кончался...

Я не случайно вышла в море на самом малом суденышке рыболовного флота. Во Владивостоке, в просторных коридорах «Дальрыбы», перед копильными, топившимися стружками и деревом печами рыбзавода, в рыбном порту на мысе Чуркина, где стояли рефрижераторы и плавбазы, наконец, в ТИНРО — Тихоокеанском институте рыбного хозяйства и океанографии — я встречала многих, кто «работал на рыбу» и все-таки не был рыбаком. Я как бы прошла по цепи одной из основных отраслей промышленности Приморья и в какой-то момент усомнилась, что профессия рыбака, как ее понимали испокон веков, еще существует.

...В лаборатории промысловых гидроакустических исследований физики работали тогда над созданием звукового барьера для скумбрии. Скумбрия плохо ловится: быстро находит «слабое» место в неводе и уходит. Исследователи решили поставить звуковую перегородку в кошельковом неводе — имитатор голосов дельфинов, главных врагов скумбрии. Записали дельфинов у берегов Америки, испробовали имитатор их звуков в Тихом океане. Но работа еще не была окончена: предстояли новые опыты. В этой лаборатории я прослушивала голоса моря, пробивающиеся сквозь шум волн: писк дельфинов, щелчки и свист касатки, щелчки кашалотов. Фонотека лаборатории в каждом плавании пополняется: исследователи хотят знать не только

голос, скажем, сельди вообще, а ее голос, когда она встречается с добычей, когда угрожает, кормится, боится. Наверное, туговато придется рыбам, когда физики разложат по полочкам их голоса.

...Плавбаза «Северодонецк» стояла на рейде в рыбном порту. Через день она должна была выйти в рейс. Людей на судне почти не было, только инженеры по холодильным установкам кончали проверку своего хозяйства. Они-то и провели меня по судну. Головокружение трапов, машинное отделение высотой в 4—6 этажей, обросшие искристой шубой холодильные установки, гулкие просторные цеха, где во время плавания сельдь, добытая промысловыми судами, превращается в готовую продукцию — консервы. Это был плавучий завод и одновременно дом более чем трехсот человек, и не удивляли в коридорах таблички: «пекарня», «банно-прачечный комбинат».

...В тесных комнатухах музея ТИНРО, где стойко пахло формалином, были собраны обычные и диковинные обитатели морей: кожистая черепаха двухметровой длины, луна-рыба, гигантский скат, весом в 300 килограммов, сельдевая акула. Интересно было по подписям к экспонатам, в которых сообщалось, когда, откуда и кем они доставлены, проследить географию маршрутов ученых. Организованный более полувека назад, ТИНРО — центр рыбохозяйственной науки на Дальнем Востоке — начал свою деятельность с изучения прибрежных районов, а уж потом приступил к исследованию морей и открытых зон Тихого и Индийского океанов. Следом за научными работниками — биологами, ихтиологами, конструкторами — шел рыболовный флот. Дальневосточная рыбная промышленность из прибрежной превратилась в промышленность морского активного рыболовства. В простой некогда цепочке «море — человек» прибавилось много новых звеньев, и не сотни, а тысячи людей стали уходить в океан.

Уже в сумерках наш сейнер берет курс на Владивосток. На палубе остро пахнет свежей рыбой, водорослями. Рыбаки устали, с ожиданием глядят они на проплывающие берега. Город открывается бухтой Тихой. В распадке сопок поднимаются многоэтажные дома, окутанные прядями тумана.

— Там всегда туман, — говорит Женя. — «Спят в тумане капитаны и матросы спят...» Там, рядом с бухтой, — морское кладбище, знаете?

Я вспоминаю дорогу сквозь туман, сопки, якоря и цепи на могилах. Море есть море.

Уже близко бухта Золотой Рог, от множества огней светится небо. И вдруг перед нами в вечернем сумраке возникает силуэт судна. Оно идет из дальних широт, и вот осталась одна, последняя миля. Завтра утром оно войдет в бухту и будет музыка, и цветы, и флаги, и огромная толпа у причала, и одно-единственное лицо, выхваченное из толпы, увиденное сразу.

Но то будет завтра. А сейчас рыбаки рядом с домом, но еще не дома и рады случайной встрече, и с завистью смотрят вслед нашему сейнеру.

Женю эта встреча растревожила больше других. Он был самым молодым из всех. Женя признался, что ему надоело море, что его тянет земля, но, кажется, засомневался в этом сам, встретив возвращающийся из далекого плавания большой флот. Может быть, проснулась досада — не их встречают на берегу. И захотелось прожить много трудных дней вдали от Владивостока, чтобы город ждал тебя.

Море скрылось за горизонтом. Позади остались Артем, Уссурийск, сопки, подъемы и спуски, веселые леса по обочинам. Приближались болотистые Приханкайские земли.

...Это случилось осенней ночью. В то злополучное лето дожди лили здесь непрерывно. Разлились реки. Разлилась Ханка. Машины проходили по расползшимся дорогам только с тракторами. Рабочие подъезжали к оставленным в поле скреперам на лодках, смазывали механизмы и уезжали. На Сиваковской насосной станции укладчики бетона не снимали гидрокостюмов.

В два часа ночи рабочий, наблюдавший за насосами в котловане станции, услышал тяжелый шум. Он перекрывал шорох дождя и все нарастал. Едва рабочий выбрался по глинистым отвалам на поверхность, вал воды высотой в шесть метров хлынул в котлован...

Вода пришла с Ханки. Это огромное, но мелкое озеро — самая большая глубина его чуть больше десяти метров — легко подчиняется ветру. Весной того же года ветер увел воду озера к западным берегам, и поля стояли сухими. Осенью со страшной силой гнал ее туда, где к озеру подходил канал. По этому-то каналу, по болотистой зелени его откосов и хлынула коричневая вода Ханки.

— Долго мы здесь авралили. Только часть экскаватора торчала над котлованом после той ночи, — рассказывает Вадим, молодой мастер. — Этот аврал и был началом моей работы здесь.

Как часто потом, в путешествии по приханкайским землям мне приходилось сталкиваться с этим словом, с этим понятием — «начало»...

Мы сидим с Вадимом в просторном деревянном домике конторы, что стоит у разъезженной дороги на краю котлована. Вадим разложил чертежи, объясняет, что же за объект такой — Сиваковская станция. Голос у Вадима тихий, слова ложатся точно, карандаш сразу находит нужную точку.

— Это будет и оросительная и осушительная станция одновременно. Весной дает воду полям, перед сбором урожая риса забирает, сбрасывает в Ханку. Московские инженеры проектируют при станции рыбозащиту. Дело новое и важное — нельзя, чтобы из озера уходила рыба молодь. Говорят, когда

однажды плавающие насосные станции стали качать воду, пятнадцать минут шла на поля рыба!

В открытое окно конторы ворвались шум мотора, топот, возбужденные голоса.

— Студенты приехали. Надо встретить. — Вадим поднялся, вышел на улицу.

Он чувствовал себя хозяином здесь, да собственно и был им. Этот котлован с торчащими стержнями арматуры, и дорога к Ханке, где застревал даже газик, и светлый шелк озера с обманчиво зелеными берегами, и далекие крыши совхоза — все это он видел изо дня в день целый год. И это уже было его. И в то же время он ощущал себя еще студентом, ведь только год назад была студенческая скамья, Владивосток, и ему хотелось быть радушнее и добрее к приехавшим. Он стоял среди студентов широкоплечий, чуть сутулый, в резиновых сапогах, в узких джинсах. Светлая рубашка парусом вздувалась на спине. Его коричневое от ветра лицо улыбалось — он был рад приезду ребят еще и потому, что лето обещало быть шумным и веселым.

Студенты смотрели на Вадима и, по-моему, им очень хотелось спросить — что привело его на долгое житье-бытье в эти болотистые пасмурные края? — Спроси они, и Вадим, наверное, отшутился бы, что он обожает лотосы, а они цветут как раз на Ханке. А может быть, рассказал бы легенду про старика, что живет по соседству. Дед этот, говорят, поспорил с ирригаторами, что не вырастить им на этой земле, где он карасей с крыльца ловил, ни зернышка. Вот он, Вадим, и хочет выиграть спор...

Впрочем, шутки шутками, а многих, особенно молодых специалистов, сюда привели новизна и перспектива дела, которое совершается в приханкайских землях.

Наш «газик» уже который день носится по дорогам между Сиваковкой и Астраханкой, Камень-Рыболовом и Черниговкой, Мильгуновкой и Владимиро-Петровкой. Между совхозами, полевыми станами, районными центрами. На нескольких сотнях гектаров разбросано сложное хозяйство ирригаторов. Благословенной кажется эта земля при ярком солнце: четкие квадраты рисовых полей, нежная зелень всходов, зеркала залитых водой чеков и легкий полет цапли над этой разграфленной, ухоженной и ровной до самого горизонта, до синих сопок землей. Но выйди из машины, сойди с обочины — и ноги утонут по колено в болоте, спрятанном под зеленью трав и цветов. Труден и долг путь к этой идиллической картинке, к этой уже плодоносящей земле...

Чтобы только подготовить поля для посевов, надо вывести из болотистой земли воду, осушить ее. Затем разбить на чеки, или карты, площадью в 30—40 гектаров. Это работа скреперистов — они снимают верхний слой, гуртуют его, потом снимают

часть глинистого слоя, чтобы тяжелой, с трудом пропускающей воду глины было меньше; снова насыпают верхний слой, разбивают поля на чеки, создавая перепад не более пяти сантиметров. Точность требуется ювелирная, иначе земля начнет заболачиваться. И, наконец, надо подать воду на поля, а для этого построить сложные оросительные системы — насосные станции и многокилометровые каналы. Магистральный канал уже забирает воду Ханки, от него ответвляются каналы — ерики; они бегут по полям, чтобы напоить посевы риса, единственного культурного злака, который возделывают на земле, покрытой водой. А рядом с зеркальными чеками — груды взрытой земли и насыпные дамбы поперек будущих полей, и скреперисты в марлевых повязках, защищающих от торфяной пыли.

Мы ездим от хозяйства к хозяйству вместе с начальником штаба этой ударной комсомольской стройки — молодым парнем, которого все называют только по имени.

Эдуард живет и работает во Владивостоке, но двадцать дней из месяца он проводит на приханкайских дорогах, ночуя то в вагончике строителей, то в общежитиях, а то и просто в машине, которая стала ему домом. Плащ, резиновые сапоги, чемоданчик с бельем, «все свое ношу с собой», — такова походная жизнь начальника штаба.

— На других стройках полегче. Скажем, Приморская ГРЭС или порт Восточный, — там все хозяйство в кулаке. А здесь пока доберешься. Стой, стой! — Эдик трясет за плечо водителя.

Быстро выскакивает из машины, поднятой рукой останавливает несущийся навстречу грузовик. И вот уже на обочине дороги под развесистой ивой стоят Эдик и двое парней и о чем-то спорят. Фраз не разобрать, только доносятся слова: скрепер, чеки, магистральная, насосная. Крупное лицо Эдуарда краснеет, голос резкий и злой. Куда исчезли его спокойствие, добродушие, улыбка.

Он садится в машину, молчит, расстроенный. Потом, отходя, говорит: «Технику не берегут, черти. При наших-то дождях запороть механизмы ничего не стоит. Давно хотел поговорить с ними. Ну, поехали...»

И снова дорога среди ив, и снова залитые водой поля. Наконец, завиднелись голубые хаты под высокими тополями. Черниговка. Потянулись длинные прямые улицы. Строй тополей, мягкая трава на обочинах, мазанки с яркими цветами в палисадниках и деревянные избы с резными наличниками, каменные коттеджи и пятиэтажные дома. До сих пор это село, как и другие здешние села, хранит свое незамысловатое название — память о тех землях, откуда пришли сюда люди. Временами мне казалось, что я еду по дорогам Полтавщины или Рязанщины, но стоило оторвать взгляд от сельской улицы, как вид рисовых полей и сопок на горизонте возвращал в Приморье. И тогда вспоминались не раз описанные корабли, которые век назад

везли долгим морским путем из Одессы и Херсона переселенцев, и тяготы этих людей, оторванных бедностью от земли своих предков и брошенных сюда, на землю незнакомую и «лежавшую впусте». Эти последние слова взяты из дорожных записок известного русского писателя, путешественника и этнографа Сергея Максимова. В 1860 году на почтовых лошадях он пересек Россию, чтобы побывать на Амуре, проплыть вдоль берегов Приморья и рассказать об этом крае. Любопытен разговор Максимова с вятским стариком крестьянином, в избе которого он остановился в пути. До Приморья было еще далеко, и путешественник рассказывал старику лишь то, что сам про него слышал, — про виноград да тигров. На что старик возражал ему:

«— Сказывай ты лучше, какова земля-то там?

— Хороша земля, уж если виноград родится.

— Да он-то родится, для него она, может, и хороша, а для хлебушка, поди, не споркая... А живал ли там, в земле твоей доперез этого народ какой?

— Нет, не живал, земля впусте лежала.

— А лежала земля в пустырях и народу на ней не жило — на землю ты на эту похвальбы большой не клади... Знаешь ли ты, что нет для мужика крещеного того зла на свете злее, как вот с этими новями возиться...»

И все-таки переселенцы обжили этот край и положили начало стойкому, широкому, замешанному на русском и украинском трудолюбию, на белорусском терпении характеру приморца. Приморец не боится движения и перемен, как не боялись предки его, пустившиеся в дальнее, неизвестно что сулящее путешествие, но столь же трогательно, как и они, бережет в памяти воспоминания о волжских косогорах и украинских вишневых садах.

Мы шли по ночной Черниговке. Стояла теплая ночь. Пахло травой, цветами. Окна уже погасли, только отсвечивали в темноте беленые стены мазанок. И вдруг в небе над затихшими улицами возникли светящиеся, жужжащие круги. Один, второй, третий.

— Вертолеты, — сказал Эдуард, — возят рабочих на работу и обратно.

И начался долгий разговор, где не было места лирике, прекрасной ночи, окружавшей нас, а было только дело, то дело, которое ждало моих спутников завтра. Слушая их негромкий разговор, я думала о старике, который карасей с крыльца ловил. Безднадежно проиграл он спор.

Дорога шла на север. Скрылись за горизонтом болотистые приханкайские земли. Замелькало разноцветье лугов — оранжевые лилии, лиловые и желтые ирисы, белые дикие пионы; за зарослями жасмина и шиповника стеной стояли тополя, дубы, березы, каштаны. Сопки стали ближе, рельефнее. С высоты от-

крылась долина Уссури: плоские зеленые берега, плавное течение, рукава, островки, отмели. В одном из рукавов плотно, одно к другому, лежали бревна.

Город Дальнереченск встретил острым скипидарным запахом дерева, опилок. Этот запах плыл над тихими улочками с деревянными тротуарами, смешивался с выхлопными газами на асфальтовых проспектах и снова становился ощутимым на берегу Большой Уссурки, где стояла сплавная контора и тянулись склады. Нетрудно было догадаться, что город жил лесом, который приносил приток Уссури с высоких таежных сопок.

...Идем на моторке вверх по Большой Уссурке. Река широкая и быстрая. С берегов она казалась спокойной, почти сонной, но стоило заглухнуть мотору, как течение и ветер несли лодку назад. Невысокие берега заросли тополем и белой, похожей на калину, сиренью. Здесь называют ее «трескун» — в костер не кладут, трещит, летят искры и головешки. Листья тополя серебрятся на солнце, полощутся под легким ветерком. Солнце, синее небо, быстрая вода — хорошо!

Но лица моих спутников не веселы. Юрий, работник сплавконторы, и Николай, старшина катера, следят за каждым набегавшим облачком. Переглядываются тревожно, когда лодка царапает днищем о камни, сокрушенно вздыхают, глядя на неподвижные бревна, дремлющие в заливчиках.

— Режет нас господь бог, — говорит Юрий. — Такого сухого июня давно не было. Мало снега было с зимы, весенняя вода быстро прошла. Позарез нужен дождь! Хотя бы до метра уровень поднялся — и пошли, пошли бы бревна. Лето-то уходит.

Юрий как-то обиженно поправляет шляпу и говорит Николаю:

— Давай к сплавщикам.

Моторка огибает круглый зеленый остров, проскакивает под мостом, ловко обходит галечную косу, намытую посреди реки, ныряет в одну протоку, в другую. Цапля стоит на зеленом островке. Изящная, длинноногая, а вокруг носятся чайки. Наперекор течению, извиваясь, плывет гадюка, ее черное гибкое тело видно сквозь прозрачную воду.

По фарватеру, там, где течение сильное и глубина еще достаточная, плывут бревна. Есть в них, право, что-то одушевленное: то неожиданно и злобно «торпедируют» они моторку, то идут, мягко подталкивая друг друга, то застынут, покачиваясь на волне, то вдруг резко рванутся вперед. Но если отвлечься от эмоций — плохо, конечно, что идут они по реке в одиночку, не связанные хотя бы в пучки или плоты. Не случайно от молевого сплава отказались уже на многих реках страны.

Вся долгая водная дорога леса продумана и организована человеком. В запанях, устроенных в пути, бревна отстаиваются, дожидаясь нужного сплавконторе часа или большой воды. Вби-

тые вдоль реки свая, подобно барьерам на особо опасных участках шоссе, не дают волне разбрасывать лес далеко по берегу. Скрепленные из бревен длинные плети-боны то отгораживают тихую заводь или протоку, так сказать, непроезжую дорогу, то направляют бревна в фарватер — быструю струю. Пикетные бригады (река разбита на пикеты) следят за порядком на водной магистрали. Лес кончает свой путь у города Дальнереченска в больших запанях. Отсюда могучие бревна кедра, пихты, ели, пахнущие смолой, тайгой и водой, уходят на комбинаты Дальнереченска, в разные города страны и на экспорт в зарубежные страны.

На берегах видны следы весенней воды: подмытые корни деревьев, обкатанные и источенные волнами стволы, плотная, прибитая разливом земля. По весне, с середины апреля, работы сплавщикам хватало. А сейчас ждут большой воды.

— Послушай меня, Юрий, и ты, Николай, пока воды нет, надо «костры» растащить, — говорит бригадир сплавщиков («костры» — это обсыхающие на отменях бревна). — Так что готовь катер, а мы пока мелочь покидаем.

Вот они встали на берегу, вся бригада. Лица, прокаленные солнцем, ветром, дождем, искушенные мошкой. Лихо заломленные кепочки. В жилистых руках — длинные багры. На всех резиновые сапоги, серо-зеленые спасжилеты. Сплавщики толкают бревно баграми то в одну, то в другую сторону, напоминая гребцов слаженностью и очередностью движений. Бревно уже в воде, но надо, преодолевая сопротивление волны, вывести его на широкую воду. Хождение с багром по залому — как просто оступиться на этих мокрых, покачивающихся бревнах; быстрый и длинный прыжок на бон, на этот узкий мостик среди стремительной реки; точные движения багром — путь открыт! А когда придет большая вода, работа станет еще рискованней и оттого веселее, азартнее.

Работа сплавщиков заставила вспомнить о тех многих жителях Дальнереченска и окрестных деревень, профессии которых до сих пор связаны с тайгой: охотниках, варщиках пантов, корневищиках. Природа, с которой они соприкасаются изо дня в день, требует от них крайней выносливости, и эта необходимость быть сильным и осторожным, решительным и терпеливым вырабатывает ту жизненную силу, которой могут позавидовать многие горожане.

Анне Игнатьевне Баталовой, когда я познакомилась с ней, было уже за семьдесят. Сухонькая, легкая, маленькая, лицо сморщенное. Она безостановочно движется по избе, находя себе дело. Бревенчатые стены избы увешены дипломами. Анна Игнатьевна была одной из лучших охотниц в районе. И даже уйдя на пенсию, она, как только выпадет снег, встает на лыжи (лыжи широкие, длинные, раза в два больше ее) и идет ставить капканы. А летом рыбачит.

К ней привел меня охотовед Володя. Володя еще очень молод, и в его глазах светится неподдельное любопытство и уважение, когда он слушает быструю речь Анны Игнатьевны. Володя сам охотник. Ему было семнадцать, когда он окончил охотоведческий техникум и подался в эти края один, без семьи и друзей. Охотничье хозяйство Дальнереченска — сотни тысяч гектаров. Сопки, кедровая тайга, где растут целебный лимонник и элеутерококк, виноград, кедровый и маньчжурский орех; где водятся изюбры и тигры, выдры и лисицы, белки и колонки. И чтобы это хозяйство было прибыльным и вместе с тем, чтобы рационально использовать богатства природы, приходится строго следить за сроками охоты, вести подсчет живности, строить промысловые избушки. В любую минуту Володя готов вскинуть рюкзак и ружье на плечо и отправиться в тайгу. Наверное, эта бродячая жизнь и сделала его похожим на спортсмена. Крепкий, жилистый, ни грамма лишнего веса.

Володя отлично знает теперь, какое терпение надо иметь, если собрался провести ночь на солонцах, в лабазе, метрах в десяти над землей, поджидая осторожного изюбры. «Сидишь не дыша, глазом боишься повести, а зверь пять шагов сделает и стоит. Ждет, нюхает. Опять пять шагов. И снова ждет. И по ветру пойдет и против ветра — осторожничают...»

Знает Володя и то, как по-старинке варить панты. Бывалые охотники и пантовары научили его этому искусству: шесть дней надо варить по 15 минут в день. Только эти 15 минут по секундам складываются: 120 секунд подержал в чане, затем вынь, дай остыть. Еще 120 секунд подержал — дай остыть подольше. И так далее. Кровь в рогах постепенно консервируется, сохраняя свои ценные для медицины качества.

Даже на тигров Володя уже ходил, правда, это была мирная охота по заданию ученых Владивостока. Надо было подсчитать всех тигров на территории района.

...Отряд состоял из четырех человек: охотовед, егерь, два охотника. Они разбились на две группы, чтобы охватить большую территорию. На лыжах по глубокому снегу шли вдоль таежных рек, переваливали через высокие отроги Сихотэ-Алиня, искали следы, страшась и ожидая встречи с самим зверем. Впрочем, следы им говорили многое — о поле и возрасте тигра, его привычках и границах обитания. Рассказы местных охотников дополняли картину. Вечером при свете костра участники экспедиции записывали: «По ключу Тихий живет постоянно самка тигра. Размер следа задней пятки 8 сантиметров. На этом участке — примерная площадь 150 километров квадратных — она живет уже несколько лет. Суточный ход зимой по 15 километров, направление хода различное: при глубоком снеге часто ходит по волоку и дорогам леспромхоза».

Выводы делали уже дома. Оказалось, что количество тигров в дальнереченских лесах за несколько лет возросло, превысив

необходимое для этого района число. Значит, нескольких тигров — этих регуляторов численности крупных животных — можно отловить и продать на зообазу.

Эта трудная экспедиция окончательно связала Володю с дальневосточной тайгой.

Самолеты в Дальнегорск не летали: над побережьем стоял туман. Мне хотелось добраться туда, чтобы взглянуть на город горняков, на горно-металлургический комбинат и познакомиться с работой одной из экспедиций Института географии, которая обосновалась неподалеку от Дальнегорска. Но, увы, пришлось возвращаться во Владивосток. И здесь мне повезло: несколько работников экспедиции задержались на день в городе, заканчивая сборы; они-то и рассказали о комбинате и о целях экспедиции.

Еще в конце прошлого века в районе Дальнегорска были открыты залежи полиметаллических руд. Начало их освоения связывают с именем промышленника Бринера. О размерах бринеровского «дела» сегодня говорят с улыбкой. Открыты новые залежи, реконструированы старые предприятия построены новые. Все бы хорошо, но речка, на которой стоит комбинат, за эти долгие годы загрязнилась. Пришло время, когда остро встал вопрос: как влияет работа комбината на внешнюю среду, флору и фауну? Экспедиция геохимиков должна была исследовать реку и прибрежные морские воды: предполагалось работать с аквалангами на глубине 30 метров и выходить на кораблях на глубины. Исследователям надо было установить, где скапливаются осадки и где рассеиваются, как влияют они на водоросли и какова «природа самоочищения природы»? Ведь если загрязненность воды не превышает критического уровня, организмы, живущие в этой среде, очищают ее сами. Значит, надо выявить критический уровень загрязнения. Надо дать прогноз на будущее.

Выводы экспедиции важны для работы многих комбинатов — одно за другим открывают геологи Приморья новые месторождения олова, полиметаллов, вольфрама...

Работа этой экспедиции была лишь частицей той большой программы по изучению проблемы «Человек и природная среда», которая задумана и осуществляется Дальневосточным научным центром.

Главное здание ДВНЦ стоит у бухты Золотой Рог лицом к звенящей трамваями Ленинской улице, в двух шагах от краеведческого музея. Когда-то на месте музея была банька, и сохранилось предание, что однажды лейтенант Русского флота Бурачек и купец Семенов убили возле баньки тигра, лакавшего воду из бочки. Эта история вызывает к воображению. Невольно представляешь, как в 1860 году в удобную бухту вошел военный транспорт «Маньчжур» и команда его из 40 человек нижних

чинов принялась возводить среди тайги и сопок поселение, которому суждено было стать в будущем не только крупнейшим портом страны, но и центром исследования обширных малоизвестных тогда земель. Пржевальский, Маак, Венюков, Максимович, Арсеньев — немало выдающихся имен связано с изучением Приморья.

В нынешнем здании ДВНЦ была когда-то квартира академика Комарова. Владимир Леонтьевич всегда подчеркивал уникальность дальневосточной природы как объекта науки. Именно по его инициативе в 1932 году появился Дальневосточный филиал Сибирского отделения Академии наук СССР. На базе этого филиала и других научных учреждений в 1970 году был создан Дальневосточный научный центр АН СССР. Дальнейшее развитие получили исконные направления дальневосточной науки — геология, биология, химия. За короткое время родился целый ряд новых институтов. Горнотаежная станция, станция службы Солнца, несколько заповедников и морских станций также работают в составе ДВНЦ. Приморские ученые вносят серьезный вклад в развитие различных областей науки. В Тихоокеанском институте биоорганической химии ведутся интересные исследования на морских организмах; очень широкие перспективы у Института биологии моря; достаточно известны работы Дальневосточного геологического института по Тихоокеанскому рудному поясу; большую помощь хозяйству края получает от Института автоматики и процессов управления. ДВНЦ — это первое в нашей стране научное объединение, в целом призванное заниматься комплексным исследованием и рациональным использованием ресурсов океана и прилегающей суши.

Любопытно, что большой приток научных сил сказался, а в будущем, наверно, скажется еще более, на тоне жизни всего Владивостока. Не случайно от многих молодых владивостокцев я слышала, что они хотели бы связать свое будущее с наукой. Их привлекает интерес ученых к краю, большая культура, энергичный темп их работы. Кстати, все это я ощутила и в кабинетах главного здания ДВНЦ. Здесь говорили об экспедициях, научных станциях, строительстве институтских корпусов и жилых домов научного городка под Владивостоком. Может быть, именно этот размах, требующий крайней самоотдачи, и привлекает в ДВНЦ молодых ученых.

Есть во Владивостоке рядом с бухтой площадь вокзалов. Каждый, кто приезжает в город или уезжает из него, не минует ее. И в два часа ночи на ней народ, и в шесть утра темно от людей.

Любопытно побродить по площади, всматриваясь в лица отъезжающих, отплывающих, улетающих. На лицах не видно волнения, которое приходит к людям перед дальней дорогой,

не чувствуется тревожного ожидания последнего звонка, — быть может, оттого, что поездки для владивостокцев дело привычное, или оттого, что самая дальняя когда-то дорога стала такой короткой, что можно отправляться в путь с одним портфелем.

Мне вспомнилась дорога сюда. Мы вылетели из Москвы в шесть вечера. Когда часов в девять в салоне выключили свет, стало видно серое небо и несколько ярких колючих звезд. Это были самые темные мгновенья полета, ночь сократилась для нас до этих считанных минут — мы летели навстречу дню, и ночь уже прошла над этой землей, уходя на запад. В серой гряде туч мелькнуло пятнышко, оно было цвета расплавленного металла, и все росло, росло, пока не ослепило салон самолета. И вот в восемь утра наш самолет приземлился во Владивостоке.

В этой быстрой и легкой дороге, листая взятый с собой томик Сергея Максимова «На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания», я наткнулась на такие строки: «Счастлив буду, когда, наконец, судьба приведет меня к тому месту, к которому давно уже стремятся и около которого давно уже вращаются все мои помыслы... Там, на Амуре (думалось мне), совершается теперь и долго будет продолжаться интересный, поучительный процесс перерождения разных национальностей во имя новой страны... Там, на Амуре, работы много, и работа эта несет и заботу, и наслаждение».

...Здесь, на берегу Золотого Рога, у самого пирса не пахнет ни рыбой, ни морем. Но мальчишки упрямо сидят на борту баркаса и ловят корюшку. А за их спинами — грохот составов, скрип кранов, команды диспетчера торгового порта. Бухта Золотой Рог — это перевалочный пункт, где грузы, приходящие по железной дороге со всей страны, отправляют судами на Камчатку и Сахалин, на Чукотку и в Арктику. Такой уж это город, Владивосток. Здесь обрывает свой долгий бег Транссибирская железная дорога. Дальше — океан...

Содержание

От автора	3
На Полоцкой земле	5
На реке белая ночь	11
Синий цвет пустыни	26
Ветры Кара-Богаза	36
На Иртышском меридиане	42
Большой порог	52
Дом за полярным кругом	69
Ангара меняет берега	78
Дальше — океан...	97

Лидия Александровна Чешкова Дороги не кончаются...

Редакторы В. П. Голов, И. А. Ерофеев
Редакторы карт В. Б. Кузнецов, Г. Д. Семенова
Художник Н. В. Беляева.
Художественный редактор Е. Л. Ссориная
Технические редакторы Е. В. Львова, Н. Д. Стерина.
Корректор Л. А. Козлова

ИБ № 6136

Сдано в набор 29.01.82. Подписано к печати 21.07.82. А11080. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типограф. № 2. Гарн. литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 7. Усл. кр.-отт. 7,50. Уч.-изд. л. 7,52. Тираж 285 000 экз. Заказ № 1463. Цена 25 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

25к.

